

- - [Введение в христианскую психологию](#)
 - [Новая глава в отечественной психологии](#)
 - [От автора](#)
 - [Обращение к читателю. О современной психологии и психологах](#)
 - [Психология возрождения Личности](#)
 - [Стихия возрождения](#)
 - [Благодатные перемены](#)
 - [Русский космос](#)
 - [Нравственная идея и психологическая наука](#)
 - [Мистика земли. Благовест](#)
 - [Таинство брака и семьи: космология домостроительства](#)
 - [Об осмысленном несении жизненного креста](#)
 - [Встреча и любовь](#)
 - [Архитепическая структура семьи](#)
 - [Дом и его мистика](#)
 - [О блюде](#)
 - [Реплика о половом воспитании](#)
 - [Смерть отца](#)
 - [О христианской педагогике в России](#)
 - [Дидактические приципы](#)
 - [Воспитание мальчика-христианина](#)
 - [Воспитание девочки-христианки](#)
 - [Бог, мир и я. Мысли после вечерней молитвы](#)
 - [Вместо заключения](#)
 - [Толкование некоторых базовых духовных понятий](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

Введение

Введение в христианскую психологию

Читателю, который заинтересованно начал листать эту книгу, а тем более тому, который освоит ее в полноте или частично, неизбежно захочется различить автора по узнаваемым признакам. Они, впрочем, достаточно уловимы в контексте собранных публикаций, я же выделю на первое место самое важное и значимое: протоиерей Борис Ничипоров – сельский батюшка, настоятель Ильинской церкви села Селихово, что близ города Конаково в Тверской области.

Не противясь мирскому суетному суждению, что для молодого ученого, преподавателя столичного университета, блестяще защитившего Диссертацию на степень кандидата психологических наук, переезд из Москвы в глубинную российскую провинцию явился как бы сдачей жизненных позиций, замечу лишь одно: Промысел Божий мудрее самого мудрого, а выше и чище службы у престола церковного, где бы он ни стоял, нет ничего на свете. Подчеркну и другое, связанное с тем, что решение о принятии сана Б. Ничипоровым в начале 80-х годов, в период далеко не благодатный для Русской Православной Церкви, было мужественным поступком.

А ныне, когда наша общественная и личная жизнь подвергается тяжелейшим испытаниям, нам особенно дороги деятельные и результативные усилия о. Бориса по просвещению паствы в духе православия. Образно говоря, церковная ограда Ильинского храма – и в этом серьезное назидание другим священникам – расширилась, в нее входит не только тот, кто отягощен годами, но все больше число молодых и юных летами.

Воскресная школа, которую о. Борис первым организовал в обширной Тверской епархии, стала Детским православным центром, где ныне занимаются около 700 Детей. Масштабная, разветвленная по широкому спектру образовательных задач программа Центра имеет серьезную научную проработку и поддержку Министерства образования России, Российской Академии образования, МГУ.

Воцерковленные педагогика и психология нашли отражение на страницах этого издания. Оно будет интересно для психологов-теоретиков и психологов-практиков, для школьных преподавателей, да и массовый, любознательный читатель найдет здесь для себя полезные страницы.

В малом российском городе Конаково создана особая атмосфера не

просто сосуществования церкви с обычными миром, но благодатного сотрудничества – и с властями, и с жителями. Вокруг о. Бориса сложилась группа единомышленников, квалифицированных творческих специалистов. Отрадно, что в их рядах выросли трое священников, так что Ильинская [церковь](#) не испытывает кадровых затруднений, столь характерных для подавляющего большинства наших приходов. Сугубая ценность о. Бориса в том, что его служение прочно укоренилось по нашему тверскому адресу. Оно исполнено взаимной любви и привязанности Духовного отца и духовных чад.

Читатель Должен знать и то, что о. Борис награжден Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом во имя Благоверного князя Даниила Московского.

Епископ Тверской и Кашинский
Виктор

Новая глава в отечественной психологии

Книга о. Бориса (Ничипорова) – священника, психолога, педагога, общественного и научного деятеля – действительно открывает новый и важнейший раздел в еще только зарождающейся антропологической психологии (психологии человека). Раздел этот – без которого по сути невозможно подлинное человекознание – духовная психология.

Само различие в составе человеческого существа трех реалий – тела, души, духа – принадлежит религиозной (христианской) антропологии. Именно религиозная точка зрения на человека настаивает на необходимости и являет способность целостного виденья человеческой природы – в единстве его телесной, душевной и духовной форм жизни.

Не так обстоит дело в современной психологии. Долгое время, а во многом и по сей день, психологическая наука пыталась изучать психическое как таковое, замкнутое в самом себе, «психическое сообще» – от психики дождевого червя до психики человека. Нужно сказать, что на границах «душ» и «тела» психология продемонстрировала вполне очевидные успехи; здесь были получены не просто новые факты, но и сложились целые отрасли человекознания: психосоматика, нейропсихология, психогенетика и др.

Казалось бы, вполне оправдана экспансия психологии и к другому полюсу человеческой реальности – к формам его духовного бытия. Ведь только в этом, объемлющем интервале (телесное существование – духовное бытие) можно было выявить саму природу и жизненный статус психического (душевный строй человека). Однако и по сей день собственно научная психология (в своей исследовательской, теоретической части) лишь приглядывается, осторожно примеривается к духовной реальности; к той реальности, само существование которой в отечественной психологии из идеологических соображений вообще отрицалось. А если и допускалось, то лишь в виде продуктов культуры, форм искусства, норм общежития и др. Психология искусства, психология религии была скорее «психологической археологией», которая по вещественным останкам пыталась восстановить духовное творчество коллективных субъектов, но не духовную ипостась конкретного человека. И хотя существовала традиция относить психологию к наукам о духе, но собственно психология духовности так и не была построена. Духовность человека, сам его индивидуальный (субъективный) дух шел можно сказать

по «ведомству» идеалистической философии, религии, художественного творчества и т. п.

Сегодня ситуация постепенно меняется. Психология человека начинает интенсивно осваивать наследие (и мировое, и отечественное) религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа; расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное – строить новый взгляд, «стереоскопическое или голографическое» виденье человеческой реальности в ее субъективной проекции. В отечественной психологии работами Б. С. Братуся, В. П. Зинченко, Ф. Е. Василюка и других предпринимаются попытки заложить основы подлинно духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его-индивидуальной жизни. В этом ряду, но со своим особым взглядом на духовную жизнь человека, находятся и работы Бориса Владимировича Ничипорова.

В традиционной философско-психологической литературе духовное начало человека связывают с общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, с включенностью человека в мир культуры. Именно поэтому ограниченным является только узко психологический взгляд на человека, где он предстает прежде всего как отдельность и выделенность из рода, со стороны своих индивиду-своеобразных свойств и качеств как внутренняя взаимосвязь множества психологических способностей и механизмов. В действительности же внутренний мир человека имеет многообразные связи и отношения со всем универсумом человеческой культуры; и именно здесь он обретает свой смысл и духовное измерение.

Последователь и ученик В. Дильтея, создателя психологии как науки о духе, – Э. Шпрангер писал, что «субъект с его переживаниями и образами вплетен в грандиозную систему мира духа, исторического и общественного по своему характеру»¹. Как духовное существо человек не может рассматриваться в положении «уединения, подобного находящемуся на острове», он должен мыслиться во взаимосвязи с обществом, с культурой, с историей. Отдельная человеческая душа вплетена в межчеловеческие, общественные связи, скреплена с другими общими ценностями жизни. «Эти ценности, – отмечает Э. Шпрангер, – возникшие в исторической жизни, которые по своему смыслу и значению выходят за пределы индивидуальной жизни, мы называем духом, духовной жизнью или объективной культурой»². Духовная жизнь человека всегда

обращена к другому, к обществу, к роду человеческому. Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого сообщества. способен поступать в соответствии с ними. Нравственность есть одно из измерений духовности человека.

Духовность относится к родовым определениям человеческого способа жизни. Дух есть то, что связывает отдельного индивида, субъекта психической деятельности, личность человека со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия. Духовность придает смысл жизни отдельному человеку, в нем человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живет, каково его назначение в жизни, что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т. п.

Духовное встраивается в царство предметного мира как транссубъективное, как историческое взаимодействие и суммирование деятельности бесчисленных исторических субъектов; оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность духовных норм и ценностей. С общекультурной точки зрения духовность представляет собой идеальный комплекс норм, которые противостоят субъекту и обществу не как данность, а как заданность и требование.

Однако неправильно было бы мыслить духовность человека как только содержание высших образцов человеческой культуры (в виде общественно-исторических норм и ценностей). Несомненно, что усвоение этого содержания придаст и придает качественное своеобразие и определенность человеческой субъективности, расширяет ее пределы, и тем не менее – загадка индивидуального, неповторимо уникального духа конкретного человека остается. Через предметное содержание даже высших образцов культуры, имеющих общеродовой характер, индивидуальный дух не улавливается. У нас появляется уверенность, что он есть, но что он есть и как он возможен – остается неизвестным.

Неправильно было бы мыслить духовность также и как новую ступень усложнения индивидуальных психических функций и способностей, «как средоточие всех функций сознания сконцентрированных в единой индивидуальности»³. Как более высокий уровень развития всех предшествующих свойств психического, как вершина и предельная утонченность душевности. По остроумному замечанию М. Шелера, с точки зрения интеллекта различие между Эдисоном (как только механиком) и умным шимпанзе необычайно велико, но – лишь в степени. И даже, если все субъективные способности человека произвольно возрастут до бесконечности – все равно – это еще не есть духовность, это все еще

степень, а не существо различий, не другой способ бытия.

Новый принцип, делающий человека человеком, вообще лежит вне всего того, что и с внутренне-психической, и внешне-витальной стороны мы можем назвать жизнью. То, что делает человека человеком, есть принцип, противоположный всей наличной жизни; как таковой, он вообще не сводим к «естественной эволюции жизни», а если его к чему-то и можно возвести, то только к высшей основе самих вещей – к той основе, где и сама жизнь является лишь частной ее манифестацией. Этот принцип, который включает в себя и понятие разума, и мышление в идеях, и созерцание, и такие эмоционально-волевые акты, как доброту, любовь, раскаяние, – М. Шелер обозначает словом (понятием, категорией) – дух.

Но, что же это такое – «дух», этот новый и столь кардинальный принцип бытия человеческой реальности? Редко с каким другим словом обходились так вольно и путанно. Если главным в понятии духа сделать особый род знания, особый способ существования, которые может дать только он, то тогда основным определением «духовного существа» в нас оказывается личная независимость от всего органического (телесного), свобода от принуждения и давления всего, что относится к «жизни», в том числе и от «душевных структур», ее влечений, пристрастий и прельщений. И это есть подлинная внутренняя, духовная свобода, т. е. свобода именно духа, который «веет, где хочет», а не души и не тела.

Замечательный русский философ И. А. Ильин писал: «Тело человека несвободно. Оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей ... Все это делает тело человека несвободным в движении, смертным всегда подчиненным всем законам и причинам вещественной природы ... Он может не знать о них или забыть об их действии, но освободиться от них он не может.

Несвободна и душа человека. Прежде всего она связана таинственным образом с телом и обусловлена его здоровой жизнью. Далее, она связана законами времени и последовательности ... Она связана своим внутренним устройством, которого она сама не создает и нарушить не может: законами сознания и бессознательного, силою инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли ... Душа не творит сама этих законов, а подчиняется им и не может изменять по произволению.

Но духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Ибо есть сила самоопределения к лучшему. Он имеет дар – вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать его или отвергнуть ... Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя и преодолеть в себе то, что отвергается; дух имеет силу и

власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни»⁴.

Духовное бытие, таким образом, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от чужой и главное – своей собственной самости. Свобода есть модальное (фактически – инструментальное), а не предметно-содержательное определение духовного бытия человека; она есть сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описуемо лишь в его значении для нас и в его действии на нас, но не в том или ином содержании человеческой культуры самой по себе.

Как способ, как образ бытия в целом духовность открывает человеку доступ к любви, совести и чувству долга; к праву, правосознанию и государственности; к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии – только она может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы. Ведь «жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный высший критерий для всех жизненных содержаний»⁵. А то, что не стоит смерти, то – с духовной точки зрения – не стоит жизни.

Человеку даны от Бога и от природы определенный способ телесного существования, особая форма душевной жизни и интегрирующий человеческую реальность принцип духовного бытия, которые могут быть удержаны одновременно в едином представлении об индивидуальном духе. Всякая теория и всякая педагогика, которые с ним не считаются, пытаются игнорировать личную определенность, самодеятельность и самоценность человеческого существа, вступают на ложный и обреченный путь.

Ложность этого пути обнаруживается в наступающем очень быстро снижении качества жизни как отдельного человека, так и сообщества в целом: снижается уровень внешне-телесного существования (вплоть до органических заболеваний), снижается уровень душевной дифференцированности (вплоть до «первобытной» упрощенности душевного строя), падает качество всей жизни (труда, творчества, нравственности). И это верно на всех этапах жизненного пути человека – и в младенчестве, и в старости. Именно с культивированием индивидуального, личного духа связано само творение и возрастание

качества жизни.

Духовность субъекта, индивидуальный дух представляют собой ответственное принятие и следование высшим образцам совокупной человеческой культуры; переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива»; принятие высших ценностей родового бытия человека как своих собственных. Можно сказать, что человек духовен в той мере, в какой объективный и абсолютный дух стали его субъективным (индивидуальным) духом. И именно поэтому в наивысшей степени духовность обнаруживает себя и становится способом жизни человека, когда ему открываются и когда он вступает в личные отношения с Богом – поистине высшей основой всего бытия человека и всего универсума.

Индивидуальный дух человека предстает в различных обликах, раскрывающих не только различные стороны, но и уровни человеческой реальности. Можно говорить о таких обликах субъективного духа, как личностное (целостное), индивидуальное (единично-уникальное) и универсальное (родовое) бытие человека. Они являются и ступенями становления духовного мира человека, мерой освоения и принятия им духовного опыта человечества, мерой его духовности в целом. Их предпосылкой, основой является душевная жизнь человека, его субъективность. Многообразные душевные способности, механизмы душевной жизни выступают органами становления и способами реализации духовности человека, где и сами эти способности продолжают совершенствоваться и утончаться.

Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности – освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей – есть предпосылка и предыстория становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинает осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей психологической организации человека. И понятно почему.

Душевная жизнь (во всем ее богатстве и многообразии) в качестве субъективного непосредственного самобытия (бытия самости) есть целый особый мир и в этом смысле – непосредственно очевидная реальность. Однако в этой своей непосредственности и очевидности душевная жизнь все же не есть окончательная, в самой себе завершенная, полноценная реальность. Иллюстрацией здесь могут быть знаменитые переживания подросткового, а впоследствии и юношеского кризисов, которые связаны с

обнаружением того, что в собственном «Я» – ничего собственного нет, а есть только присвоенное из внешней культуры, что в пределах собственной жизни – собственного смысла нет (есть лишь окружающие чужие смыслы). Кризис идентичности, аутентичности – и есть симптом бесосновности, незавершенности, своеобразной призрачности собственной самости, который настоятельно, остро требует выхода (трансцендирования) души за свои собственные пределы, в иное, укореняющее ее.

Этот выход – есть вопрос о цели и смысле. Понять свою самость в истинном, полном значении этого слова – значит не просто констатировать ее фактическое наличие: «Я есмь такой-то и такой-то», и не просто волевым напором утвердить ее в мире людей и

вещей: «Я сам!»; а прежде всего – усмотреть ее идеальную, самоценную, очевидно осмысленную необходимость бытия. Трансцендирование к этому смыслу, его откровение нам – это и есть то, что мы переживаем как «дух» или «духовную реальность», и без чего, по существу, не может обойтись наше субъективное непосредственное самобытие, наша самость.

Самость (субъективность) человека стоит, таким образом, всегда на пороге между душевным и духовным бытием, есть место, где духовное (значимое в самом себе бытие) проникает в душу. На этом основана таинственная способность человека – «единственный подлинный признак, отличающий его от животного, – соблюдать дистанцию в отношении самого себя, привлекать свою непосредственную самость на суд высшей инстанции, оценивать и судить ее и все ее цели»⁶.

На этой способности конституируется та реальность, которую можно назвать в точном смысле этого слова личностью. «Личность есть самость, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно-значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет», – начало сверхприродного, сверхестественного бытия, как оно обнаруживается в самом непосредственном самобытии»⁷.

Эту высшую инстанцию самости (все еще – самости!) – личность – имеет каждый человек и во всяком своем духовном состоянии. На этой ступени духовного развития формулой бытия для самого человека, а главное – для Другого, становится: «Я – лично!», ибо личность – это прежде всего персонализированная, самоопределившаяся самость среди других, для других и тем самым – для себя. Именно личность – есть то, что составляет подлинное единство нашей душевной жизни, ее

субстанциональную и вполне определенную форму. Поскольку духовное бытие человека конституирует личность, к его существованию принадлежит и индивидуальность.

Тайна человека как личности, делающая его потенциально бесконечно богатым и в тоже время актуально незавершенным, заключается в главной способности подлинной личности рефлексировать саму себя, возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя, по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы. Работа, культивирование этой способности и поднимает, вводит человека на следующую ступень духовного бытия – на ступень индивидуальности. Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском «прочтении» социальных норм хапни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа хапни. своего мировоззрения, собственного («необщего») лица, в следовании голосу собственной совести. Индивидуализация душевной жизни есть кардинальная и глубочайшая инверсия (обращение) индивидуального духа, пристрастное и неустанное рассекречивание собственной самости, которая зачастую складывалась не по воле и по неведению самого человека. В свете высших смыслов и высших ценностей (убеждений, верований, жизненных принципов) любой фрагмент своей самости, любая душевная способность проходят испытание на подлинность и неотторжимость их в составе истинного, внутреннего «я» человека.

Индивидуализация бытия человека, трансцендирование вовнутрь, в глубины субъективности, человеческой самости и высвечивание ее – есть условие встречи с бесконечностью духовного царства, с бесконечностью Универсума, в котором впервые конституируется подлинное «я», образуется действительно полное, свободное «бытие-у-самого-себя». Здесь речь уже идет не о свободе чистой непосредственности (фактически известной и животным), которая на самом деле оккупирует нашу самость, и не о свободе самоопределения, которое всегда предполагает борьбу и преодоление в личности, а значит – и несвободу; а об истинном, окончательном освобождении, где даже предельная индивидуальность «жертвует» своею уникальной единичностью и лишь становится причастной бесконечному универсальному бытию. Именно здесь впервые открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, вся полнота человеческой реальности как духовного микрокосма.

Тайна духовности человека (как личности и индивидуальности), таким образом, окончательно раскрывается в его универсальности. Ибо

вселенское и бесконечное с максимальной адекватностью получают свое выражение в точке – с ее единственностью и абсолютным своеобразием; как и наоборот: лишь то, что может быть признано истинно личным «бытием-для-себя», может воспринять и выразить бесконечное.

«Сущность всеединства как духа, как реальности самоценного и самозначимого бытия обретает последнюю определенность лишь в конкретной индивидуальности ... Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального, подлинная общая правда совпадает с жизнью»⁸.

Все сказанное выше – самые общие представления о реальности духовного бытия человека; более глубоко, а главное – конкретно, в языке самой хапни рассказывает об этом в своей книге о. Борис.

«Введение в христианскую психологию» написано православным священником, достаточно искушенным в соблазнах рационалистической, сциентистской психологии; но не только в этих, сегодня уже достаточно легко преодолеваемых соблазнах. Как пишет сам о. Борис, важнейшей проблемой сейчас становится необходимость в мощной духовной защите психического здоровья детей и взрослых на фоне невероятного разнообразия духовных путей, сотен «учителей» и «целителей», которыми заполнена теперь никогда не знавшая ничего подобного Держава наша. «Открыв для себя мистическую и оккультную реальность, после десятилетий запретов и замалчиваний, психологи бросились во все тяжкие медитировать», путаясь в адресах своего обращения. Книга о. Бориса – это предостережение священника-психолога: Будьте осторожны, друзья, в своих духовных исканиях! Сегодня стремительно развивается такая область практической психологии, как психотерапия. И здесь духовный опыт пастыря и профессиональный опыт психолога-клинициста предупреждает: приступая к человеку, мы должны культивировать в себе особое чувство, практически неведомое нашей ученой публике – это благоговение перед святыней души человеческой, образом Божиим в человеке.

Еще многие сюжеты можно было бы обсудить здесь. но сами за себя, своими собственными словами они лучше говорят на страницах книги о. Бориса. Ибо перед нами не психологические знания о жизни, а сама реальная жизнь – духовно просвеченная и духовными очами прочитанная.

В. Слободчиков,
директор Института педагогических инноваций Российской Академии образования,
доктор психологических наук

От автора

Представленный читателю скромный труд являет собой промежуточный итог размышлений и практики в рамках нового и фундаментального направления в отечественной психологии.

Сегодня на историческом изломе в России мы можем наблюдать сразу три психологических течения.

Первое – это традиционная, привычная для последних десятилетий психология. Ее признаки известны: рационализм, естественно-научный метод, отрицание Божественного в любых формах и проявлениях, особое оформление итогов своих исследований (сциентизм и объективизм), отрицание глубины и тайны в природе человеческого духа (убежденность в предельной возможности «когда-нибудь» познать «всего человека»).

И если совсем недавно российская (советская) психология чувствовала себя уверенной и была единственной в своем роде в поле общественного сознания, то теперь появилось по крайней мере еще два крупных направления в психологической науке. И соседство это не из легких.

Второе направление можно было бы обобщенно назвать мистической психологией. Ученые этого движения в свое время откроют для себя огромный и очень разный мир мировой духовной культуры – от практики шаманства до эффектов парапсихологии.

В свое время реальность мистического буквально сразила ученых-рационалистов. Большинство из них долгие годы работали традиционно, сциентистски. И вхождение в другую реальность всем им далось непросто. Дело в том, что мистическая реальность требует новых, не объективистских методов исследования. А главное – принципиально другой меры участия личности исследователя: не только его интеллектуальные способности, в такую психологию входит и его нравственная позиция. Робко, пока отвлеченно, говорит к примеру Станислав Гроф о демоническом характере тех или иных рисунков у психотиков. Ему (и многим иже с ним) еще предстоит понять, что мистика демонизма – это вовсе не образ или мифологема, а реально существующая деструктивная духовная реальность, что и в духовном мире действуют непреложные законы.

И, наконец, третье направление, которое активно развивается в нашей психологии в последние годы – христианская психология. Это

направление разрабатывается верующими, христиански ориентированными профессиональными психологами как в России, так и за рубежом. Путь этих людей в Церковь не был простым и механическим. Это было глубокое, как правило, мучительное переосмысление как своего профессионального кредо, так и трудное обретение в Боге себя как личности.

Эти люди – священники, педагоги, психотерапевты, психологи разного профиля и другие. Но всех их, помимо всего прочего, в свое время объединяла наивно-детская потребность – поделиться. Поделиться со всеми тем великим сокровищем, которое в свое время было дано нам даром. Это сокровище и есть наша отечественная (и всемирная) христианская духовная литература.

В связи с этим данная книга и есть реализация моего детско-искреннего желания рассказать (как могу!) психологам, педагогам, гуманитариям преимущественно на привычном для них языке о том наследии, забвение или незнание которого делает нас безродными и бесосновными.

Книга эта – первый шаг к овладению и введению языка православной аскетики, евангельского слова вообще в язык психологии, что давно уже реализовано в других гуманитарных науках.

Вместе с тем уже сегодня стали достаточно привычными словосочетания: христианская педагогика, христианский психолог и т. д. Автор этой книги уже много лет работает преподавателем воскресной школы.

Думается, что темы, направления наших исследований и размышлений многих сегодня интересуют. Хорошо известно, как буквально вопиют сегодня и просятся к обсуждению проблемы семьи и российской школы. Точно также актуальнейшей проблемой сегодня является замутненность для современного сознания разнородных духовных понятий, сектантских учений и практик. При этом задача духовного самоопределения как ребенка, так и взрослого становится все острее.

Важнейшей сегодня является и проблема духовного и психического здоровья детей и взрослых на фоне невероятного разнообразия в выборе путей и появления сотен «учителей», которыми наполнена теперь никогда не знавшая ничего подобного держава наша.

Представленная на суд читателям книга ни в коем случае не претендует на откровение в области духовной психологии. И если учесть, что этой областью начинал заниматься преподобный [Феофан Затворник](#),

то можно понять ощущение крайней немощи у автора.

Собственно говоря, фундаментальные основы христианской психологии уже созданы. Это – аскетика, творения святых отцов Церкви. Но есть и надежда на то, что этот скромный труд послужит началом современных, работ в этой области.

Если же внимательный читатель будет замечать ошибки и неточности, то искренне прошу его быть снисходительным и отнестись к автору с милосердием, а если возможно, то и помолиться о вразумлении меня, грешного.

В надежде, что ты, дорогой читатель, любишь и не устаешь искать Истину, я и предаю со всяким смирением на твой, надеюсь, милостивый суд свой скромный труд, который я с любовью и благодарностью посвящаю соратнику и другу Александру Лепёхину.

Протоиерей Борис Ничипоров,
село Селихово
Христос воскрес! Опять с зарею
Редет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.
Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;
Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!
Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.
Но с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в тьму долин;
Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

И.А.Бунин

Обращение к читателю. О современной психологии и психологах

23 марта 1914 года в Москве был торжественно открыт Психологический Институт им. Л. Г. Шукиной.

На молебне в этот знаменательный день Епископ Серпуховской Анастасий произнес слово, смысл которого становится, на мой взгляд, ясным в полноте лишь сегодня.

«Душа, созданная по образу Божию, – сказал тогда Владыка, – это поистине венец творения. Разумная, она отражает в себе и познает весь мир, свободная, она способна к нравственному действию. И, конечно, возможно точное изучение душевных явлений, вообще говоря, можно только приветствовать. Но стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментальных методов в частности. Точному определению и измерению может поддаваться лишь, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело ... Кто может измерить силу поэтического вдохновения или исследовать религиозную жизнь духа? В надежде, что освящаемый Московский Психологический Институт в своей научной деятельности не пойдет по такой ложной дороге, но, как имеются основания думать, поставит своею целью истинную научность в исследовании душевной жизни Владыка призвал на работу Института благословение Божие, – сказано далее в отчете о торжествах.

Прошло лишь несколько лет и благословение Божие было сначала забыто, а затем и поправлено.

На долгие десятилетия психологическая наука в России была окрадена, отвергнув по сути все святоотеческое наследие, весь практический, исторический и духовный опыт русского народа как возрождения, так и вырождения души человеческой.

Понятие «развитие» было формально вменено всякой психической динамике: восприятию, мышлению и даже личности.

Было изгнано и понятие тайны.

Психология оборотилась во вне-нравственную, без-нравственную науку. На место нравственности пришла мораль – христианство без Христа. На место живой и больной совести пришла моральная догма, которая мертвит. Вместо духа стала буква. Впрочем, и о ней вскоре

забыли.

Величайшие тайны души: тайна пути человека, тайна творчества, таинство имени, таинство покаяния и многое другое было признано либо вообще «несуществующим», либо «поповской мистикой».

Началось время рационализма. Самое ходовое слово психологии последних десятилетий было «объективность». Субъективность же понималась лишь как некая превращенная, «интериоризированная» форма объективности.

Об уникальности и неповторимости личности говорили лишь экзистенциалисты, да и то, как правило, в связи с проблемой «несчастливого сознания» индивида (Ж. П. Сартр).

Сам же психолог, в том числе и теоретик, по сей день в своей профессиональной деятельности – часто лишь профессионал-операционалист. Если он и имеет опыт духовного самосознания, то в этом опыте, по словам Екклезиаста, много печали и очень мало благодати и света. Отсутствие у многих (не говорю о всех!) сегодняшних психологов реального, личного (своего) опыта возрождения души – именно это приводит их к состоянию, которое можно назвать профессиональным унынием.

Многим чужда сегодня пасхальная радость возрожденной души. К преподобному [Серафиму Саровскому](#) приходили тысячи людей, и он тихо и радостно говорил им при встрече: «Радость моя, Христос воскрес!»

Психология, как профессия, может быть подлинным счастьем для человека, нелицемерно ищущим нравственную Истину. И она (профессия) будет настоящим проклятием для имеющего по слову Христа закваску фарисейскую, а это есть лицемерие. Грех Понтия Пилата начался не с того, что он отдал Христа на распятие, а в том, что когда Господь заговорил об Истине, то Пилат поспешно вышел из комнаты. И до сих пор многие бегут от Истины, буквально заткнув уши. Нравственная Истина являет себя везде: в психологии, в математике, в технических дисциплинах, в спорте, искусстве. Тот, кто наивно полагает, что он делает некое «нейтральное», «среднее» дело по отношению к Истине, к Абсолюту – тот либо пока наивно заблуждается, либо уже как-то уговорил свою совесть.

Впрочем сказанное вовсе не означает, что в нашей психологии не было талантливых и даже выдающихся исследователей. Среди них и мои учителя: А.Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник, Д. Б. Эльконин и многие другие. Всем им вечная память! Они, будучи детьми своего времени, тем не менее сохранили в себе ценности великой европейской и

русской культуры.

Живая вода, или слово к интеллигенции

Мы все тяготимся осквернением нашей природы. Заходим в реку и, вместо того, чтобы наслаждаться прохладой воды, сразу же вспоминаем: совсем недавно ближайший лакокрасочный завод был оштрафован за отсутствие надлежащих очистительных сооружений. Берем в руки спелый помидор, но опять приходит мысль: сколько же в нем нитратов! Полил теплый дождичек, и ты нечаянно для самого себя назвал его «кислотным». И так далее, и тому подобное.

Тех или иных экологических проектов предлагается сейчас множество. Но есть ли фундаментальный способ спасения рек, лесов, земель, природы в целом? Ведь не можем мы приставить охранника к каждому директору «вредного» предприятия. Хотя, безусловно, контроль и наказание за нарушение совершенно необходимы. Но все это лишь косметический, а не радикальный путь.

Радикальный же путь – принципиальное изменение духовной ситуации в стране. И начинать надо прямо с себя.

Нам надобно написать на скрижалях своего сердца слова Спасителя: Ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но что исходит из него, то оскверняет человека ... Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, ([Мк. 7, 15, 21–22](#)).

Поэтому-то центральным органом, оскверняющим нашу страну, являются, как это ни покажется вам странным, сердца людей, живущих в ней. И в этом смысле нашим главным делом является покаянный плач о собственных грехах. Это и есть то главное, что потребно сейчас российскому интеллигенту.

Покаяние – это не только проливание слез перед иконой, как представляется некоторым. Покаяние – это дело всей жизни человека. Оно должно содержаться в любом поступке, любой мысли. Покаяние рождает чувство раскрепощенности, очищения. Оно не только не унижает достоинство человека, но восстанавливает природу личности.

Сейчас очень многие, считая себя православными, свою принадлежность к учению Иисуса Христа выражают только тем, что по великим праздникам заходят в храм и ставят свечку перед иконой. Этим все и кончается. А жизнь так и проходит без молитвы и без внутреннего подвига, без исповеди и причащения, без осознания во Христе своих грехов и скорбей. Однако каждый когда-то должен ответить самому себе

на вопрос: кто для него Христос – живой Бог или, в лучшем случае, «историческая личность», явление которой ни к чему не обязывает.

Интеллигенцию нашу раздирают склоки и политические амбиции. Не успев выбраться из идеологических пут, российская интеллигенция тут же разделилась сама в себе по всем признакам, которые только можно помыслить. Это ли не новый позор просвещеннейших людей?!

До сих пор и к Церкви многие относятся как к чему-то чуждому и пристальнейшим образом, в микроскоп разглядывают ее недостатки. Между тем их никто и не скрывает. Недостатков много. Так войдем же вместе в Храм и станем постепенно наводить в нем порядок –и внешний, и внутренний. Но наведение порядка – дело трудное, а задача сегодняшней интеллигенции, как и до революции по-прежнему осознается ею как героическая борьба с врагами. Это следствие полного непонимания того, что есть дух безбожного диссидентства, с одной стороны, и подвижничества во Христе, с другой.

Большинство наших интеллигентов так и не смогли подняться выше бытового недовольства властями, выше уныло-гневливого отношения к собственной стране и восхищения «закордонной» жизнью. Так и не смогли понять подлинные духовные причины нашего кризиса.

Нам не надо спасать Церковь, так как Церковь – это Тело Христово. Сам Господь созидает Русскую Церковь вот уже тысячу лет. Нам не надо спасать Россию. Россия – дом Пресвятой Богородицы. И Матерь Божия по молитвам святых выведет Россию из бездны. Нам, братья и сестры, надо не спасать, а спасаться. И спасая себя – мы, по слову преподобного Серафима Саровского, спасем тысячи людей. Надо ли меня понять так, что мол, бросим свою работу и станем лишь молиться. Нет. Я этого не сказал. Но занимаясь своим ремеслом, будем везде, где можно наполнять его благодатным духом Христовым. Благодать – слово, мало знакомое современным людям. Описать это так же трудно, как описать вкус заморского фрукта. Это – таинственное состояние души, возникающее в результате искреннего обращения к Богу. Оно переживается молящимися как чувство необычайной радости, надежды, желания послужить людям.

Не будем пребывать в бездействии, пугая себя предсказаниями астрологов, становясь рабами и заложниками созвездий Тельца, Рыбы или других. Это – все ложная эсхатология, уводящая от молитвы и покаяния. Вспомним лучше евангельских волхвов, которые по звезде пришли в Вифлеем и положили дары к ногам Богомладенца Христа, и поклонились ему, сложив таким образом к Его стопам всю восточную мудрость.

Любые катаклизмы не являются случайными. Они прямо связаны с

духовным состоянием народа. Поэтому-то займемся, помимо своей профессиональной деятельности, духовным деланием, и, видя нашу чистую жизнь, Господь добавит и дней, и лет народу нашему. Аминь.

Какими же видятся сегодня пути подлинной профессионализации психолога и одухотворения самого психологического знания?

Первый вопрос – это характер отношения психолога к другому человеку.

Психолог-практик, психолог-теоретик и психолог-экспериментатор – все они, приступая к человеку, должны культивировать в себе чувство, которое пока совершенно чуждо большей части нашей ученнейшей публики. Даже само это слово, можно сказать, неизвестно. Но я дерзну его произнести. Это чувство благоговения. Благоговению перед человеком чужда сентиментальность. Каждый, любой человек (даже человек «последний») является обладателем великого сокровища – святыни души, образа Божия, который неуничтожим принципиально.

У психолога такое знание о человеке может появиться только тогда, когда он отыщет и в своей душевной тьме свет, образ и подобие Божие. Путь возрождения души для каждого триедин:

– обогащение сознания духовными смыслами («расширение семантического поля») в процессе самопознания;

– покаянное чувство в Боге (не надо путать с обычным раскаянием или сожалением о содеянном);

– восстановление личного благочестия. Проще говоря, направление своей жизни в добрую сторону. Скажем, если пил, то перестал пить, блудил – перестал блудить. И не просто перестал, а обрел семью и т. д. Все эти «уровни» понятно взаимодействуют и пересекаются. Сам же семантический потенциал еще вовсе не гарантирует этого заветного, самого трудного шага к себе – покаяния в Боге. Это лишь некое условие, благоприятная почва для осуществления нравственного действия. Ведь можно всю жизнь стремиться «понимать» и осознавать себя, а в нравственном смысле и перстом не шевельнуть.

И если первое – смысловое обогащение является лишь предтечей возрождения, то второе и третье – это и есть то самое нравственное действие, о котором упомянул в своем приветственном слове Епископ Анастасий. Именно второе и третье – покаяние и личное благочестие, являются собственно волевыми и одновременно нравственными акциями в Боге ...

Один святой сказал, что благоговение состоит из двух начал: страха и радости. Страха, опасения, как бы не навредить душе этого человека. Ведь

этот человек имеет свой путь жизни. Поэтому сначала «не вреди», а потом «помоги». И второе – радость, радость от того, что сейчас между двумя людьми произойдет встреча.

Два слова о так называемой психологической помощи. Здесь все просто. Если психолог может «помочь» самому себе, то он (в той или иной мере, конечно) может помочь и другому, «клиенту», как сейчас любят выражаться. Если же внутренняя и личная жизнь самого психолога несостоятельна, то не надо и браться помогать другим. Врач! исцели самого себя ([Лк. 4, 23](#)). Все вышесказанное годится и для священнослужителей тоже.

Я знаю только два пути определения – могу ли я «помогать» людям. Это получить благословение своего духовника или спросить свою совесть. (Последнее проблематичней, ибо человек может и обмануться в самом себе.)

Второй вопрос – онтологический. Если мы, протрезвев после угара рационалистического экстремизма начнем сначала принимать, а затем и изучать мистический опыт, в том числе и христианства, то для этого необходимо концептуальное примирение двух основополагающих понятий: проблемы и тайны. На мой взгляд, это уже осуществлено русскими мыслителями: В. Соловьевым и И. Ильиным в философии и [В. Лосским](#) в богословии. В православной же аскетике чувство реального в духовной жизни задается через понятие трезвения. Но это совершенно особый разговор.

И третий вопрос нравственный или – энергетический.

Сегодня, открыв для себя мистическую и оккультную реальность, после десятилетий запретов и замалчиваний, психологи бросились во все тяжкие медитировать и аккумулировать в себе всяческие «энергии». И это тоже следствие грандиозной необразованности и одичания. Православная Церковь целые столетия потратила на выработку охранительных средств, на создание науки духовной гигиены и профилактики. Это и есть аскетика. И мой долг священника предупредить сегодня: будьте осторожней, коллеги!

Дело в том, что нет энергии вообще. Каждая энергия имеет свой источник. А каждый источник имеет свою нравственную индикацию, если так можно выразиться. И источников духовной энергии, проводником которой может быть сам человек, три: Божественная, т.е. благодатная энергетика, затем – демоническая, и собственно человеческая энергия. Ибо и сам человек является обладателем самобытной, «своей» энергии. Но, как правило, человеческая энергия не существует автономно и тяготеет либо к

высокой, Божественной энергии, либо к демонической. При этом, как правило, демоническая энергия рядится в энергию Света. Этот обман в аскетической традиции носит название прельщения. Поэтому прежде чем человек не научился различать духов, ему не рекомендуют культивировать у себя особые виды психотехнических приемов, связанных с изменением сознания и пр.

Знаю, что многие не услышат! Но надеюсь, даст Бог, после того, как насытятся этим «добром» и «преткнутся» – тогда, может быть, все же вспомнят и проявят интерес к своему, родимому, к тому, что совсем рядом.

В помощь унывающему атеисту

Общество, в котором продолжает свое историческое служение в России Православная церковь, не могло, естественно, сразу за год после получения реальной свободы, преодолеть духовный паралич. должно пройти время. И, видимо, немало времени.

Одни сегодня испытывают ностальгию по минувшим десятилетиям – им трудно, ибо сама жизнь подвигает их к самоопределению. А это как раз то, что они никогда не умели делать. Поэтому они растеряны, отчаянно злы и унылы. Другие же пребывают в духовном расслаблении, апатии. Их жизненная философия более рафинирована. Они манипулируют всегда неопределенностями типа «общечеловеческие ценности», «плюрализм», «гуманизм» и т. п.

Но и те и другие, видя хотя и трудное, но постепенное возрождение Православия, проявляют сегодня большое беспокойство и стараются из всех сил навесить христианам как можно больше различных ярлыков, в очередной раз облить грязью и Христа, и Его Церковь.

И можно было бы вовсе не замечать этих передергиваний и демагогии. Но думается, что ради многих наших современников, которые искренне сегодня ищут духовной стези, ради них мы серьезно и спокойно должны дать ответ людям, которым только и остается сегодня что унывать, отчаиваться и сомневаться во всем, в том числе и в себе.

И первое, что сейчас можно часто слышать. Это то, что, мол, христиане – это рабы, рабы Божии. Они-де ведь и сами так себя называют. И что ж– это так. Но только выражение «раб Божий» означает, что человек работает Богу. Христианин, духовно чувствуя Бога, с радостью идет к Нему в послушание. Ибо знает, что Бог благ и свят. А те, кто так любили выводить и выписывать слова: «Мы не рабы, рабы не мы», – вновь сегодня оказались рабами, рабами греха и собственных иллюзий.

По словам апостола Петра, они обещали свободу, будучи сами рабы

([2Петр. 2, 19](#)). Но сам человек призван к свободе. Об этом говорит в Послании к Галатам апостол Павел – но не свобода от нравственного закона, а свобода в Боге, ибо где дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17).

Нередко про христиан говорят еще и так: «Ну, у них там все на страхе построено». И на это надо ответить. Во-первых, есть страх и страх. Одно дело – это животный, тупой, неосмысленный страх, другое дело – это чувство благоговения, опасения согрешить, сделать дурно, кого-то обидеть и пр. Страх Господень чист ([Пс. 18, 10](#)). Но верно, в страхе, даже и в таком, все же нет совершенства. А по словам Апостола Иоанна Богослова; в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх ([1Ин. 4, 18](#)). Путь же к совершенной любви лежит через страх – страх нарушить закон, который дан Богом от века. Господь сказал: не лги, не блуди, не убий и пр. Эти и другие заповеди надо постараться исполнить. Но на высотах святости уже нет страха. [Антоний Великий](#) пишет, что он уже не боится Бога, он просто любит Его. Но до этого как нам всем еще далеко! Мы находимся лишь у подножия горы и внимаем словам царя и пророка Давида, который говорит: Начало мудрости (т. е. основа, фундамент мудрости – Б. Н.) – страх Господень ([Пс. 110, 10](#)), т. е. страх Божий – это основа, начало духовного движения.

3. Говорят также: ну, зачем эти церковные обряды? для чего они? В связи с этим вспоминается замечательная книга К. Льюиса «Письма Баламута», где старший бес Баламут дает советы младшему бесенку (Гнусу), как более искусно искушать и соблазнять людей. Баламут советует Гнусу, чтобы он внушал своим подопечным стремиться к стихийным, бесформенным, нерегулярным молитвам.

Обряд, т. е. внешнее оформление богослужения, совершенно необходим. Он внешним образом (на виду у всех и у самих себя) ставит нас пред Богом. Посмотрите: и в театре, и на производстве, и на спортивных мероприятиях – везде есть свой ритуал. Всякое действие, в том числе и духовное, должно быть обрамлено красивой и правильной формой. Но, кроме того, обряд, архитектура храма, особенности распева содержат тайну, выражают колорит и неповторимость той земли, на которой совершается богослужение. А сам православный храм – это есть литургия в камне. Обряд неотделим от внутреннего содержания. Нам всем нужно убегать не от обряда, а от обрядоверия, т. е. когда теряется внутреннее содержание и на первый план становится только внешнее, форма. Люди боятся обряда главным образом потому, что он, обряд, налагает на них определенную духовную ответственность. Истинный христианин – это христианин не только по наитию. Но это человек, который по

воскресеньям спешит в храм. Он старается следить за своими поступками, мыслями и чувствами. Это человек, я не побоюсь этого слова, находящийся в духовном подвиге. Но мы уже говорили, что общее расслабление многих людей не дает им встать на этот вполне конкретный путь видимой для всех и для самого человека жизни в Боге.

Им нравится больше позиция христианина как бы вообще, как бы в целом. При этом от них приходится выслушивать массу глубокомысленных рассуждений о том, почему им не нравится в церкви то-то и то-то. Одни «там» устают, другие ничего «там» не понимают, у третьих кружится голова. Причинам и самооправданиям нет числа.

Обыватель говорит нам также: где ваш Бог, если Он попускает столько зла на земле? Где же Его милосердие и доброта, когда на земле столько убийств, зла и лжи? Но спросим и мы: разве по Божией воле разрушались у нас храмы, расстреливались священники, крестьяне, интеллигенция? Бог сотворил человека свободным, и Он не может изменить природы своего же творения. Сам человек, сами люди творят зло, потому что не хотят жить честно, мирно, не хотят любить друг друга. Сам же Господь не творец зла. Но у любого человека, любого народа, как и у евангельского блудного сына, сохраняется возможность через покаяние прийти к Богу, изменить свою жизнь к лучшему.

Сегодня нередко можно услышать сравнение духа соборности Церкви с духом большевистского коллективизма. И это тоже ложь. У сегодняшней разобщенной, внутренне одичавшей, безбожной российской интеллигенции любое единодушие и братское единение вызывает страх, глухой ропот и повышенную тревожность. Но одно из самых великих чудес современности – это существование сегодня Русской Православной Церкви, несмотря на всю борьбу, которую так беспощадно вели с Ней. И это милость Божия. Но кроме Божьего произволения, в этой борьбе выстояли еще и конкретные люди, люди организованные и по-военному дисциплинированные. Дух церковной соборности предполагает одновременно и послушание, и свободу личности. Это одно из самых величайших таинств Церкви. Этому посвящены многие страницы русских философов и богословов, скажем, таких, как В. Соловьев, А. Хомяков и других. И каждый православный человек знает это не понаслышке, а делом и истиной.

Поудобней усевшись в кресле, обыватель скажет еще: «Но ведь религий много, почему Православие?» Истины ради заметим, что все это тоже риторика и демагогия, так как многие наши соотечественники находятся в таком состоянии духовного нокаута и бессилия: им что

Православие, что мусульманство – все едино, ибо они и перстом боятся пошевелить.

Я не знаю, какие корни и исторические основания имеет, скажем, на Тверской, Калужской или Нижегородской земле мусульманство или буддизм, но то, что стояние православного храма на русской горке или в русской низине (как Псково-Печорский монастырь) абсолютно, совершенно соответствует архитектонике самой этой земли – это точно. Церковь сохранила для нас с вами все: традицию, тексты самого разного содержания: исторические, житийные, канонические, детскую духовную литературу.

Я, как директор Воскресной школы, составляю программу для детского паломничества и туризма. И у меня нет проблем. Я могу поехать с детьми на юг – в Калужскую область, а там знаменитая Оптина Пустынь. Я могу поехать на север – там святые Кириллова и Соловков. Я обращаю свое внимание на запад – там Печоры, Новгородская София и пр.

А вот все сектантские группировки ведут на нашей земле внеисторическую раскольническую жизнь. В этом их трагедия, в этом источник их бесконечных проблем.

Мы же, православные, свои на своей земле. Скажем, для «наших» кришнаитов понятие земли и национального возрождения – это пустые слова. Но мы хотим напомнить, что Господь Иисус Христос воскрес во плоти, через плоть в Духовный мир входят такие понятия, как «земля» («святая земля» или, напротив, «оскверненная земля»), понятие русского, украинского, болгарского и др. Последнее мы употребляем не в националистическом, а в патриотическом залоге.

7. И еще одно заблуждение – намеренное или наивное, сказать трудно, проникло в современное общественное сознание. Эта иллюзия связана со словами догмат, догматизм. Очень уж эти понятия не нравятся прогрессивным и где-то даже подвигнутым

современным мыслителям. Но спешим разочаровать их. Догма – это фундаментальное, базовое установление, закон, подлинность, истинность которой проверена веками и омыта кровью мучеников.

Возьмем, скажем, нравственную догму, закон о любви к Богу и ближнему. Я лично готов, отстаивая этот закон, прослыть и косным, и ригидным, и отсталым. Не вижу ни внутренних (душевных), ни внешних причин подвергать сомнению этот нравственный закон.

Или, скажем, другой закон – христологический. Он гласит, что во Христе соединены нераздельно и неслиянно две природы – Божественная и человеческая. Не будем много богословствовать на этот счет, но в

Евангелии содержится множество подтверждений этому установлению.

Во всем же остальном христианин, если позволите, идет в ногу со временем. Это значит, что мы радуемся творческим успехам (и их немало!) современных композиторов, поэтов, художников, ученых. Но в то же время мы уклоняемся от пошлости, глупости, цинизма, которые заполняют, скажем, сегодняшней эфир. Именно в этом, извините, проявляются наш догматизм и неуступчивость миру.

Многим кажется, что если они будут постоянно менять и передергивать свое мировоззрение, то они будут тогда именоваться прогрессивными. Это иллюзия. Это просто обыкновенная безосновность, беспочвенность, отсутствие изначальной глубины. И вместе с тем все мы, христианин, прекрасно знаем, что познание Бога и самого себя – дело, по сути, бесконечное. Поэтому духовная сфера – это сфера открытий, бесконечного движения, но движения не хаотичного и беспорядочного. Ибо православный человек пытается строить дом своей души не на песке, а на камне. Камень же есть Христос.

И, кстати сказать, любое мировоззрение, в том числе и атеистическое, является догматичным. В частности атеизм зиждется на следующих догмах. Первая догма: Бога нет, а если и есть, то лишь как «культурный феномен». Некоторые могут признавать наличие неких «сил». Но при этом они все же отрицают духовный мир, или же намеренно примитивно высказываются о духовном мире и учении Церкви. Вторая: человек – центр Вселенной. И хотя он понимает, что Вселенная неисчерпаема, бесконечно и принципиально непознаваема в своей полноте. Но нет, гордое сердце говорит иное: ты – центр Вселенной, ты – пуп земли. Третья догма – смерти нет, есть только жизнь. Это очень часто связано с бессознательным страхом смерти и предчувствием суда – суда собственной совести и суда Бога. Четвертая догма: молодежная культура прогрессивней и лучше, чем духовный институт старчества. Заметим, духовный институт наставничества, старчества существует практически во всех развитых и древних религиозных культурах. В том числе, естественно, и в Православии. Поэтому люди такого сорта особым образом молодятся, одеваются. У них особый сленг. Но это ничего общего не имеет с той молодостью души у святых и нравственных людей, которые заплатили за это трудом покаяния и любви.

Очень часто в старые, но далеко недобрые застойные времена верующего человека называли фанатиком. Действительно, верующий человек являет собой некую цельность. Он, как правило, целеустремлен, более активен. И на фоне всеобщей расслабленности он выглядит, нередко,

«белой вороной». Кроме того у такого человека есть правила, внутренний нравственный закон, некая определенность в суждениях. И это тоже на фоне повсеместного блуждания и неопределенности выделяет человека-христианина. А кроме всего прочего у людей веры, особенно в начале пути, бывают собственные искушения и грехи. Есть такая пословица: «За неверующим ходит один бес, а за верующим семь». Ибо верующий человек ведет духовную брань со всеми своими пороками и грехами.

Вместе с тем любому начинающему христианину необходим духовник, наставник, опытный священник, который помог бы ему преодолеть первые трудности и твердо встать на путь покаяния и возрождения собственной души. И вместе с тем преодолеть крайности, которые иногда пугают нашего тихого, духовно дремлющего обывателя.

И последний соблазн, подстерегающий многих – это расхожее мнение о том, что вот-де как это у них, у христиан, все просто: согрешил – покайся, опять согрешил – опять покайся, а тебя Бог простит. Хорошо, мол, устроились. Здесь всегда намекают на лицемерие у христиан. Это мнение высказывают в основном люди, которые еще не приступали к покаянию, не имеют этого опыта.

Дело в том, что человек, который совершил тот или иной грех, отягощает свою совесть. И, говоря упрощенно, тяжесть греха равна мере укора совести. И если покаяние совершается формально, поверхностно, то мир души не восстанавливается. Покаяние и переводится с греческого, как перемена, перемена состояния души.

Покаяние, может быть, одно из самых трудных дел на земле. Святые говорили: молиться – кровь проливать. Это не просто встать на колени и пробормотать слова молитвы. Это..., а вот что такое «это»– знает только тот, кто имеет опыт покаяния. Покаяться – значит распять свой грех перед Господом. Тот, кто каялся, знает, как это тяжело. Тот, кто каялся, знает, какая благодать и мир души посещает каящегося, если его мольба шла из глубины души и была искренней.

Но люди, придумывающие себе бесчисленные самооправдания и причины своего безбожия, или нецерковности, старательно забывают и умалчивают, что ранее они уже имели очень важную встречу с Богом и отвергли Его, и лишь затем придумали себе эти оправдания. У каждого была своя встреча, и он знает какая. И потому существование Церкви истинно верующих является видимым напоминанием им об этой встрече. А это злит и раздражает.

Очень важным в душевном мире сегодняшнего атеиста является общее недоверие к Церкви и духовенству. И это связано не только с

сегодняшней критикой в адрес Церкви. Любой разумный человек не может не понимать, что любое сообщество, в том числе и Церковь, неоднородно. И всегда в Церкви были, есть и будут как святые, и праведники, так и предатели. Истоки этого недоверия кроются в многолетней привычке на каждом шагу лгать, лицемерить, лукавить.

Но тем не менее Церковь должна изобличать это лукавство не ради обличения самого по себе, а ради любви к этим людям и к тем, кого они вольно или невольно соблазняют. Мы же, христиане, своей благочестивой жизнью должны стараться не дать повода для осуждения тем, кто ищет этого повода... Аминь.

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,

И человек отчаянно тоскует...

Он к свету рвется из ночной тени

И свет, обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушен,

Невыносимое он днесь выносит...

И сознает свою погибель он,

Он жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,

Как ни скорбит перед закрытой дверью:

«Впусти меня – Я верю, Боже мой!

Приди на помощь моему неверью!..»

Ф.И.Тютчев

Психология возрождения Личности

И мудрое сферическое зданье
Народы и века переживет.
О. Мандельштам

Стихия возрождения

О. Мандельштам очень не любил и побаивался слова «развитие». В «Путешествии в Армению» он писал: «Скучное, бородатое развитие». Надежда Мандельштам, уточняя такую позицию супруга, пишет, что он «боялся этого слова из-за того, что оно сочеталось с понятием прогресс»⁹.

И дело не только в том, что слово прогресс вызывает у любого верующего человека в лучшем случае снисхождение. Дело еще и в том, что когда мы говорим о динамике психических процессов – внимания, ощущения, памяти, то здесь, видимо, нормально и уместно говорить о развитии. Но применительно к личности понятие «развитие» формализует, обобщает и выхолащивает глубину и тайну внутреннего личностного роста или, напротив, падения.

В. Непомнящий пишет: «Пушкин разрешает эту проблему художественно. Его взор прикован не к «развитию» в смысле «прогресса», а к замыслу, то, что дано в замысле, не «изменяется», не «прогрессирует», не «совершенствуется», а открывается («откровение») ... Колесо устойчиво, хотя оно движется»¹⁰. Если же мы говорим об онтогенезе, то в таком случае, на мой взгляд, мы могли бы говорить о воспитании, созревании личности.

Заключение Завета с Богом

О возрождении имеет смысл говорить, когда личность переживает некий экзистенциальный конфликт с собой, с Богом, с миром. Эта, как говорят, «душевная туга» часто вообще не поддается рефлексии. Бог, мир, я сам – вообще неразличимы. Просто говорят: «душа болит». Это хорошо выражено у поэта.

Небо тусклое, с отсветом странным
Мировая, туманная боль.

Ощущение, что ты сам не у себя дома – феномен евангельского блудного сына, который ушел от чего-то заветного, бесконечно своего в «страну далече».

Кроме этого живая личность, находясь в вышеописанном состоянии, ищет, не может не искать (!), выхода, пути. В этих поисках она вольно или невольно расширяет свое семантическое поле. Кризис – это во многом и благо. Ибо страдание разрыхляет жесткую, безблагодатную почву души.

Но расширение смыслового пространства вовсе еще не шаг к возрождению. И здесь возможно бегство от себя через (если так можно выразиться) «черный ход» личности. Известно множество людей, которые

ушли от страдания и тонкими, только им ведомыми внутренними ходами перевели, сублимировали страдание в уныние, в постоянную, но неострую тоску.

И если в страдании не сохраняется искренняя жажда Истины, то затем постепенно и не вдруг уныние начинает обладать душой. Скепсис, витальная тоска, цинизм и отчаяние – это ступени нравственного ниспадения эмоционально-волевого и духовного строя личности.

Уныние – это не клиническое состояние. Напротив! В этом состоянии находятся сегодня многие наши современники. В этом состоянии они женятся, защищают диссертации, разводятся, пытаются воспитывать своих детей и т.д. Можно сказать, это – нравственно-психологическое состояние.

Когда становится совсем невмоготу, каждый унывающий знает, что надо делать: один пьет, другой бежит трусдой, третий пишет, четвертый реализует древний принцип: «шерше ля фам» и т.д. и т.п.

М. К. Мамардашвили писал, что человек для того, чтобы сбежать от себя, готов укрепиться в состоянии «упрямой хитрости, готовым на все, лишь бы не привести себя в движение и не поставить себя под вопрос»¹¹.

Видимо здесь речь идет о важнейшем, самом главном факте внутренней, незримой биографии души – заключении или незаключении завета с Богом. Ниже мы будем говорить о мистике прямой речи. Но сейчас уместно сказать о реальности некоторого диалога с Богом, где личность либо отвергает своего Творца и Бога, либо (не без внутренней борьбы) заключает соглашение. Думается, что этот факт духовного самоопределения проходят все люди, даже те, кто с детства традиционно воспитан в Боге. Факт осознания своей веры у них осуществляется не менее драматично, чем у неопитов.

Сама душа таинственно знает смысл и качество этого призыва Бога и знает, как она распорядилась с этим призывом.

О проповеди

Любому проповеднику предстоит прежде всего в самом себе преодолеть внутренние барьеры, которые создает современный многоликий мир на пути к Богу; и это преодоление состоит не в гневных словах миру (хотя и лежащему во зле), а в рождении в душе самого проповедника того нового человека, созданного по Богу, в которого, по словам апостола Павла, должен облечься каждый христианин, и в первую очередь каждый пастырь. Тогда, пройдя через искушения, можно и искушаемым помочь.

Проповедовать Христа – это значит для всех быть всем, т.е. знать и чувствовать, и постигать меру духовности и восприимчивости самых

разных людей, стоящих в храме в данный момент. Надо просить апостола Павла и святителя [Иоанна Златоуста](#) об этом даре, чтобы, с одной стороны, нам не дать «твердой пищи» младенцам, а с другой – не потакать греховным немощам слушающих. Таковы узкие врата проповеди. Современному проповеднику, говоря сегодняшним языком, полезно чувствовать себя как бы миноискателем, который посылает радиоволны и ждет возвращения сигналов.

Проповедь – это диалог: один говорит о Христе, другие же не только внимают слову, но внутренне отвечают. Диалог всегда незавершен, его хочется продолжить, поэтому темы и поводы к проповеди разные, а канва одна – разговор об Истине, о Христе, о спасении. Не случайно один из видов проповеди называется беседой, хотя говорит один проповедник.

Если священник, будучи частью народа Божия и выражая его мысли и чувства, уловил молитвенное настроение народа и возвратил его в слове тем, кто, умея чувствовать, затрудняется словами выразить свои чувства, такую проповедь можно назвать откровением, пусть малым, но откровением о том, как спасти свою душу во Христе для Вечной Жизни. Аминь.

Психологическая природа фарисейства

Если увеливание, дабы «не поставить себя под вопрос», становится способом жизни, то такое личностное устройство именуется фарисейством и зиждется на тайной гордости, ибо имеет, как правило, благопристойный и нормальный личностный фасад.

Фарисейство – это тонкий и древний вид демонического и человеческого союза, когда личность, имея богоборческую мотивацию, остается внешне скомпенсированной и самодостаточной, хотя по истине это скомпенсированность мнимая.

Постоянно демонстрировать фасад нормальности и скомпенсированности – духовно безблагодатное дело; есть очень тяжелая и безрадостная работа личности. Это по точному слову поэта В. В. Маяковского, «работа адова». И это воистину так.

Достаточно вспомнить классическую в этом смысле фигуру Юлиана Отступника, который всю свою жизнь употребил на борьбу с Богом и Церковью. И смертельно раненный в бою, падая, воскликнул: «Ты победил меня, Галилеянин». Это образ в каком-то смысле простой души, которая не скрывает от самой себя, что борется с Богом и, тем не менее, признает его победу над собой.

Сегодняшнее богоборчество отказалось от прямых гонений на Церковь и обрело вполне цивилизный облик. Оно сегодня как бы

объективное, и как бы с желанием помочь сегодня «красной» и «кагебэшной Церкви».

Надежда Мандельштам писала, что она много раз лгала в своей жизни, потому что было страшно. Какое простое и честное признание! И какого человека!

Сколько сегодня тех, кто десятилетиями лгал! Не проще ли сказать вслед за вдовой поэта: все мы лгали, угодничали и лицемерили и продолжаем лгать и по сей день. Правда, может быть, меньше.

А путь и великую скорбь Церкви этих десятилетий может понять только человек верующий.

Личное обращение к Богу и тайна прямой речи

Многое имел я писать; но не хочу писать к тебе чернилами и тростью, я надеюсь скоро увидеть тебя и поговорить устами к устам, – обращается к своему адресату Иоанн Богослов (3.[Ин. 1, 13–14](#)). Вот это «устами к устам» и есть начало и конец откровения. Именно его ищем мы все. Именно без него мы задыхаемся и говорим: «Душно! Везде вранье».

В учебнике русского языка сказано: «С точки зрения механической прямая речь, как правило, представляет собой дословную передачу чужого высказывания, тогда как в косвенной речи ... подлинные слова и выражения говорящего лица претерпевают те или иные изменения»¹².

Думается, что понятия «прямая и косвенная речь» имеют свой глубочайший духовный смысл – речь не косвенная, не через третье лицо, а прямая и искренняя. Мы ставим двоеточие и открываем кавычки и даем возможность личности сказать свое слово о Боге, мире, о себе.

Самое важное начинается гораздо раньше, когда истерзанный страданием человек обращается прямо к Богу и вместе с поэтом говорит:

Образ твой, мучительный и зыбкий, Я не мог в тумане осязать.

Господи! – сказал я по ошибке, Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица, Вылетело из моей груди!

Впереди густой туман клубится И пустая клетка позади.

«Пустая клетка» – это клетка нашего двуличья, нашего мнимого стеснения пред Богом. Человек вырвался и как многие праведники и святые сказал: Господи! Вот я!

Три разговора в Пасхальную ночь

Христос каждую Пасхальную ночь приходит в наш город, в наше село, в наш дом. Приходит такой же, как в ту памятную ночь: кроткий, радостный, победивший. И нет среди нас ни одного человека, который равнодушно встретил бы эту весть:

Христос воскрес!

И каждый из нас в тайне своего сердца беседует с живым Богом.

Первый разговор

«И что ты Молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Рассердись, я не хочу любви Твоей, потому что сам не люблю Тебя»

Ф. М. Достоевский («Братья Карамазовы». Великий инквизитор)

Ты опять пришел мучить меня! Ты помнишь, как лихо мы разрушали Твои церкви и убивали Твоих слуг. Мы искренне надеялись, что люди забудут Тебя. Мы обещали людям не Твое какое-то там «загробное счастье», а счастье здесь, на этой грешной земле. И Ты думаешь нам было легко! Ты Сам знаешь, что мы пережили! И мы первыми полетели в космос, и на Небе, о котором все твердят Твои попы, мы не нашли Тебя. Понимаешь! Н е н а ш л и!

И ведь мы многого добились в борьбе с Тобой! Мы хотели даже реки поворотить вспять. И кто смеет называть наши высоты зияющими!!!

Мы приучили всех даже имя Твое писать с маленькой буквы. А из Твоих церквей мы уже готовы были сделать музеи и объявить их «народным достоянием». Ведь вся наша «передовая наука» доказала, что Тебя нет.

В последнее время мы стали ласковой обращаться с Тобой и «Твоими». Ты ведь не откажешь нам в этом?!

Ну скажи – почему Ты не хочешь быть просто, как сейчас говорят, «исторической личностью». Или хочешь – будь пришельцем из космоса, йогом, или Великим Магистром – экстрасенсом.

Или вот лучше всего: будь учителем добрых и хороших «правил жизни». И мы тогда будем Тебя уважать и ценить. Мы будем вспоминать о Тебе как о жившем давным-давно, мудром и хорошем человеке. И я обещаю – мы без Твоих молитв будем обычными, средними, даже порядочными.

Или вот, еще красивей. Ты будешь у нас героем великого, даже гениального мифа. И тогда про Твоих людей мы даже как бы с уважением будем говорить, что они ходят к Тебе просто успокаивать свои нервы, утешаться Твоей прекрасной легендой.

И вот еще. Я заметил, что меня несколько не раздражают иностранные попы. Но свои эти «батюшки»! Ух! Молчи. Не говори! Я сам знаю – почему. Теперь я понимаю, почему их стреляли. Это такая сладость! Не передать.

Разговор второй

«Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все можно

верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи, помоги моему неверию».

[\(Мк. 2, 22–24\)](#)

Ты пришел, Господи! Но я не знаю, кто Ты. Я не умею принять Тебя в свой дом. Мир опять пошел за Тобой. Но я не могу так скоро. Я хочу все понять! Но для этого мне придется опуститься на самое дно своей души, на дно своей тьмы. И тогда из глубины я воззову к Тебе. И я верю, Ты не замедлишь и придешь! ... я предчувствую Тебя. Я уже начал угадывать Тебя во Вселенной, в людях. Я вижу Твою Божественную печать везде: в звездах, в строении человека, в муравейнике, в цветке. Везде Ты!

Но сейчас все равно рано. Это будет ложь, если я сегодня в Тебе. Прости! Мой сын свободнее меня. Он просто взял и пошел встречать Тебя Воскресшего в Твой храм. Но знай –я обязательно приду. И я не буду спать в эту ночь. Я буду думать о Тебе и о своей жизни, ибо в эту ночь никто никогда не спал здесь, на этой милой, несчастной, родной земле. Эта земля 1000 лет уже Твоя.

Разговор третий

вы теперь имеете печаль: но я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

[\(Ин. 16, 22\)](#)

Господи! Я стою сегодня совсем рядом с Тобой. Ты опять победил смерть! Ты и сегодня победил грех! Ты Воскрес! Ты жив! Ты побеждаешь всегда! Ты побеждаешь смирением и любовью. Ты побеждаешь Крестом! Ты любишь всех нас и меня грешника. И сегодня среди торжества и ликования я хочу найти минутку и в тихой беседе сказать Тебе, что именно с Тобой я становлюсь свободным. Когда Ты уходишь из сердца – я омертвелый, кукольный, не настоящий.

Святые говорят, что у свободы два крыла: любовь и вера.

А помнишь, как Ты, воскресший, спрашиваешь у предавшего Тебя еще раньше, в ту страшную ночь, апостола Петра – любит ли он Тебя. А он сразу, не думая – люблю, Господи! Но Ты спросил об этом же и второй и третий раз: Симон Ионин! Любишь ты Меня [\(Ин. 21, 17\)](#). И этот мучительный, ужасный вопрос все глубже и глубже проникает в душу, освещает все ее темные углы и вспоминаешь все: грехи, падения, постыдные поступки. И льешь покаянные слезы. И уже после мучительного, долгого молчания Ты со страхом и надеждой говоришь: «Люблю, Господи, но прости и меня, грешника!» И оживает душа и на деле узнает – что значит воскреснуть из мертвых, ожить.

Теперь я понимаю – почему Ты называл Себя Сыном человеческим,

будучи еще и Сыном Божиим. Это образ и для меня – чем ближе я к Тебе, тем ближе я к той земле, которая освящена Тобой. И постепенно чувствуешь, что преподобные Сергей и Серафим, оптинские старцы, Михаил Илларионович, Александр Сергеевич, Анна Андреевна – все-все – это не история только, это все рядом, близко. Это мое. Благодарю Тебя, что я почувствовал себя своим на нашей русской земле. Но диво! Другие земли тоже становятся понятными, хотя они и не родные.

И смотри. Господи! К нам медленно, почти незаметно, приходит запоздалая весна, снисходит благодать в больную душу, проливается свет тихой радости на истрадавшееся сердце русского народа. Аминь.

Покаяние

Этапы возрождения личности, которые мы искусственно выделяем здесь, имея пропедевтические задачи – это лишь некоторые моменты в стихии движения души к Богу. И важнейшим, центральным моментом такого движения является покаяние.

Покаяние – это сердце духовной жизни, т. е. перемена к лучшему. Покаяние – это одно из самых трудных дел на земле. Об этом написано сотни страниц.

Надо отличать покаяние от раскаянья. т. е. сожаления о своих грехах. Покаяние – это сокрушение о своих падениях в Боге, пред лицом Божиим.

Надежда Мандельштам говорит странные, на первый взгляд, слова: «Чувство греховности – основное богатство человека». Имеющий уши да слышит. Покаяние – это не разовое эффектное «прости, Господи». Это – собственно сама жизнь. Это покаянный дух самой жизни. Это иго, это бремя! Но это то, о чем говорит Господь в Евангелии: возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдите покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко ([Мф. 11, 29–30](#)).

Вместе с нашим личным греховным произволом, в наших падениях запечатлеваются и грехи рода, фамилии. И поэтому одна из важнейших духовных задач христианина есть задача выпрямления пути рода через личное покаяние.

За все, за всякие страданья,
За всякий погранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, –
Пред Богом благости и сил,
Молитесь, плача и рыдая,

Чтоб Он простил, чтоб Он простил.

Это стихи замечательного русского философа А. С. Хомякова.

Плач о потерянном и забытом Боге

Господи! Ты пришел к жителям самарийским, и увидев Тебя, они сказали: сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос ([Ин. 4, 42](#)). Господи! Как они, никогда не видев Тебя, узнали? Это потому, что Ты уже был в их сердцах, они ждали Тебя, Мессию, и им легко было узнать Тебя, уже любимого ими

Но я ищу Тебя в своем сердце и не нахожу. Мгновениями, минутами я чувствую и узнаю Тебя, и тогда великая радость и покой в душе моей. Но потом опять пустота, холод и нечувствие... Как я устал от бесконечной сутолоки жизни! С каждым днем, месяцем у меня все больше суеты и все меньше Тебя. Я хочу остановиться, но не могу, могу только тосковать по Тебе, живущему в душе моей, но забытому мной.

Только в храме, во время молитвы я опять узнаю Тебя в себе; тогда хочется завязать вечный узелок, сделать вечную зарубку о Тебе в своей памяти. Но как быстро меняюсь! Только что было святое в душе, был Ты, и вот уже совсем другое – скверное, греховное, постыдное

Я Каин, убивший брата, Хам, опозоривший отца, Петр, предавший тебя той ночью. Я гордец и блудник, завистник, нерадивый. Это про меня сказано:

Так завистью пылала кровь моя, Что, если было хорошо другому, Ты видел бы, как зеленею я.

(Данте. Божественная комедия. Ад. 14, 2)

Вижу, узнаю себя в толпе, которая от праздности злобно кричала: «Распни!».

Когда я вновь оживаю словно от обморока и вспоминаю о Тебе, мне стыдно, и я мог бы совсем отчаяться, если бы не помнил о Твоей любви ко мне и ко всем людям! По временам я чувствую, как мало этой любви во мне, и тогда мне страшно.

У каждого человека есть желание помнить свой род: мне нравится говорить о своих предках, помнить их, нравится смотреть на старые, пожелтевшие фотографии родных, наверное, у всех нас есть желание помнить свои истоки, свой корень. Но мой род – хорош он или плох – не может сделать меня лучше. Ты – мой Живоносный Источник, Господи, Ты – корень.

Я радуюсь и благодарю Тебя за то, что Ты даровал людям и мне Церковь Свою. Каждый Твой праздник – это память о Тебе, память о Твоей жизни и смерти, о Воскресении. В эти святые минуты в храме я опять

приближаюсь к Тебе и тогда вновь Ты близко – Ты во мне!

Моя лукавая память временна, непрочна: я лишь человек, Ты – Бог! И память Твоя не оскудеет. Поэтому я вслед за разбойником с надеждой на безмерную милость Твою взываю: Помяни меня, Господи, во Царствии Твоем. Аминь.

Благодатные перемены

Изменение «внутреннего человека» естественно влечет за собой благие перемены или новообразования и во всей жизнедеятельности. Их может быть несколько.

Обретение своего пути и формирование личной «субстанционной» мифологии

И действительно многие неопиты во Христе говорят, что начало духовной жизни ознаменовалось ощущением того, что ты как бы нашелся. Обретение себя в Боге дает ощущение своей неслучайности и подлинности.

Сюда же мы относим момент узнавания и своего жизненного креста. [Святитель Игнатий Брянчанинов](#) в одном из писем к своим духовным детям пишет, что на чужие кресты напрашиваться не надо, но если кто оставит и сойдет со своего креста, то он будет бесплоден. Только сораспявшись Христу можно и воскреснуть с Ним.

О. Манделъштам в 1910 году написал:

Душный сумрак кроет ложе,

Напряженно дышит грудь Может мне всего дороже

Тонкий крест и тайный путь.

Кроме этого у духовно продвинутой личности начинает формироваться не просто посюсторонняя мифологема (представление) о себе и своей истории, а миф, по выражению А. Ф. Лосева, обращенный в вечность. Миф по А. Ф. Лосеву – это лик личности. Идея личного мифотворчества требует специальной большой проработки. Мы не ставим здесь этой задачи. Поэтому ограничимся лишь важной цитатой из работ А. Ф. Лосева, с позицией которого автор полностью отождествляется: «Без религии и без вопросов субстанционального ... самоутверждения личности в вечности не может появиться никакая мифология ... Но Сама-то религия ни в коем случае не есть просто мифология. Религия есть, сказали мы, субстанциональное утверждение в вечности Другими словами, сущность религии есть таинства... В христианстве таинство возможно только потому, что существует Церковь. Церковь же есть Тело Христово ... Таким образом, богословие есть религиозная наука, обряд есть религиозное поведение, мифология есть религиозная поэзия и искусство. Сама же религия не есть ни то, ни другое, ни третье. И жалки, смешны, беспомощны общераспространенные попытки свести религию то на науку

и познание, то на мораль и поведение, то на эстетику и чувства»¹³.

Обретение дома

И. Ильин пишет, что семья – это частичка Родины. И все мы знаем, что дом – это сложное и таинственное образование. Это и его стены, это и особое место расположения, это и особые голоса, неповторимые скрипы, звуки. Это и родные люди.

Однако в ином доме может быть чисто и аккуратно, но не уютно. Это банальность, но стоит все же заметить, что бездомность – это не только материальное присутствие стен и крыши, но это часто и метафизическая бездомность владельцев квартиры или дома.

Можно было бы назвать несколько отрицательных типов домашнего устройства. И в каждом из них дом рушится через порочность или искажение внутреннего духовного строя домочадцев. Таких отрицательных типов несколько.

Можно было бы говорить о доме, который превращен в притон или забегаловку. Такие дома у нас, увы, есть и число их растет.

Далее – дом, как проходной двор, где беспорядочно ходят разные люди и это не то чтобы друзья, а это часто невесть кто – лишь бы не оставаться одним или одному. Потому что одному страшно

Еще один тип – дом как вокзал. Люди, которые живут в доме, осознают себя как бы на вокзале. И собираются туда на 10 – 12 часов переспать, перекусить, реализовать другие функциональные отправления и броситься врассыпную – рассыпаться. Часто сама жизнь растаскивает людей, но они страдают и тяготеют этим обстоятельством. А есть семьи, где такое положение вещей вполне устраивает. И тогда такой дом, по сути, мертв. Дом, понятно, не может быть вокзалом, ибо с вокзалов мы как раз и отправляемся домой. Дом – это, напротив, пристанище, прибежище, тыл и т. д.

И еще – дом, как салон. В Словаре русского языка сказано, что салон – это «парадная гостиная или зал для приема гостей», а салонный, скажем, разговор или музыка – все это синонимы легкого, пустого, поверхностного. Такой дом теряет свою автономию и самобытность, свой строй и превращается в место сплетен, пустопорожней надутый болтовни, мелких интрижек, двусмысленности, бесконечных «чаев» и посиделок.

Дом – как затвор. Надо разбираться в каждом конкретном случае, но если закрытость дома от друзей и близких мотивирована бегством от мира не к Богу, а в себя, в свою тьму, тогда такое его устройство еще более подвигает хозяев к невротичности, проблемам в общении и закомплексованности.

Здесь же уместно вспомнить ответ Божьей Матери на бесконечное вопрошание к ней одного затворника – кто такой монах? И она ответила ему в откровении, что «монах – это молитвенник за весь мир». Вот в этих словах, на мой взгляд, кроется идея дома. Я бы назвал ее автономией открытости. Идеальный дом – это гибкое образование, где сохраняется благодатный и разумный баланс замкнутости от мира и открытости к миру и людям в Боге.

Однако любой, даже самый прекрасный дом есть временное наше жилище. Апостол говорит: не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего ([Евр. 13, 14](#)).

И прочен тот дом, хозяева которого обращены в вечность. Об этом говорит и О. Мандельштам:

Немногие для вечности живут,
Но если ты мгновенным озабочен –
Твой жребий страшен и твой Дом непрочен!

В жизни супругов есть два сакральных момента: это момент встречи и момент расставания. Первая встреча – это не арифметическая величина, а сугубо психологическая реальность. Особенно интересно наблюдается встреча двух людей в малом городе. Двое – юноша и девушка часто ходят мимо друг друга, знают друг друга «сто лет», и вдруг «ах!» Вот это «ах!» мы все знаем, это и есть встреча. Психология расставания совершенно потрясающе описана в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя.

Но встреча и расставание во Христе спроецированы в вечность. Надежда Мандельштам говорит: «Если бы не вера в будущую встречу, я бы не могла прожить десятки одиноких лет».

Обретение родины и почвы

Положительный исход из духовного кризиса вводит человека в Храм. Храм – это видимая всем людям печать Бога на этой земле. Для нас россиян – это православный Храм. Храм – это место схождения горнего и дольнего, место встречи Бога и человека. Это место собирания духовной и душевной культуры народа: музыки, живописи, архитектуры, литературы. В последние десятилетия не было задачи приумножить наше церковное наследие. Была задача сохранить его. И эта задача была решена.

У каждого народа есть свой духовный отец или отцы.

Духовным вождем русского народа является преподобный Сергей, завещание которого до сего дня является маяком духовного движения для христианства. Известно, что пред своей кончиной преподобный Сергей сказал: «Братие! Молю вас – имейте страх Божий, чистоту душевную и любовь нелицемерную!»

К смертному одру отца всегда собираются дети и бережно складывают в сердце своем последние его слова, которые отныне будут являться и зерном и мерилom их собственной жизни. Извечный молитвенный призыв русского народа: «Преподобне отче наш Сергие! Моли Бога о нас!» – слышен к счастью со всех сторон и сегодня. И пока он будет слышен, будет жива русская земля.

Молитва Святому земли – это первый и важнейший камень в фундамент формирования исторического опыта ребенка. К сожалению, советская школа последние десятилетия вообще не занималась формированием исторического сознания школьников. История, во-первых, воспринималась как прерывная – до 1917 года и после. А, во-вторых, история – это некий реликт, это то, что «было давно» и как бы не с нами. В то время как подлинное историческое сознание диалогично. Для нас это живая беседа со святыми русскими: преподобными Сергием и Серафимом, оптинскими старцами, праведным [Иоанном Кронштадтским](#) – в молитвах к ним.

Говоря об отцах, мы должны сказать и о сыновьях русской земли. И здесь я полностью разделяю мнение Бориса Пастернака, который сказал, что «Пушкин построил здание нашей духовной жизни, дом русского исторического сознания». Дом русского исторического опыта народа, который открывается человеку в живом обращении к Сергию, Александру Сергеевичу и другим.

Это парадоксально, но историческое сознание возникает именно тогда, когда преодолеваются временные преграды и вся наша история вместе со мной, «здесь и теперь». Сейчас лишь немногие пытаются осмыслить путь А. С. Пушкина. А между тем этот путь был путем покаяния! Именно это и позволило поэту преодолеть декабризм, юношеское глумливое безбожие, а к концу жизни и вольтеррианство с его цинизмом. Поначалу игра затмевала многое. Но уже в 1828 году рождается покаянное:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю.

А. С. Пушкин шел к себе обычным традиционным путем любого русского человека, путем покаяния. Единственная молитва, переложенная Пушкиным в стихах, – молитва [Ефрема Сирина](#), – пишет В. Непомнящий; Пушкин умирает 29 января (10 февраля) – в день памяти этого святого¹⁴. Многие знают это стихотворение, которое начинается словами: «Отцы

пустынножители и жены непорочны...

Итак, дверь посвящения в мистику русской земли открывается двумя людьми: преподобным Сергием и А. С. Пушкиным. Это – фокус русской культуры.

Но вернемся к О. Мандельштаму. Он вторит нам и не однажды. Так он пишет:

И в голосе моем после удушья
Звучит земля – последнее оружие –
Сухая влажность черноземных га.

В стихотворении 1935 года «Чернозем» он в одной строчке выражает идею «исторической земли». Это его удивительное тысячелетие распаханной молвы.

Вполне возможно, что О. Мандельштам знал идею отца Павла Флоренского о духовных эпицентрах русской земли. Я говорю «знал», так как эти два человека дружили и любили друг друга. Отец Павел выделяет два таких эпицентра в России: Красная площадь и Троице-Сергиева Лавра. Я бы выделил еще место Храма Христа Спасителя. От того, что происходит ныне на этих местах – уже по одному этому, можно судить о благосостоянии земли в целом.

Все мы знаем печальную молитвенную формулу, которую произносит священник, предавая тело земле во время отпевания. Он говорит: «Земля еси, и в землю отыдеси». Тело сопряжено с землей, оно и взято от земли, и оно обращается в прах, когда живая бессмертная душа идет к Богу.

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну,
пишет О. Мандельштам в 1935 году.

Где же лежит путь единения, сверх- или над-национального религиозного единства?

У русского философа Ивана Ильина есть такое суждение: «Истинный национализм открывает человеку глаза и на своеобразие других народов... Сверхнационализм доступен только настоящему националисту. Ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Истинный гений всегда национален»¹⁵.

Ф. М. Достоевский покорила японцев не тем, что в его творчестве были японские мотивы, а тем, что он был подлинно русским гением. Взойдя на гору своей земли, он открыл и другие земли. Но одновременно и он стал видим отовсюду.

И в подтверждение этих размышлений звучат слова раннего О. Мандельштама:

Иных богов не надо славить:
Они как равные с тобой, И осторожною рукой,
Позволено их переставить.

Обретение слова и имени
Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков,— писал О. Мандельшам в 1914 г. И одна из высочайших таких ценностей – это правда, и стремление к ней.

Господь говорит в Нагорной проповеди: Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся ([Мф. 5.6](#)).

И одна из духовных проблем, за что во все века шла борьба – читаем буквально (!) – называть вещи своими именами. И это как в обыденном, так и в собственно психологическом смысле.

У всего живого на земле есть имя, и до тех пор, пока сохраняется память об имени – вещь неуничтожима. Ибо Слово, Логос было в начале. И Слово имеет творческую, самодеятельную силу. Читаем у Мандельштама:

Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя:
Мне будет легче с ним – пойми меня.

Вещь, у которой отняли ее имя и дали ложное – болеет, страдает и разрушается. Это мы прекрасно видели на примерах так называемых переименованных российских городов, сел, улиц. Но если у города или села отняли его имя, значить в городе правит ложь. Такой город не будет процветать.

А вот одним из негласных законов зоны является лишение человека его имени и закрепление за ним клички. Многие из них как бы забывают свое имя и удивляются, если их вдруг поименуют. Кличка – это форма проклятия. Вспомним при этом свои детские переживания, когда нас «дразнили».

В порядок совершения таинства крещения входит наречение имени. Обретение имени в Боге, вхождение в мистику собственного имени («имя собственное») приходит через обретение священной истории святого, имя которого мы носим. Святой воспринимается как старший собрат, как Ангел, с которым каждый разделил свою судьбу в общем имени. И мы роднимся с этим исторически нередко далеким, но духовно очень близким человеком. Благоверный князь и мученик Борис – родной мне человек, ибо я много раз разговаривал с ним в молитвах, размышлял над ним, его судьбой и подвигом, чувствовал его поддержку...

Главной целью подлинного духовного познания является упразднение

многознания, высокоумия и чванства до одного имени.

Преподобный [Иоанн Дамаскин](#) говорил, что Бог прост. Но нам все кажется, что к простоте надо снисходить. Но оказывается, что к простоте надо восходить. Поименование же вещи ее подлинным именем порождает богатство смысла.

Воскресший Христос явился первой Марии Магдалине, и она не узнала в нем своего учителя и Господа, пока Он не окликнул ее по имени, пока Он не сказал: «Мария!»

И это – пример, указание для нас, психологов. Прежде чем приступить к исследованию личности, каждый из нас должен выстрадать право обратиться к человеку и назвать его по имени. Да так назвать, чтобы он и откликнулся нам.

Мы же многие годы пытались овладеть тайной личности, имея в руках то фомку, то хитренький английский ключик. Мы то набирали «батарею методик», чтобы «вдоль и поперек», как мы выражались, «исследовать личность», – то подбирали такие методы, с помощью которых мы ловчили и лукавили перед человеком. Ты, мол, думаешь, что мы тебя про одно спрашиваем? – Дурачок! Ты и не знаешь, на что мы тебя сейчас раскручиваем. Такая психология не могла и не может быть подлинной психологией души человеческой. Хотя, безусловно, в нашей практике должны быть приемы и техника.

Никого не надо, извините, «раскалывать», человек откроется сам, он станет прозрачен для нас и для самого себя, если он увидит в нас хотя бы тусклое отображение лица Христова, отблеск той Божественной любви, которая, как говорит Писание, никогда не ищет своего, а ищет пользы другого.

Это же относится и к точной квалификации своего собственного внутреннего состояния и собственных поступков. Лукавство и тщеславие постоянно уводят нас от точного поименования того, что сейчас происходит в душе. А поименовать – это значит почти освободиться...

Обретение нравственного закона и свободы

Человек, живущий натуральной внедуховной жизнью, может ориентироваться в своих поступках только на свою совесть, да еще на Уголовный кодекс. Совесть, неочищенная покаянием, – плохой советчик. Уголовный кодекс – это дело, правда, серьезное и его надо чтить, но все же крайнее.

Обретение нравственного закона в душе – это усвоение нравственного законодательства на деле, т. е. в своей реальной жизни. Страх Божий – хранитель закона. Страх Божий – это благоговейное опасение обидеть

ближнего, позавидовать, осудить, это опасение допустить в душу всякую скверну: нецензурную брань, блудные мысли и пр.

Господь призвал нас к свободе. В Послании к галатам апостол Павел прямо призывает: Стойте в свободе ([Гал. 5, 1](#)).

Но свобода вне приобретенной в духовном опыте мудрости оборачивается по А. С. Пушкину «безумством гибельной свободы», превращается в «чад небытия». Это то, что Ф. М. Достоевский называл «своеволием». Видимо, именно об этом пишет и апостол Павел: Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу ([Гал. 5, 13](#)).

Иван Ильин разворачивает это предупреждение следующим образом: «Свобода веры не есть свобода изуверства. Свобода любви не есть право на разврат или извращение. Свобода творчества не есть свобода лени или безответственного произвола. Свобода исследования не есть свобода шарлатанства, лжи и фальсификации. Свобода воззрений не есть право на притворство, на продажность, соблазн или совращение глупых, необразованных и малолетних. Кто так понимает свободу духа, тот заслуживает тот, чтобы у него ее отняли... Свобода совести не есть свобода от совести. Свобода убеждений не есть беспринципность. Свобода питания не есть оправдание обжорства или пьянства»¹⁶.

Какие же личностные качества, добродетели являются признаками, «приметами» свободы, совпадающими и с дарами Духа? Они есть: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона, – говорит апостол ([Гал. 5, 22–23](#)). «Нет закона» в том смысле, что благодать преодолевает законнические рамки и выводит человека к свободе¹⁷. И здесь уже нет места страху и утеснению, но до этого всем нам шагать и шагать. Антоний Великий говорил: «Я уже не боюсь Бога, я люблю его».

Русский космос

О смерти. Слово первое

Православие, как и любая другая мощная культура, имеет огромный духовный опыт представлений о смерти, молитвенный и аскетический опыт как приуготовления к смерти, так и самого акта умирания. Христианство имеет и колоссальный опыт посмертных видений и откровений самого разного типа¹⁸.

Христианин с самого детства начинает готовиться к смерти. Это покажется странным и как бы ненужным для людей внешних. Но они, к сожалению, ничего не знают об этом, а многие из них вообще боятся подобных разговоров. Этим самым обнаруживая свою несостоятельность. И чем больше они вытесняют из своей души эту реальность, тем она все больше дает о себе знать. Чем больше они хотят убежать от «скорби смерти» в «радость жизни», тем все меньше и меньше остается последней. Чингиз Айтматов в «Буранном полустанке» точно сказал: «Народ, который не умеет умирать, не умеет и жить».

Кто-то из русских писателей заметил, что козырь атеизма есть блуд, а козырь христианства есть смерть. Сегодня время, когда каждый разыгрывает свою карту.

Первые духовные опыты умирания ребенок приобретает в церкви. Это и участие в отпевании покойников. Это и переживание голгофского ужаса Великой Пятницы – узнавание мук и страданий Спасителя и сочувствие Ему. Это и выход из страданий Голгофы в радость Пасхи.

Христианин не бежит от реальной смерти, он готовится к ней, понимая, что смерть – это переход в вечность. Это и итог, зерно всей жизни. О. Мандельштам часто любил говорить, что в смерти есть торжество и что «когда б не смерть, так никогда бы мне не узнать, что я живу». Или еще прекрасное его изречение: «Ткани нашего мира обновляются смертью». Посмотрим, как сказанное поэтом точно сочетается со словами Христа: Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода ([Ин. 12, 24](#)).

В аскетическом православном сознании всегда упоминается такая добродетель, как «память о смерти – «память смертная».

Дни человека коротки и сочтены в любом случае, жизнь – это пар. Самоупование на здоровую пищу, на спорт, на хорошие лекарства – все

это тщетно, если не сохранит Господь. Но и не будем напрашиваться на смерть. И пожить неплохо, и пожить ведь охота! И дай Бог всем здоровья. Но придет время помирать – тогда готовься, кайся, молись. Вот умонастроение верное и истинное.

В смерти открывается вся полнота замысла о том или ином человеке. В смерти мы входим в полноту прожитого. Мы не напрашиваемся ни на болезни, ни на смерть, но желаем ее как вершину личного самотворчества и самодеятельности в Боге. Здесь на земле мы желаем ее и как избавления от уз тела, от связанности миром. Но мы любим эту жизнь, это небо, эту природу. Ибо и в горнем и в дольном – во всем Господь.

Второе слово о смерти

Наряду с глубоким, священным, торжественно трепетным ощущением смерти живет у нас не отдельное, а вместе и другое – простое, профанное, обычное, даже пренебрежительно-шутливое, бесстрашное, но без вызова – спокойное отношение к смерти.

Эта стезя есть у А. С. Пушкина. В. Непоминацкий пишет: «Его (А. С. Пушкина – Б. Н.) отношение к смерти... На поверхностный взгляд почти кощунственно. О казни декабристов: «Повешенные повешены, но каторга ... ужасна». О Байроне: «Ты скорбишь о Байроне, а я так рад его смерти ...» ... Кто-то назвал Грузию «врагом нашей литературы» – этот край «лишил нас Грибоедова». «Так что же? – отвечал Пушкин.– Ведь Грибоедов сделал свое дело. Он уже написал «Горе от ума». Еще: «Ох, тетенька! Ох, Анна Львовна, Василья Львовича сестра!» – это шуточная «Элегия» на смерть родной тети ... Ему страшна была не смерть, страшен был «ропот мной утраченного дня» («Мои утраченные годы»).

В церковно-бытовом сознании такое простое отношение к смерти имеет место постоянно. Так, при объявлении смерти какой-нибудь бабуши часто слышишь примерно следующее: «Царство ей Небесное. Да уж и пора. На 9-й десяток пошел. Пора, как говорится, совесть знать... Отмучилась ...» – или что-то в этом роде с разными вариациями. Нельзя не вспомнить на этот счет и незабвенно-красивое и простенькое: «А барин-то наш приказали долго жить». Это не значит, что это как-то противопоставлялось первому, сакрализованному ощущению смерти. Нет. Просто, имея некое среднее душевное состояние, человек не идет дальше предела. И, останавливаясь на нем в разной форме, «констатирует факт смерти».

Об осени и русской душе

Природа в русском сознании никогда не обожествлялась. Об этом много у А. С. Пушкина. Русской душе не свойствен пантеизм. За

явлениями природы всегда стоит нечто неизмеримо большее, ее Творец, Бог.

Русская душа в своей полноте всегда тяготела к простоте и к молчанию. Ценностью было не внешнее, а внутреннее, глубинное, сердечное. Про преподобного Серафима в одном песнопении поется, что он был «безучастен ко внешнему». Это вполне соответствует и евангельскому призыву: Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы и нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что Драгоценно пред Богом, – пишет апостол Петр (1 Петр. 3, 4).

Нам уже приходилось писать, что храму, его аскезе совершенным образом соответствует и архитектоника земли. Так чудно устраивает Господь! И храм, и человек, и природа – все существует в благодатном единстве. И думается, что здесь уместно будет явить хоть малый сколок этого единства:

Суровый холод жизни строгой

Спокойно я переношу.

И у небес дороги новой

В часы молитвы не прошу.

(И. Никитин)

Полнота православного упования на Бога рождает особый духовный строй – свободу и чистую совесть. Для иллюстрации этого приведем высказывание из Добротолюбия Аввы Филимона: «... во искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога ... Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого о себе промышления не творю; но зная, что ОН (Бог – Б. Н.) печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтобы непрестанно молиться. Зная это, брат, не поддавайся малодушию»¹⁹.

Полнота упования, реальная благодатная помощь Божия, огромные, говоря современным языком, энергетические духовные ресурсы народа русского, терпеливость и другие добродетели делали его воистину великим. Но потеря этим же народом живой веры, смирение превратило в безразличие и апатию, полнота упования и свобода оборотились в расслабленность и лень, отсутствие страха Божия позволило осквернить язык через нецензурную брань, неверие породило суеверие, церковное братство превратилось в большевистский жесткий коллектив, искренность и открытость обратились в глупость, ибо мудрость – это добродетель Духа...

Может быть, не все так плохо, будем молиться и верить, что не все убито, не все поругано. Ведь и теперь у нас много добрых условий для возрождения.

Надежда Мандельштам пишет, что она каждый день в те страшные годы «чувствовала себя помилованной». Какой отсюда прекрасный «ход» к Богу. Мы ведь все воистину помилованы. Евангелие говорит нам – живи днем сегодняшним. А мы могли бы сказать: Господи! У нас в России мы все только так и живем. И не знаем – как еще можно по-другому. Я не знаю еще других мест, где так удобно можно совершенствоваться в Боге и спасаться.

Однако возможность жить днем сегодняшним одни используют по праву. И живут этим днем в Боге. Другие же также живут одним днем, но девиз при этом другой: грабь, хапай, веселись – однава живем. Надежда Мандельштам: «Один мой заокеанский друг однажды сказал: «Любой наш поэт согласился бы стать вашим поэтом». По-моему, он недооценил последствий», – заключает вдова репрессированного поэта²⁰.

Странничество

Одна из удивительных антиномий православной души – это соединение в одном: и укоренение на земле, неизбывное вчувствование в мистику своей земли, с одной стороны, и здесь же – некая совершенная свобода и несвязанность ничем, в том числе и местом. Оптинский старец Лев особенно радовался, когда его гнали из зависти из одной келии в другую. Он радостно брал свою икону Божией Матери (Владимирскую) и удалялся куда велели.

Юродство как на Руси, так вообще в Православии, по мнению одного из юродивых, ради Христа, устраивалось Господом для того, чтобы посрамить мир. Чтобы показать, что его (мира) ценности во многом ложные, временные и преходящие. А сами юродивые странствовали по свету – свободными и мудрыми. У О. Мандельштама свобода и странничество объединяются в одном слове – посох.

Посох мой, моя свобода, сердцевина бытия.

Или:

Посох взял, развеселился И в далекий Рим пошел.

В этом смысле есть два типа странствия. Первое – это безблагодатное Каиново скитание по земле. Человек постоянно куда-то бежит, гонимый чуждой ему силой и боится, а часто и просто не может остановиться.

И второй тип – это путешествие с радостным и смиренным знанием, что с Богом везде хорошо.

Психология сиротства и русская сказка

Русская сказка «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» начинается словами: «Идут двое сироток по далекому пути, по широкому полю. Померли у них отец с матерью, оставили, сиротами дочку Аленушку да сына Иванушку. Вот и пошли они странствовать по белу свету».

Сироты вышли в далекий путь и в широкое поле – все это образы жизненных трудностей. Им будет также трудно, как всем здесь на земле. Но ведь у них при этом еще нет родителей. Перед этой жизнью полнота их незащитности предельна. И вот здесь у слушателей сказки возникает некая пронзительная и одновременно тихая жалость, которая вместе с тем растворена надеждой, и упованием, и как бы даже спокойствием, что именно в обездоленности и рождается их судьба. И, возможно, все сложится даже и неплохо.

И даже когда жизнь загоняет сирот в страшный тупик, когда злая ведьма уже навязала на шею Аленушки камень и бросила в воду, а для козленочка – Иванушки готовятся «котлы чугунные» и «точатся ножи булатные» – даже в этой крайней ситуации нет и тени от сегодняшнего кинотриллера. У слушателя волосы не встают дыбом, потому что есть, запредельно ощущается какая-то необоримая невидимая опора – последнее спасение. Эта опора просматривается поначалу робко. Вспомним. Когда вернулся с охоты царь, он не заметил того, что вместо жены – оборотень – ведьма. Не заметил царь, но зато заметила природа.

Ибо сказитель открывает нам, что «цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть». Может ошибиться и обмануться человек. Но Божий мир все знает, и эти скорбь и страдания отпущены сиротам, дабы явилась потом на них пред всеми слава Божия и торжество правды. Чтобы все увидели, что сирота стала царицей. И в своем царском достоинстве сохранила простоту, скромность и целомудрие. А младшенькому, хотя и сиротинушке, но надо же и слушаться, потому что козленочком станешь, а затем, не дай Бог, и взрослым животным этого же вида и этого же рода.

Издавна на Руси сироты пользовались особым попечением и жалостью «от людей». Мы часто слышим выражение «казанская сирота». Это пошло с 1579 года, когда в городе Казани была явлена икона Божией Матери. Пресвятая Богородица трижды явилась сироте Матрене и указала ей место сокрытой в земле иконы.

В Православии мистика сиротства имеет глубочайшие корни. Сиротство часто сочеталось вообще с посвящением Богу. Ветхозаветный пророк Самуил – долгожданный ребенок Анны, – сразу после рождения был отдан на воспитание в храм и посвящен Богу.

Иоанн Предтеча, сын престарелых Захарии и Елисаветы, жил

большую – часть жизни как пустынный. А его отец был убит.

Сама Пресвятая Богородица были посвящена храму и вскоре после своего рождения потеряла обои родителей, Иоакима и Анну.

Преподобные Сергей и Серафим вышли на духовное поприще уже сиротами.

Есть в житийном материале и образы произвольного сиротства. Когда, скажем, такие святые, как Алексей, человек Божий, и преподобный Иоанн Кушник жили неузнанными под видом нищих в саду, около собственного же дома, Христа ради. И лишь перед смертью их подвиг дивным образом открылся родителям этих людей. Этот мотив лег потом в основу многих сказок.

Однако один из самых ярких и глубочайших образов жизни в чужой стране, вдали от семьи – образ Иосифа, проданного братьями в Египет. Библия являет нам тяжелейший путь возрастания юноши на чужбине. Акт же прощения Иосифом раскаявшимся братьям их греха – есть одновременно момент вхождения Иосифа в психологическую реальность отцовства.

Одним из ключевых моментов русского мироощущения является переживание личностью своего сиротства, даже и при живых родителях. В этом смысле – все мы сироты! И всегда остается духовная задача усыновления (удочерения) Отцу и Матери в подлинном, сакральном смысле.

Мы читаем молитву Господню и начинаем ее со слов «Отче наш ...» Это молитва к Богу и Отцу.

Множество молитв знает Церковь и к Божией и нашей Матери.

Русская церковная культура накопила такой энергийный запас побед добра над злом, что православной душе вообще несвойственны состояния неопределенного ужаса, страха, брошенности и забытости. Сиротство ли, болезни ли, скорь ли, все с Господом и через Господа.

Мы вошли в огонь и в воду, и ты вывел нас на свободу, – говорится в молитве ([Пс. 65, 12](#)).

Нравственная идея и психологическая наука

Личный опыт психолога

Каков же статус внутренней работы современных психологов? О чем вообще говорят психологи между собой? В лучшем случае – это обмен мнениями по поводу внутренней интроспекции. Но что может рождать долгое смотрение на собственную падшую душу? – Цинизм, уныние и разочарование в себе, а заодно и во всем... человечестве.

На самом деле идеалом подлинного психологического знания должно стать описание и презентация психологами хотя бы самим себе крупниц их личного духовного опыта, обретенного ими на ниве возрождения собственной души.

И именно из этого будет рождаться психологическая практика помощи другим людям. Это вовсе не значит, что она должна совпадать с церковной практикой. Я считаю, что верующий психолог далеко не всегда должен открывать свои убеждения клиентам. По крайней мере – это тема особого разговора.

Здесь же хотелось бы привести важнейшую для психологов и педагогов цитату из книги Надежды Мандельштам: «Секуляризация (т. е. бездуховность – Б. Н.) достигла вершины в тот момент, когда оторвала гуманизм от породившего его Христианства. В результате этого акта, вернее процесса, завершившегося в первой половине двадцатого века, мы оказались свидетелями неслыханной дегуманизации людей. Дегуманизация проявилась в двух формах. Первая форма: дегуманизация протекает под прикрытием сладчайших слов из гуманистического словаря и обещает полный расцвет личности и полную социальную идиллию. Вторая форма дегуманизации откровенно антропофагская. Сильный поработывает слабого и пользуется плодами победы». Я бы хотел предоставить возможность читателю самому прокомментировать эту цитату.

Нравственная идея христианской педагогики

Современные отечественные психологи, испугавшись (и по праву) бездушного коллективизма, кинулись в другую крайность – индивидуализм.

Коллективизация «всей страны» привела к уничтожению свободы слова, самовыражения, мнения и т.п. Страна была превращена в инкубатор, лагерь, где главный принцип был принцип зоны: «не

высовывайся», «будь как все» и пр. Но ведь и противоположная стезя – не лучше. Идея «Я – сам» породила известные в западной психологии проблемы: потери смысла жизни, отчуждения, одиночества, самоистуканства. Об этом писали многие (Ж. П. Сартр, Э. Фромм, А. Камю, К. Воннегут, Э. Хемингуэй и др.). Мне думается, что это процессы одного ряда. Это выражение противоречия одного из извечных желаний человека: «Оставьте все меня в покое и не бросайте меня одного».

Господь пришел в мир. Зачем? Вспомним, что Он сказал: Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее ([Мф. 16, 18](#)). Зачем было настаивать Ему на этом, если достаточно, как говорят сейчас, личной веры, «веры в душе». И не сегодня, когда многие радуются, узнав очередную позорящую Церковь новость, – а и тогда, в собственной общине Иисуса Христа было не все в порядке. Ибо там был предатель, который не вдруг, а давно был чужим. Но ходил вместе. И наряду с этим другие члены братства – апостолы, жены-мироносицы и другие жили вместе и вокруг своего Учителя. Так началась первая община, так создавалось то качество христианского сообщества, которое именуется Соборность.

Автор «Деяний Святых апостолов» писал, что у первых христиан была одна душа и одно сердце.

Соборность, как дух конкретного сообщества – Поместной Церкви, епархии, монастыря, прихода – нравственно-психологически задается в том числе через правильное духовное устройство личности либо предстоятеля Церкви, либо архиерея, либо настоятеля. Иерарх обязан сочетать внутреннюю строгость и организованность с жертвенностью, кротостью и смирением. Далее, он должен оборонять приход от разрушительной стихии мира, с одной стороны. С другой – он должен быть человеком, адаптированным в мире, посредником между миром и приходом или епархией. Все эти сочетания – вещи почти невозможные. И в этом и есть смысл крестоношения предстоятеля, игумена, настоятеля. Он всегда будет чувствовать себя несостоятельным и нерадивым иерархом или священником. Поэтому он должен иметь дар внутреннего плача за свои грехи.

Приведем по этому поводу весьма показательную цитату А. Ф. Лосева: «Большой интерес представляет примирительный синтез индивидуализма и социализма ... Необходимо, чтобы индивидуум, чем больше он углубляет свою индивидуальность и чем больше в этом случае превосходит прочих людей и отделяется от них, тем более содействовал бы обществу, общему делу, всем. Такой синтез есть религия, и именно религия в смысле церкви. Только в религии возможно такое положение,

что отдельный человек, углубляясь в себя до последнего напряжения и иной раз даже прямо уходя из мира в отшельничество, этим самым не только содействует собственному спасению, но спасает и других»²¹.

Русский философ Алексей Степанович Хомяков говорит: «Соборность – это свободное единство основ церкви в деле совместного понимания ими правды и совместного отыскания ими пути ко спасению, единство, основанное на единоклюшной любви к Христу и божественной праведности. Христианство есть не что иное, как Свобода во Христе... В делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть»²². Вместе с тем мы видим в Церкви и организованность и дисциплину. Свобода не есть анархия. Слушаются настоятеля, игумена, Патриарха и слушаются добровольно. Это еще связано и с тем, что Церковь может быть непобедима толь ко в своем единстве, братстве. А враги у Церкви были и будут всегда.

Когда мы говорим о соборности, то мы имеем в виду всю полноту единства Церкви. Но прихожане каждой церкви всегда знают и чувствуют, бытует ли у них дух соборности: дух жертвенности, любви, послушания, единения и особого молитвенного настроения. И если такового нет, то значит приход болен. Огромную роль имеет здесь лицо священника. Ибо «какой поп, такой и приход». Это воистину так.

Конкретным выражением соборного духа является братство.

Соборность «снимает» противопоставление «коллектив – я». Церковный приход, где есть любовь Христова – это семья, где всем хорошо. А если придут испытания, соблазны, искушения, будем переживать их, и опять вместе.

Требования к организации современного православного братства в малом российском городе

Церковное братство – это община верующих во Христа людей, объединенных общей жизнью на конкретной исторической земле вокруг православного Храма.

Не всякий церковный приход являет собой братство. Каждый настоятель знает – есть ли у него братство или нет. Причин отсутствия такого сообщества может быть много: это и плохие организаторские способности настоятеля, это и его же неблагочестие, равнодушие и т.д.

Организация братства требует идеи. Идея должна отвечать на вопрос – зачем этим людям на этой земле сегодня надо жить вместе во Христе.

Идея – это облагодатствованный в Боге «детский» (очищенный) порыв одного или нескольких верующих во Христа людей. Идея – есть

деятельностное выражение духовного опыта. Это есть квинтэссенция личного духа. Идея обязательно включает:

историю и сегодняшнее состояние той земли, на которой живет или будет жить братство (требование региональности);

духовную цель, которая соответствует религиозной мистике этой земли. Духовная цель обращена, спроецирована в вечность (скажем для Тверского края это идея Преображения);

живое церковное предание как всей полноты Церкви, так и предания в его узко-региональном смысле. (предание Тверского края и, скажем, конкретно Корчевского уезда.)

Современное церковное братство может быть по преимуществу детско-взрослой общностью. И взрослым и детям жить в братстве должно быть весело, интересно и радостно.

В своей внебогослужебной жизни братство может заниматься самыми разными делами, разными занятиями, разным трудом. По всей видимости братство не должно противопоставляться городским или сельским социальным структурам.

Идея братства не должна быть реставрационной, т. е. пытающейся воссоздать некую прошлую, якобы идиллическую церковную ситуацию. Но эта идея не должна быть сугубо прагматичной и клубной, т. е. отрицающей церковное предание и реальный исторический контекст.

Последние 70 лет советской власти должны быть осмыслены как совсем непотерянные, как наши. Они должны быть самым реальным образом включены и осмыслены и в историческом и в дидактическом смыслах. Под последним мы имеем в виду так называемую советскую педагогику, которая должна быть изучена, переосмыслена и вовлечена, в частности, в своих методических разработках. Все существующие формы внеклассной работы – клубная, кружковая и секционная – должны быть продолжены и освоены в церковном братстве как имеющие право на жизнь. В этом смысле ничего как бы вообще менять не надо. Надо лишь вдохнуть жизнь в этот омертвелый безблагодный скелет.

Для взрослых – литургическая жизнь должна быть центром их общинной жизни. Для детей – литургическая жизнь – это радостное дополнение к интересной игровой и предметной деятельности в братстве.

Ребенок лишь спустя много лет способен оценить и понять смысл и глубину вхождения в литургическую жизнь Церкви.

Дети, для которых литургическая жизнь есть как бы главное, являются исключением.

Библейская детская группа не может быть единицей братства. Такой

единицей может быть: спортивная секция, хоровой коллектив, художественная студия и т. п.

Личный путь к Богу

Но существует и личный путь человека к Богу. Когда мы читаем Жития святых, то видим их общую любовь к Богу, но мы видим и насколько они разные и разными путями идут к Богу.

Личный путь любого человека уникален. Но есть разные варианты формулировок нравственного совершенствования. Проекция же цели всегда обращена в вечность. Господь говорит в Евангелии: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу ([Мф. 22, 21](#)). А что есть Богово? Это душа человека, которую мы должны вернуть Богу в своей нетленной чистоте. У каждого человека есть идеальный образ себя – это образ, даже нередко реальное видение себя святым. Мы видим, различаем в себе святыню души. Вот именно с ней надо придти к Богу.

Итак, цель жизни Христианина есть обожение.

Но другая деятельностная формулировка той же цели принадлежит преподобному Серафиму Саровскому. Он говорит о том, что такой целью является стяжание благодати Духа Святого. Таим образом, вопрос заключается не только и не столько в том, кто сколько молился и кто сколько сделал поклонов, хотя и это, безусловно, небезразлично. А в том – каково сейчас твое внутреннее состояние. Что в душе твоей? – мир, радость, покой, безгневие, милость или, напротив, – вражда, отчаянье, смятение, злоба, стяжательство, уныние или зависть.

Господь издревле устроил на земле Свой Дом и назвал его через своих присных – столп и утверждение истины. Именно этот Дом и является Школой жизни, местом плача и радости, местом возрождения и самопознания.

О. Мандельштам прекрасно знал это и чувствовал. Он писал: И мудрое сферическое зданье Народы и века переживет.

И сегодня в новейшей исторической перспективе Церковь вновь должна найти Слово, которое полюбится нашим людям. И тогда они откроют в себе великое страдание богоставленности последних лет. Надо молиться, чтобы это Слово открылось пастырям церковным. И данная – скромная попытка приблизиться к реальному, конкретному овладению этим Словом. Осип Мандельштам зовет нас к этому и говорит:

Народу нужен стих таинственно-родной, Чтоб от него он вечно просыпался.

Тайна личности

Когда мы читаем житие святителя Николая или прославленных

святых, то обнаруживаем, что почти на каждом из них с самого детства лежала печать чего-то совершенно особенного, того, о чем в Евангелии говорится «не от мира сего».

Но попробуйте припомнить себя в юношестве, да и гораздо позже и увидите, что одним из самых ярких чувств было ощущение – не такой, как все. Далекое не всегда это чувство было приятным – напротив. Нередко мы казались себе какими-то ненормальными, а все вокруг обычные и как бы средние. И это переживание доводило порой до иступления!

А некоторым людям совсем нелегко. У них уже с детства особо выражено чувство совестливости и чистоты, им бывает одиноко и хочется войти, слиться с ребячьей средой. Но в том-то и беда, что пропуском в подростковую группу нередко служит какая-нибудь гадость – надо вместе покурить, кого-нибудь побить, нецензурно ругнуться, нашкодничать, одним словом, сделать что-либо подобное – тогда ты «свой».

Такие же законы действуют и во взрослом мире. И вот эти люди с больной совестью жалуются, что они не могут перешагнуть через себя и часто даже страдают от того, что не наглые («наглость – это второе счастье»), слишком уж честные («а все вокруг хапают»). Подумать только, в какую бездну греха мы пали: хорошим, положительным нынче быть невыгодно и немодно...

Однако чувство «я не такой, как все» – верное, настоящее и его ни в коем случае не надо стыдиться. Сколько людей прошли за многие тысячелетия жизни человечества по лицу земли и не было ни одного похожего. Но вместе с тем, все мы очень и очень похожи. У нас настолько много общего, что нередко приходят в голову те же мысли, что и нашим знакомым и друзьям, и даже в одно и то же время. Преподобный [Амвросий Оптинский](#) любил говорить: «Все мы лапти с одной ноги». И мы все, люди, живущие в России, составляем народ. Вот это и есть великая тайна: все мы удивительным образом не похожи друг на друга и в то же время все мы – одно целое. И у каждого из нас есть святыня в душе – это чистота, совестливость, благодать.

Трудно тем, кто не имея веры в Бога, страдает от одиночества и часто впадает в состояние неуверенности («а может быть, и действительно так уж и надо лгать, лукавить?») и уныния. Такой человек бывает несчастен, потерян и одинок.

Но есть место, и это доказано тысячелетиями, где можно и нужно не лукавить, где в почете порядочность и благочестие, где прославляется святость – это Церковь Божия, это Церковь Христова. Зная это, враги Церкви во все времена пытались найти недостаток в самой Церкви и

опорочить того или иного святого, и саму идею святости. В Церкви есть недостатки, а святые в отдельные периоды своей жизни допускали и проступки и даже грешили. Абсолютно свят один Господь. Но разве в этом дело!

В Церкви Божией есть главный и неколебимый идеал – Иисус Христос. Церкви присуще стремление к исправлению жизни через покаяние. Из жизни святых мы видим, что чем ближе они к Богу, тем неповторимее их личность. И напротив, если люди из года в год духовно нищают, то все больше и больше стирается их неповторимость, они становятся неотличимыми друг от друга, безликими.

Одна из главных тайн бытия, тайна личности заключается в том, что чем ближе человек к Богу, тем он с каждым днем, месяцем и годом обретает себя, возвращается к себе, становится самим собой. Но мы, россияне, долго ли еще будем скопищем озлобленных, обездоленных, душевно израненных людей?!

Видимо, до тех пор, не откроем Бога в своей душе, пока Церковь вновь для нас не станет родной Матерью. Именно покаяние и простая, твердая и чистая вера вернут прежнее достоинство и былое величие российскому народу. А народ в своем духовном пределе – это сообщество свободно, духовно развитых людей, которые любят друг друга. Аминь.

Плач земли

Как расплечется и разжалится

Мать сыра земля перед Господом:

«Тяжело мне, Господи, под людьми стоять,

Тяжелей того людей держать,

Людей грешных, беззаконных,

Кои творят грехи тяжкие:

Досады чинят отцу, матери,

Убийства и татьбу деют страшныя...»

Отвечает земле Иисус Христос:

«О, мати, ты мати сыра земля,

Всех ты тварей хуже осужденная,

Делами человеческими оскверненная».

Голубиная книга

Мистика земли. Благовест

Идея этого раздела зародилась после спора с представителями общества Рериха. Идее безосновного псевдодуховного синкретизма (интернационализма) должна быть противопоставлена духовная, православная идея нашего единства. Это идея соборности. Нас слишком долго, но все же безрезультатно пытались лишить своего духовного лица. Мы абсолютно отождествляемся с мудростью мужичка из повести А. Платонова «Впрок»: «Этот житель старой глухой земли не признавал, наверно, научного социализма, он бы охотно положил пятак в кружку сборщика на построение храма и вместо радио всю жизнь слушал бы благовест. Он верил, судя по покойному счастью на его лице, что древние вещества мира уничтожат революцию, поэтому он глядел не только на новостроящуюся республику, но также на овраги, на могучие обнажения глины, на встречных нищих, на растущие деревья, на ветер на небе – на весь мертвый порожняк природы, потому что этого дела слишком много и оно, дескать, не может быть истреблено революцией, как она ни старается. Ветхое лежачее вещество все равно, мол, задавит советский едкий поток своим навалом и прахом. Имея такое духовное предвидение, тамбовский человек скушал еще немного кое-чего и от внутренней покойной расположенности чувств вздохнул, как будущий праведник».

Благовест

Колокольный звон с древних пор призывает людей к молитве. И как в жизни христианина есть разные поводы к молитве, так и звон колокола возвещает то о великом празднике, то скорбит вместе с нами об усопшем родственнике, то благовестит об уходящем дне.

Но кроме этого, в колокольном звоне есть нечто гораздо большее, чем только призыв к богослужению. И звон колокола – это не только одна внешняя красивость, то «русское», что опять сейчас вошло в моду в кругах эстетствующей интеллигенции.

Недаром при звуке колокола как бы замрет душа, нахлынут воспоминания крестного пути нашей Родины.

Но и в жизни каждого из нас колокол отзывается чем-то особым и таинственным. И вовсе не случайно гонители Церкви Божией, в том числе и последних десятилетий, оскверняя Святыню храма, в первую очередь срывали Крест – главный символ нашей духовности и сбрасывали колокол – как образ совести – что не дает душе погрузиться в собственную тьму,

самоуспокоиться, а там и вовсе умереть для жизни в Духе.

В середине прошлого века Священный Синод Русской Православной Церкви выпустил указ, чтобы в каждой местности в дни непогоды – вьюг, метелей и туманов – должно звонить в колокол. И его звон направит заблудившегося путника по верному пути и выведет к теплу, к дому. И сегодня действует этот указ. И сегодня у нас множество и интеллигентных и простых людей блуждают в тумане собственных иллюзий. И их крутит вьюга собственных страстей и пороков. Одни безнадежно махнули на жизнь рукой, не веря, что на земле есть путь, ведущий к истине, любви и благодати. И живут по привычке: «Надо – куда денешься!». Другие растерянно мечутся по жизни, веря и одновременно не веря всему и ничему, поклоняясь любому идолу, которого на миг превознесет толпа, и пробуя на зубок все подряд – вдруг поможет.

Третьи хитрят сами перед собой. И как бы говорят: «Я вполне порядочный и честный и нормальный человек. Я живу обычной жизнью – и чего мне еще не достает?!» И так человек притворяется глухим к голосу собственной совести и как бы забывает, сколько в душе скопилось злого, унылого и безблагодатного. И не хочет помнить о том, что уже очень давно ему плохо. Он как бы забывает в буквальном смысле слова, какого адского труда и сил стоит ему казаться человеком, у которого «все в порядке».

Звонит церковный колокол. И каждый его удар отмеряет время нашей скоротечной, суетливой, а нередко и бестолковой жизни.

Удар – прошла секунда, час, год, жизнь...

И как хотелось бы многим людям пробудиться от этого кошмара – также как просыпается человек, видевший страшный сон, хотя и в испарине, но радуясь, что это лишь сон, а жизнь начнется только теперь.

Звонит церковный колокол – голос правды, голос любви – той любви, Христовой любви, которая согревает, покоит и живит.

Уже во 2-й главе книги «Бытия» Господь связывает неразрывными узами землю и человека. Там говорится: И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его Дыхание жизни, и стал человек душою живою ([Быт.2.7](#)). Земля, которая служила материалом творения человека, – была земля Эдема, не знавшая убийств, крови, лжи – греха вообще. Это была святая земля в подлинном, а не образном значении этих слов, земля, освященная присутствием Божиим. По подобию здесь уместно вспомнить явление Бога Моисею у подножия горы Хорив. Там Господь сказал Моисею: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая ([Исх.3.5](#)).

Но уже после грехопадения прародителей мера святости земли, ее освященности прямо определяется уровнем нравственности народа, населяющего ту или иную землю.

Вторым важнейшим для нас историческим моментом жизнеустройства человека на земле является история со строительством Вавилонской башни. Глава 11-я книги Бытия начинается словами: На всей земле был один язык и одно наречие.

Библия повествует нам далее: И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли ([Быт. 11.4](#)).

Все экзегеты Церкви единодушно толкуют это место как вызов Богу, как богоборчество. И тогда Господь сказал, что эти люди не отстанут от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле ([Быт. 11,6–8](#)).

Иоанн Златоуст пишет, что величайший дар божественной любви, единый язык был употреблен людьми во зло.

Но и в этом наказании просматривается Божия милость, которая оберегает от будущих падений и дает драгоценный колорит уникальности каждого из народов.

«Каждый народ имеет свой инстинкт, данный ему от природы (а значит от Бога и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих). У каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Так, каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает, по-своему женится, трудится, хозяйствует и отдыхает: по-своему горюет, плачет и отчаивается; по-своему улыбается, смеется и радуется... По-своему поет и творит музыку... По-своему строит дома и Храмы; по-своему молится и геройствует... У каждого народа иной и особый душевный уклад и духовно-творческий акт... Так нам всем дано от Бога... И это прекрасно – и никогда не было осуждено в Писании. Различны травы и цветы в поле. Различны деревья, воды и облака... И каждому народу подобает и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. Мысль – погасить это многообразие хвалений, свести все к единообразному штампу, к «униформе»... – могла зародиться только в больной душе... Христианство подарило миру идею личной бессмертной души, индивидуальной по своему дару», – пишет русский философ И. А. Ильин.

И поэтому важнейшим мистическим понятием в этом контексте является понятие – лицо земли. Земля в своих объемных формах

представляет зрителю все то, что тот или иной народ наследовал и сам сотворил на своей земле. Земля отображает также и то, как Сам Бог запечатлел Себя в этой земле. Понятие историческая земля осмысленно по отношению к той земле, где прославляется Единый Бог. Наша, русская земля издавна прославляет Единого Бога в Троице славимого. И главной видимой печатью Бога на земле является Церковь, Храм. Храм – главная святыня земли. Народ, оставивший Бога, не может строить Храмы, не может их и сохранить. Свод Храма – это образ единства и соборности народа – этой земли. Храм не есть вообще народное достояние в его узконациональном значении. Храм – это достояние Самого Бога и народа Божия этой земли. Храм имеет абсолютное соответствие с особенностями топики и архитектоники той земли, на которой он стоит.

Обрядовые формы православного богослужения – это кристаллизация духовного опыта русского народа. Это зафиксированные в литургическом действии духовные чаяния, мысли и чувства народные. Внешние формы богослужения, церковные песнопения православного прихода в той или иной местности России имеют свой особый колорит, свое лицо. Однако при этом сохраняется общий для всего Православия литургический строй.

Духовное и фактическое состояние Храма торжественно и абсолютно равно экологии и богатству земли. Если больна Церковь – болеет и земля, и наоборот. Болезнь земли приходит всегда через грех.

Существует динамика архитектурных форм храма, но и она имеет свое ядро и органику и соответствует духовному строю народа в разные исторические моменты. Храм – это плод взаимного движения Бога к человеку и человека к Богу.

Во всякой земле есть свои главные духовные эпицентры. Для дорогого отечества нашего, если следовать отцу Павлу Флоренскому, этих святынь две: Троице-Сергиева Лавра и Кремль. Я бы назвал еще Храм Христа Спасителя.

И действительно, как важно для всех нас по временам знать – что происходит в Кремле!

В каждой освященной Богом земле есть свой Собор Святых, которые предстательствуют перед Богом за всю землю. Они постоянно и при жизни на самой земле и после преставления ко Господу являют собой молитвенную жертву за народ. И у нас недаром второе воскресенье после Пятидесятницы посвящено молитвенному обращению Церкви «ко всем святым в земле российской просиявшим».

В каждом городе и веси есть также свои духовные отцы или мать – святые этой земли. Скажем, для милой мне Тверской стороны – это

благочестивый князь и мученик Михаил Тверской и супруга его – благочестивая княгиня и инокиня Анна Кашинская.

У каждой земли есть своя любимая духовная идея, свой град Китеж. Духовная идея – это одновременно и проекция в горний мир, и низведение горнего в дольнее, Небесного в земное. Умные люди всегда знали и знают, что такая идея никогда не может реализоваться вполне. Для ее реализации есть три помехи, три врага: сам человек с его грехом, диавол и мир, который не живет по законам Храма. Но и вместе с тем эта идея всегда желанна, это плоды духовного общения человека с горним миром в его живом молитвенном опыте.

Следуя версии Московских летописей, Тверской идеей является идея преображенного в Боге мира. Поэтому центральным, любимейшим и главным храмом Твери и Тверской земли многие столетия (вплоть до времени его разрушения большевиками) являлся Преображенский кафедральный собор.

Это не значит, что идея Преображения чужда любой другой православной земле. Но в Твери она особенно любима и по-своему осознана.

Есть люди, которые видят, знают, чувствуют святость и тайну своей земли. И эти люди свои на этой земле. Эти люди, их души, плоть как бы взяты от этой земли, от персти, скажем русской, французской, китайской или еще какой-то земли. И тогда человек говорит: «это моя земля». А в Боге ожившая органика земли как бы отвечает человеку: «Ты мой сын или ты моя дочь». И соответственно есть люди, независимо от национальности и вообще каких-то «данных», чужие на этой земле. Эти люди вообще внеисторичны, хотя они могут и «знать» историю своей земли. Тем не менее они существуют во временном и историческом пространстве как существа функциональные. Жизнь, бытие личности в ее исторической перспективе – это всегда незавершенный, сокровенный диалог с совокупной, всей историей своей стороны.

Духовный вождь русского народа

Много на Руси прославлено Святых людей, но есть среди них люди, святость которых является совершенно особой. Она выражает саму душу народа. Они, эти люди, являют корень, основу народной святости. Они были, есть и будут всегда подлинными отцами народа. Таков был преподобный Сергей Радонежский.

3 мая 1319 года в семье ростовского боярина Кирилла родился сын. Отец и мать младенца – Кирилл и Мария, назвали его Варфоломеем, что в переводе означает «сын радости».

Еще будучи во чреве матери младенец трижды подал голос в церкви во время Божественной литургии и этим открыл, что в будущем он будет ревностным служителем Святой Троицы. Отрок рос кротким и сосредоточенным, удивляя и радуя родителей. Однако учеба плохо давалась ему. Однажды Варфоломей встретил незнакомого ему старца и просил его помолиться о нем. Старец дал ему просфору «в знамение благодати Божией и разумения книжного». После встречи со старцем учеба стала даваться легко. Мальчик любил богослужения, чтение духовных книг. По всему было видно, что он изберет себе монашество. И, действительно, будучи совсем еще юным, он стал просить мать и отца отпустить его в монастырь. Но родители, жалея юность Варфоломея и скорбя о разлуке, не благословили его при их жизни покидать их. И повинувшись по заповеди родительской воле, преподобный оставался в отчем доме до 21 – летнего возраста, до времени кончины обоих родителей. Похоронив в Хотькове отца и мать, юноша вместе со старшим братом Стефаном отправился в лес, в десяти верстах от Хотькова, именуемую Маковцем. Там они срубили небольшую келью и [церковь](#). Церковь по желанию преподобного была освящена в честь Живоначальной Троицы. Стефан вскоре покинул своего брата, не выдержав трудностей жизни в глуши. Вскоре Варфоломей принял иноческий постриг с именем Сергий.

Однажды Сергий увидел вдали множество прекрасных птиц и услышал голос: «Так умножится стадо учеников твоих, и после тебя не оскудеют они».

Подвиг, скудная пища, чистая богоугодная жизнь, привлекли к Сергию многих людей. Постепенно стало образовываться небольшое братство, а вскоре возник и монастырь. Монахи просили Сергия стать игуменом, но тот смиренно отказывался, и только прямое благословение епископа заставило его принять сан священника и возглавить монашеское братство.

В обители не было источника воды, приходилось ходить далеко. Братия стали роптать. И преподобный спустился в небольшой овраг, набрал там немножко дождевой воды, помолился, осенил это место крестным знаменем и тут же, на глазах у изумленного инока, бывшего рядом с преподобным, хлынула чистейшая ключевая вода. И до сих пор люди со всех концов земли приезжают в Лавру, заходят в часовню и пьют из Сергиева источника.

Вся Русь знала святого как величайшего чудотворца. По его молитвам исцелялись люди, он воскресил умершего отрока, предсказывал грядущие события.

Духовными детьми преподобного Сергия были не только простые люди, но и великие князья. Только после благословения преподобного Сергия, его духовный сын, благоверный князь Дмитрий Донской, отправился со своим войском на Мамай и победил его на поле Куликовом в 1380 году.

Вид старца всегда был нищ и крайне прост. Приезжавшие во обитель не верили, когда видели святого, что этот монах в старом подряснике и в лаптях и есть великой Сергий.

Учениками преподобного Сергия еще при его жизни были устроены десятки монастырей. От преподобного Сергия тянется ветвь русской школы иконописи и особых лаврских распевов. Образ Святой Троицы – образ духовного единства, любви и благоговения – лег в основу иконы ученика преподобного Сергия, инока преподобного Андрея Рублева. И именно этого единства так не достает сейчас всем нам.

Величайшим утешением для преподобного было явление ему перед кончиной Пресвятой девы Богородицы. Она предстала ему вместе со святыми апостолами Петром и Иоанном. Мать Божия, укрепляя преподобного Сергия, произнесла пророческие слова: «Не бойся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя, услышана молитва твоя об учениках своих и об обители твоей. Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его...»

За полгода до кончины преподобный Сергий сложил с себя заботы по управлению монастырем, передав бразды правления своему ученику, преподобному Никону. 25 сентября 1392 года, приобщившись святым Христовых тайн, он мирно отошел ко Господу. А 5 июля 1422 года преподобный Никон извлек из земли нетленные останки, мощи преподобного и положил их в особо устроенной раке в Троицком Соборе.

И до сих пор миллионы людей приходят и приезжают в Лавру преподобного Сергия, что под Москвой, в городке Сергиев Посад, поклониться игумену Русской земли.

Мы уже привыкли чествовать знаменитых ученых, спортсменов, актеров, людей труда. Но есть люди, слава которых – особая. Это святые, угодники Божии. Долгое время атеистическая пропаганда пыталась опорочить и саму природу святости и самих святых Божиих – поглумиться, найти изъяны в их жизни. Это необходимо было по двум причинам.

Во-первых, нужно было подставить на место русских и вселенских святых своих кумиров и идолов (в основном политических и других). Но кроме этого нужно было увести человека от его внутренней, духовной

жизни в жизнь внешнюю, как принято говорить, «общественную». Но как оказалось, сама общественная жизнь не может сложиться нормально, если люди теряют идеалы – если исчезают из народной памяти те, кто были духовными светочами, маяками, примером для подражания – в таком случае большинство перестает обращать внимание на свою душу, оставляет духовный подвиг молитвы и веры.

Но когда мы, люди Церкви Божией, воздаем поклонение и молимся нашим святым – мы вовсе не делаем из них кумиров, мы прославляем именно угодников Божиих. Нам дорого, что вот жил такой же, по всему судя, как мы, человек и ему было также трудно на своем месте удержаться в доброте и любви, но тем не менее он выстоял, привлек к Богу (не к себе) немало людей и свою душу украсил многими добродетелями. Но в то же время святость не только не умаляет самобытности и уникальности личности человека, а напротив, усиливает ее. В этом тайна святости в Боге.

Много уже веков обыватель кричит: «Нет! Нет! Уже исчезли святые, это раньше было, в древности...» Так кричали тысячу лет назад, так кричат и в последние времена. Это им надо доказать для того, чтобы снять ответственность за собственную душу.

Прошло время и разночинная, безбожная интеллигенция вновь завопила на все лады об умирающей Церкви. Но открылась и прославилась сразу целым сонмом святых отцов Оптиной пустынь. И хлынули к святым старцам люди русские. Вокруг монастыря образовалось целое философское направление, начались переводы святых отцов древности, исцелялись люди, десятки тысяч потерявших всякую веру, обретали смысл жизни в Боге укреплялись уже развалившиеся семьи и опять прошло время, и атеисты всех мастей завопили: «Нет! Все попы пьяницы и обирают народ!...»

Но и опять открылись теперь миру сотни монахов, священников, просто верующих людей, в годы советской власти убитых и замученных в лагерях. Аминь.

Есть сакрализованная внешняя (в том числе и обрядовая) форма сопряжения с землей. Это поклон. Всякий человек является поклонником. Сугубое поклонение именуется земным поклоном. Земля мистериально являет собой образ полного смирения перед Богом. Она как бы предлагает Богу. И земной поклон – это образ отождествления с землей, смирение до земли. Можно поклониться Самому Богу, можно поклониться человеку, и это может быть почитание святого человека – но почитание его в Боге, а не его самого по себе. Почитание его как «угодника Божия». Можно почитать

человека в иерархии социального служения, которую благословил Бог. И все это благословенное и правое поклонение.

Главная добродетель, дающая и Духа Божия, и мудрость – это смирение. Главный же порок души – гордыня. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, – говорит апостол (Иак,4.6). Смирение – это как бы произвольное принижение себя к земле, дабы Сам Господь дал мудрость и именно через смирение и мудрость лежит путь к познанию как своей, так и другой земли. Другую землю и вообще «всю землю» можно увидеть и понять, говоря образно, только «с горы». И именно смиренных возвышает Господь ([Пс. 146,6](#)). Это и дает возможность православному аскетическому сознанию объединить два понятия – смирение и мудрость в одно – смиренномудрие. И это есть высшая добродетель христианина. И другая составляющая, которая дает возможность приступить к познанию «всего мира», «всей» земли – это жертвенная любовь к мировому, совокупному человеческому страданию. Старца Силуана упрекали в том, что он не читает газет и не знает «текущей информации» о событиях в мире. Он ответил, что и без газет ясно, что люди во всем мире много страдают и их очень жалко. Современный индийский поэт Гурчарин Сингх Рампури пишет: «Мир – это океан вздохов и болезней».

Но есть большое искушение встать в рациональновнешнюю позицию по отношению ко всякой мистической, в том числе и к своей, религиозной системе. Раз во всех религиях есть нечто общее, единые мистические универсалии, тогда должно быть и изначальное духовное знание, которое едино для всех земель и верований.

Но именно этот роковой шаг и лишает человека его подосновы, того ключевого звена, которое и делает человека подлинно духовным, а именно – мистической связи почвы и тела. При этом речь идет, конечно же, вовсе не о том, где географически жить человеку, хотя и место проживания совершенно не случайно. При этом пусковым моментом стремления к изначальному синтетическому знанию является рассуждение о том, что-де помимо открытого всем верующим в Бога духовного знания в рамках каждой из религиозных систем существует еще некое тайное знание, которое недоступно верующим-простецам, но лишь избранным. И это тайное знание якобы внеконфессионально, но при этом все же духовно.

Это и есть очень популярная ныне духовная алхимия XX века. Таким образом конструкция Вавилонской башни – этого многотысячелетнего вселенского долгостроя продолжается. В этом и есть путь богоборчества, путь, который пытается соединить несоединимое.

Человек не может заниматься синтезированием «всех религий» ибо

он не может опытно знать не только «всех», но даже двух религиозных установок. Читать Евангелие – не значит быть христианином. Иметь представление о личности Будды – не значит быть буддистом. Человек духовный может находиться только в рамках какой-то одной системы религиозных ценностей. Кроме того сектанты-синтезаторы пытаются молиться Богу, не называя Его имени. Эта ловкость понятна, ибо назвав имя бога, ты сразу становишься конфессиональным, а не называя, ты вроде над – вне конфессионален. Но это иллюзия. В духовном пространстве есть единственное существо, которое постоянно прячется, мигрирует, подставляет вместо себя людей, события, пытаясь быть неузнанным, непоименованным – это диавол, сатана. Он есть и лжец и обманщик.

Синкретические секты – это вариант большевицкого интернационализма, только в духовной сфере. Но и в православном богословии и в русской философской мысли есть другое слово, другое понятие, которое точно указывает на важнейшее интегрирующее начало российского единства. Это соборность.

Но Бог, скажут нам, не есть Бог разделения, а есть Бог любви и соединения всего со всем. Но вот именно поэтому мы и показали путь к вершине этого воссоединения, который лепт через освоение мистики своей земли. Причем освоение этой мистики не есть дело теорий, а путь реального духовного делания, путь молитвы и подвига. В полноте же тайна изначальности и воссоединения всего подлинного и духовного в Боге откроется в будущей жизни.

Идея религиозного синтеза – это идея мнимой духовности. Не зная опытно и глубоко ни одной мистической культуры, мы обречены на хроническое дилетантство, пустые обобщения и демонические суррогаты.

Важным в этом же контексте является вопрос наследования земли – кто собственно наследует землю, и в частности нашу русскую землю. Кто собственно подлинный хозяин земли? На это прямо и просто отвечает Господь в заповедях блаженства: Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю ([Мф.5.5](#)). Святитель Иоанн Златоуст указывает, что не надо понимать это место только в смысле наследования какой-то духовной земли и пр. По блаженному же Августину «кроткие суть те, которые уступают бесстыдным делам и не противятся злу, но побеждают зло добром». Подлинное наследие нашей земли в своей полноте осуществляется в рамках истории христианской святости и истории христианской праведности и благочестия. Хозяевами русской земли, в историческом и духовном смыслах, являются русские святые, праведники, защитники, строители и труженики. И это очевидно. Ибо любое дело,

совершенное на земле, только тогда будет иметь продолжение, только тогда укоренится, если оно благословлено Богом.

В новозаветном сознании мистика земли отображена двойко: в таинстве Боговоплощения и таинстве святой евхаристии, т.е. литургии. Одной из важнейших задач домостроительства Церкви Христовой является возвращение человека уже при его земной жизни в Эдем, в Царствие Божие, на ту Святую Землю, которую некогда оставил падший Адам. Нужен был Человек такой же по плоти, как Адам, как любой из людей, но без греха – Сын Человеческий. Сын Земли, но и Сын Божий.

В таинстве приобщения Тела и Крови Христовых христианин приобретает опыт Неба, опыт иной Земли. И сама душа его становится плодородной почвой, где семя Жизни дает быстрые всходы. Плоды опыта Неба, Эдема – это и есть плоды Духа Святого. А они известны и перечислены апостолом Павлом. Он пишет: Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание. ([Гал.5.22–23](#)).

Теперь необходимо коснуться некоторых феноменологических моментов жизни человека в теле (да простят мне читатели такое вроде бы странное уточнение). Начнем вообще с психологии мотивации перемещения человека на земле. Здесь есть варианты различного рода. В Православии есть две противоположные традиции в этом смысле. Причем они никогда не противопоставлялись друг другу идеологически. Так же, как не противопоставляются у нас в Православии монашество и брачная жизнь во Христе. Есть традиция, как выражался преподобный Серафим, –

«сидения на одном месте», т.е. преимущественного обращения в себя и веры, что уже здесь на этом месте Господь даст все: умудрит, просветит, духовно возвысит и пр. Впрочем, сам же преподобный благословлял и паломничество. И это есть вторая традиция. Паломничество – это хождение по лицу земли, чтобы встретиться с Богом в его разных проявлениях или отображениях. Это может быть паломничество по святым местам или к святым мощам того или иного угодника Божия, это, скажем, и поездка на престольный праздник, или в храм нашего детства.

Вторым типом мотивации является попытка выйти из тела, прорвать мистическую связь со своей родовой, родной землей. За этим стоит романтическая мечта, что якобы новая земля даст новое тело и обновит душу.

Такое стремление характеризуется задачей (осознаваемой и неосознаваемой – безразлично) растормозить, дестабилизировать структуры «я» через «массу впечатлений», «забыться», «окунуться в иной

мир», «начать другую жизнь», «зачеркнуть прошлое», «начать сначала».

Предельной же формой произвольного (дерзостного) выхода из тела является самоубийство. И если самоубийство не совершается человеком в помраченном сознании, а совершается людьми, у которых присутствует произвольность и известная мера осознанности того, что они собираются делать, то при этом, как правило, им дается самим сатаной ложное знание, что-де есть состояние небытия, есть вожденное Ничто, есть «черная дыра». И это знание дается им всегда на высоте отчаяния. Все это осознается будущим самоубийцей как тяжесть одновременно и души и тела, как тяжесть всего «я». А точнее души в «этом» теле. При этом тело осознается уже как нечто случайное, чужое, а освобождение от тела – как получение свободы, пускай и в негативном ее залоге, но свободы в небытии.

Чаяние – со славянского – это надежда, в данном случае надежда на Бога, упование на милость Божию, на Его любовь, а отчаяние – это полная потеря этого упования. Но в том-то и дело, что родившись без своей собственной воли в вечность, душа уже никуда не может исчезнуть, или пропасть вовсе. Она будет или вечно радоваться о Боге Творце, о Его благодати, или вечно разворачивать свое земное мучение, вечно проклинать себя и отчаиваться.

В связи с этим личностный предикат к понятию развития всегда является синонимом либо возрождения, либо вырождения (деградации).

Понятие возрождения включает в себя три компонента: 1) понимание и освоение новых смыслов и духовных пространств, 2) углубление личного покаяния в Боге (в отличие от простого раскаяния или угрызений совести), 3) исправление своей жизни, стремление к личному благочестию.

Безбожная интеллигенция всегда непродуктивна, по сути, именно потому, что имея богатство смыслов, остается совершенно чужда личного покаяния и благочестия.

Частое употребление имени Божьего также ничего не значит. Для многих – это лишь образ, высокая метафора. Именно таким апостол Иаков говорит: как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва ([Иак.2,26](#)).

Мистическая подоснова и чувство того, что я не случаен здесь на земле, что «я», хотя и недостаточен, хотя и греховен, но любим Богом, также духовный опыт того, что «я есть сущность», – все это формулируется в одном слове – благословение. Бог произнес о нас благое, доброе Слово и это Слово имеет творческую силу. И важным является то, что это Слово, эта воля Божия о нас не относительна – «могло бы быть и по-другому», «если бы не... то я бы не родился таим» и пр. Это могло быть

так и только так.

Но благословение имеет взаимный характер. Бог благословляет человека – и это неизменно и всегда. Он благословляет нас – на жизнь от вполне конкретных родителей, на определенной земле, и Он благословляет нас на заключение брака, на рождение детей. Он благословляет и на последний день на земле. Но и мы должны благословить Бога. Хотя может казаться: кто я такой, чтобы благословлять Бога. Но это неверно.

Во Второзаконии говорится Богом: Благословен ты в городе и благословен на поле... Благословен ты при входе твоём и благословен ты при выходе твоём... Благословит тебя на земле, которую Господь Бог твой дает тебе (Вт. 28.3–8). Но необходимо и обратное благословение – от человека. Каждую Божественную литургию Церковь поет псалом, который начинается словами: Благослови душа моя, Господа... Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его (Пс.102.1).

Одной из клинических форм, где человек мистически, установочно не принимает благословения от Бога, что он таков, что «я – есть я» – такой формой психопатологии в отношении эстетики тела являются так называемые дисморфофобические расстройства. М.В.Коркина выделила триаду дисморфофобии: сверхценная идея мнимого физического недостатка, идеи отношения («все видят мой ужасный нос»), депрессия (часто с суицидальными тенденциями). Эти люди обращаются в институты красоты, пытаются делать косметические операции. Причем, как правило, их фиксация на некотором недостатке (нос с горбинкой, большие уши и пр.) объективно является ложной, ибо это обычная особенность внешности, как у любого человека. Мы не будем задаваться вопросом, которым задавались апостолы, спрашивая Иисуса Христа о слепорожденном: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? (Ин, 9.2). Если мы оставим в стороне вопрос этиологии, т.е. происхождения данного заболевания, и остановим свое внимание на самом феномене дисморфофобии, то увидим, что духовной основой этого вида психопатологии является попытка разрыва завета с Богом, бредовая убежденность в относительности, случайности своего появления на свет. Как следствие такого процесса формируется отчаяние, которое находит болезненную фиксацию на патологическом недовольстве той или иной частью тела. Данная патология не есть следствие искаженного болезненного эстетства или невротической утонченности. Это тем более не так, потому что дисморфофобия имеет отношение, как правило, к эндогенным расстройствам и нередко протекает в рамках шизофренического процесса. При этом налицо тотальная, бредовая

убежденность в отсутствии всякого промысла Божия появления «меня» (с точки зрения больного) именно с «такой» внешностью и вообще «таким».

Переживание абсолютной (а не относительной) ценности «моего» бытия, переживание благословенности всей «моей» жизни – все это рождается в духовном опыте соборного служения Богу, а для ребенка прежде всего в семье.

В данном разделе были приведены различные формы бегства от того благословения Божия, которое определяет нашу жизнь здесь на земле. И это прежде всего псевдодуховные попытки обрести мистические универсалии, минуя духовную мистику своей земли. Кроме того это различные оккультные попытки «выйти из тела». Это и психопатологические феномены, вроде дисморфофобии, которые являются следствием богоборчества, т.е. неприятия благословения Божия в отношении «меня такого – какой я есть».

Всему этому противостоит Церковь – как путь к обретению соответствия благословения обо «мне» как вполне конкретной, исторической сущности, как о человеке, родившемся в 19... таком-то году, в городе Н., от... родителей и проч. Вхождение в храм антиномично соединяет в одном «я» конкретное и вселенское. Оно соединяет меня несовершенного и греховного и меня как сущность, как образ Божий, как данность для вечности. Ф. Раневская, наша великая актриса говорила: «Париж – это провинция, Лондон – это тоже провинция. Нью-Йорк – провинция. Библия – это столица!» Это же можно сказать и о Храме. Ибо нет и не может быть понятия «провинциальная церковь». В Церкви Христовой любое «захолустье» становится центром, если оно освящено молитвой праведника или святого. В любой церкви христианин чувствует себя как дома. С Богом везде хорошо.

Потеря осознания себя как частицы вполне определенной исторической земли порождает пустопорожние фантомы в виде несостоятельных эзотерических схем, грозит дезинтеграцией «я», психопатическими состояниями и др.

Заканчивая наши заметки, хочется вспомнить последние часы великого святителя Церкви Христовой Иоанна Златоуста. Смертельно больной, избиваемый и погоняемый охраной, он шел по дороге из Питиунта (ныне Пицунда), уже второй раз изгнанный из Константинополя и умирая сказал: «Слава Богу за все». Вот именно этими словами мне хотелось бы закончить свой малый труд, посвященный мистической связи земли и души человека. Слава Богу за все!

Не знать самих себя – крайнее безумие, хуже помешательства,

последнее есть болезнь невольная, а первое – следствие развращенной воли.

Ничто так не мешает человеку >познать себя, как привязанность к житейскому, и наоборот, ничто так не побуждает его прилепиться к житейским делам, как неведение самого себя.

Св. Иоанн Златоуст

Таинство брака и семьи: космология домостроительства

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному.

([Быт. 2, 18](#))

Здесь речь пойдет не о том, «какие случаи бывают» в семьях. (А в наших семьях, как известно, «случаи бывают разные.») Речь пойдет об онтологичности и архетипичности брака, о домостроительстве семьи не только как исторического, но и внеисторического, вечного установления Божия.

Сциентистский позитивизм – а это и есть то, что мы называем, нередко, современной психологией, не знает понятия тайны. Современному психологу, как правило, чуждо чувство благоговения перед той неисчерпаемой бездной, которая именуется Человек, Личность, Душа. Тезис о том, что все рано или поздно будет познано – это тезис инфантильного, некритичного, антропоцентристского и рационалистического сознания. Семья – это одна из мировых, вселенских тайн. В связи с этим данная статья представляет лишь малый сколок скромного духовного опыта автора и рефлексии этого опыта.

Об осмысленном несении жизненного креста

Как в мирской жизни, так и в духовной прокладывать путь, первым начинать то или иное дело всегда труднее. Идущему впереди сложнее добиться признания в науке или искусстве, так же нелегко подниматься и на непокоренные вершины гор. Гораздо легче тем, кто идет вослед. Но в человеческой истории особенно трудным было покорение одной вершины. И трудности были так велики, что эту вершину должен был покорить Богочеловек. Имя этой вершины – Голгофа.

Возможно, вытерпеть боль и позор Голгофы мог бы человек – герой, некий мужественный Прометей. Но такой проклял бы с креста своих притеснителей и был бы оправдан в своем естественном чувстве. А сатана торжествовал бы, видя, как в нем проявляются те же чувства, что и в его распинателях: ненависть, гнев, злоба и гордыня.

Но с Креста голгофского несется стон-страдание, стон-любовь, стон-жалость к распинателям: Отче! прости ши, ибо не знают, что делают ([Лк. 23, 34](#)). И мы понимаем: таких слов еще никто никогда не говорил!

В мировой истории был случай, когда человек спокойно смотрел в лицо смерти, простив своих врагов. Это – философ Сократ. Но что мог сделать мудрый и мужественный Сократ для других людей, родившихся до и после него?! А Бог и совершенный Человек Иисус Христос взял на Себя грехи наши (1 [Ин. 3, 5](#)), искупил на Кресте Адамов грех.

У каждого человека свой крест, своя Голгофа. Но на эту гору нельзя взойти бодрым шагом: Сам Господь восходил на нее падая и вновь поднимаясь.

Жизненный крест несут все: готовые к этому и сопротивляющиеся, духовные люди и те, кто живет лишь сиюминутными заботами. Много раз в истории человечества являлись лжепророки и внушали людям мысль о счастье на земле. И если этого счастья пока нет, говорили они, то сделаем его своими руками. И начиналось созидание воздушных замков, страдания от этого только усиливались.

Кто не собирает со Мною, тот расточает ([Мф. 12, 30](#)) – говорит Господь. Всегда находились люди, которые верили в эти наивные грезы горе-пророков.

Безусловно, нам необходимо улучшать свою жизнь и стремиться видеть все многоцветье окружающего. В этом мире много прекрасного: красота природы, супружеская преданность, дружба, творчество. Все это

приносит людям великую радость и счастье. Но в человеческой жизни все это растворено скорбями, болезнями, обидами, житейскими трудностями. А в конце всего – смерть. Поэтому необходимо познать и принять одну из главных основ человеческой жизни – крестный путь человека.

Для вступившего на христианский путь крест, поначалу лишь внешний, делается потом и внутренним. Вера, что страдания допущены Господом и не случайны, водружает этот крест в сердце человека. И тогда несение креста бывает сознательным, исполненным духовного смысла. А благодать Божия помогает на этом пути, укрепляет, наставляет, умудряет. Труднее людям, не познавшим истину о Кресте. Одни из них, встречаясь со всякого рода трудностями, в конце концов отчаиваются и унывают, другие в злобе проклинают Бога и людей, третьи впадают в тяжкие пороки, а четвертые в исступлении борются и, когда силы души на исходе, нередко сгорают в тяжелой болезни.

Все это и есть театр человеческих страстей и действующие лица в нем – люди, не желающие познать насущных духовных истин о Боге и о себе. Мы же, христиане, стоим на берегу клокочущей человеческой реки, и испытываем к этим несчастным чувства жалости и сострадания, и слезно молимся о них Божественному Страстотерпцу и Первому Крестоносцу в Боге и Отце – Господу нашему Иисусу Христу.

Для тех людей, кому странно и непонятно, почему мы, православные христиане, поклоняемся Честному Кресту Господню, отвечаем: для нас крест – это путь к святости, к мудрости, к духовной радости, к Жизни Вечной. Аминь.

Встреча и любовь

И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее, и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей.

(Быт. 24, 67).

В истоке, в начале любого брака – лежит встреча. Встреча юноши и девушки, мужчины и женщины. Встреча – это абсолютно не случайное, но промыслительное событие в жизни двух людей.

Встреча – это не первое знакомство, хотя эти два события – встреча и знакомство, могут совпадать – любовь с первого взгляда. Встреча – это некое уязвление, зарождение чувства, это начало откровения, которое мы и называем любовью. Встреча в ее мистикопсихологическом смысле может состояться после многих лет знакомства.

Если брак строится на правильных духовных основаниях., то момент встречи, как переживание постоянно обновляющегося чувства, всегда присутствует у супругов. Как это, скажем, хорошо показано в «Старосветских помещиках» у Н. В. Гоголя. Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна, а за ними и многие тысячи вполне реально существовавших и существующих семей, опровергают слова С. Надсона: «Только утро любви хорошо...»

Обновление чувства встречи возможно, как правило, только в Боге. В одном церковном песнопении говорится: Святым Духом всяка душа живится. Если же этого нет, то между супругами возникает дурное привыкание и сглаживается переживание встречи как абсолютно уникального и неповторимого события в жизни супругов.

Мы говорим «как правило», потому что всегда есть исключения разного рода. Но мы условились рассуждать преимущественно архетипически.

Завершением встречи является брак. Но это не всегда так. У Дж.Джерома есть прекрасно-правдивый рассказ об английском семействе, где муж и жена, как сейчас говорят, «уважали друг друга». Но совместные скорби и труды открыли их друг для друга, т.е. встреча произошла позже их бракосочетания. Церковные браки по благословию очень часто даруют эту встречу уже после браковенчания. И в этом открывается величайшая слава Церкви Христовой! И так уже много веков.

Святые отцы говорили, что в браке надо стараться избегать грубых

несоответствий в возрасте, образовании, внешних данных. Но вместе с тем никто никогда не углублялся в такие тонкости; никто не сверял параметры совместимости. Чудо брака состоит еще и в том, что Господь часто соединяет, казалось бы, несоединимое.

И вот сейчас я скажу то, чего мне, наверное, некоторые психологи семьи не смогут простить. Так вот, оказывается, что два таких человека – мужчина и женщина, юноша и девушка, сочетавшиеся браком в Боге, не могут не полюбить друг друга. У Данте Алигьери есть такие слова: «Истинная любовь не может не быть взаимной». И второе: если они и далее не оставят путь духовного самораскрытия, то они обязательно будут любить друг друга все больше и больше. В этом смысле есть абсолютное тождество между встречей, которая состоялась как бы случайно и такой, например, о которой повествуется в житии преподобного Серафима Саровского: «Один молодой офицер посетил о. Серафима и просил у него благословения поступить в монахи. Выслушав его, прозорливый старец сказал: «Ты не ходи в монахи, – тебе надо жениться, и невеста твоя здесь. Ступай сейчас же в монастырскую гостиницу, там найдешь мать и дочь: вот эта дочь и есть невеста. А от меня ты им скажи, чтобы они поскорее ко мне пришли». И офицер не только поверил словам преподобного, но и беспрекословно отправился искать свою невесту. Не найдя в гостинице никакой матери с дочерью, он в раздумье вышел за монастырскую ограду, пошел по дороге и вдруг увидел приближающуюся к обители дорожную карету, в которой сидели две дамы. Они подъехали к монастырской гостинице, и офицер, следивший за ними, удостоверился, что это мать с дочерью. Твердо веря словам о. Серафима, офицер решил отправиться к прибывшим, передать им поручение святого старца и, кстати, взглянуть на свою будущую невесту.

Дамы были поражены, когда неизвестный им офицер передал, что старец приглашает их к себе, однако немедленно отправились к нему. О. Серафим приветливо встретил пришедших, благословил их, потом взял и соединил руки дочери и офицера, говоря: «Господь вас благословит», а обернувшись к матери, сказал: «Это жених твоей дочери». Все трое были крайне изумлены, но подчинились и поступили согласно указанию прозорливого старца. Это, хотя и отчасти, приоткрывает нам то, что браки заключаются на небесах. И еще неизвестно (а вернее известно) – какие узы крепче, – те, которые «среди шумного бала», или те, которые по благословию старца.

Не собираясь утомлять вас скучными и во все времена непопулярными определениями любви, скажем лишь здесь одно. Тайной и

одновременно ядром личности является образ Божий в человеке, святость души. Она имеет по крайней мере три свойства. Первое: образ Божий в человеке принципиально неуничтожим. В этом смысле во Христе нет и не может быть понятия «мертвый человек», как это существует в сатанинской мистике. Пока человек жив – есть надежда. И порукой этому множество примеров – людей, пришедших в Церковь Божию, имея тяжелейшие грехи, но через покаяние и подвиг стяжавшие благочестие и даже святость. Он (образ Божий) может лишь умалиться от дурной греховной жизни человека.

Второе: образ Божий одновременно венчает и нашу личностную уникальность и неповторимость нашего «я». Чем ближе человек к Богу, тем ярче его неповторимость и уникальность. И чем дальше – тем он все больше теряет себя²³.

И третье – это неисчерпаемость, глубина образа. В момент встречи приоткрывается лишь часть образа Божия. И лишь в последствии, когда супруги молятся друг за друга, Господь открывает им их души в некоей никогда не достижимой полноте. И это абсолютно непохоже на психологическое исследование, скажем, бессознательного или еще чего-то подобного, к чему мы привыкли в исследованиях личности. И это не опытное узнавание, скажем, характерологических черт личности. Это вообще как бы не зависит от нас. Это дано. И кому дано – тот знает. А кому не дано – тот тоже знает, что не дано.

Событие узнавания образа Божия в супруге и вообще в человеке называется откровением. Этот процесс всегда взаимный. Откровение и любовь – это тождество. Не может быть познания и откровения вне любви. Вне любви порождается ложное знание. Откровение может сужаться или сглаживаться вовсе, если супруги (или кто-то из супругов) сходит со стези духовной жизни.

Откровение есть отблеск вечного. Само действие браковенчания и благословение Божие на брак имеют силу вечного воссоединения супругов в Боге.

Есть две меры одухотворенности и благочестия в Боге, относительно таинства семьи и брака.

Одна мера – это полнота осознания того, что мистически, духовно муж и жена всегда один или одна.

Вторая мера также приемлема, но рангом ниже, и допускает второй и даже третий браки в случаях смерти одного из супругов, или других крайних обстоятельствах.

Полнота благодати и огромные возможности духовного

самораскрытия в Церкви Христовой указывают нам на то, что полигамные браки – это снисхождение Божие к определенному духовному состоянию и возможностям того или иного народа.

Христианская моногамия – это подлинный возврат в Эдем, к прародительскому браку до грехопадения. И это совершается через тайну искупительной жертвы Иисуса Христа.

В любом счастливом браке есть эмоционально-чувственная антиномичность. Это относится, в частности, к сопереживанию, так сказать, брачного времени. Однако полюса этой антиномии неравны аксиологически, ценностно. С одной стороны, супруги всегда чувствуют некую неизъяснимую печаль, которая имеет экзистенциальный характер. И эта печаль о грядущем расставании в этой жизни. Во вневременном залоге расставание уже свершилось. Оно будет через 10 лет или через час – это безразлично. Но это печаль, говоря словами поэта, всегда светла в Боге.

И другой полюс – это также экзистенциальное предощущение вечности и второй, уже обновленной, встречи в вечности. И именно в этом смысле святитель Иоанн Златоуст пишет, что первые христиане имели такую полноту откровений и веры, что хоронили своих близких в состоянии тихой, светлой печали²⁴.

На Венчании Саши и Люды

Когда Господь в Евангелии хочет выразить особую радость, Он сравнивает эту радость с брачным пиром. И этот день в вашей жизни – день особой радости и веселия, день вашего бракосочетания.

И сегодня мы все – ваши искренние друзья и молитвенники – пришли в храм, чтобы разделить эту высокую радость и помолиться Господу о благословении вашего брака.

Сегодня утром за Божественной литургией мы пели: Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое его ([Пс. 102, 1](#)). И вы не принесли в храм свою старость, а вот уже несколько лет, будучи молодыми людьми, вы поете эти святые слова в этом прекрасном храме.

Мы поем также в этом псалме, что Господь венчает нас милостию и щедротами. И сегодня венчание ваше – милость и благоволение Божие. Вы молоды, красивы и вам предлежит прекрасный и глубокий жизненный путь. Вы вступаете в брак не в неведении о том, Кто созидает семейный дом, вы знаете Того, Который Сам о Себе сказал: Я есть путь и истина и жизнь ([Ин. 14, 6](#)). И вы пришли к Церкви Божией, избивши в кровь колена. Вы пришли с израненной душой и знаете, чего стоит человеческая праведность вне Бога и куда ведет дорога благих намерений вне Христа. Она ведет во тьму и погибель, ведет к опустошению и отчаянию.

В этом псалме есть, наконец, слова: обновится яко орел юность твоя. Ученые доказали, что каждые 10 лет у орла происходит обновление всего организма, также считали и в древности.

Ваша молодость сегодня приходит в обновление. Любая душа, находящаяся вне благодати Божией, вянет от нудных повторений одних и тех же впечатлений, устает от монотонности жизни, утомляется от вида одного и того же лица. Хочется тогда воскликнуть Господи! Зачем тогда брак! И зачем твое благословение – обручиться и жить всю жизнь с одним и тем же человеком. Господь со страниц Евангелия скажет нам: Я дал вам благодать обновления, благодать всегда новую и животворящую и тот хлеб души – песнь, которую вы будете петь и она будет вечно новая в вашем сердце.

Но стоит вас впасть в уныние и оставить внутренний подвиг молитвы, как вы вновь увидите себя пустыми, безблагодатными, жесткими и взаимно обидчивыми. Как будто и не было молитв, исповеди, святого причастия. Все вдруг окажется так же, как в той безбожной, прошлой жизни: скука, политические разговоры, телевизионные бдения, мелкое тщеславие, злоба на жизнь и зависть ко всему закордонному и западному. И тогда вас посетит одно из самых страшных поруганий дьявола в семье – это одиночество вдвоем. И какие таблетки или врачи помогут тогда?! И вам, как и всем, дано будет на миг почувствовать эту страшную бездну, ее смрадное дыхание. Многие несчастные, видя эту бездну, в страхе цепляются сначала друг за друга, а потом уже совсем ненавидя отталкивают друг друга – уже навсегда.

Духовно вас воспитал этот святой храм. И вы знаете – что надо делать чтобы вернулась опять та благодать, то обновление: А надо совсем немного – надо кротко и смиренно, из глубины своего сердца начать чисто молиться Богу: Господи! Приди и вселися в нас и очисти нас от всякой скверны и дух правый обнови внутри меня.

Архитепическая структура семьи

...да прославится Отец в Сыне

([Ин. 14, 3](#))

Первым сакральным лицом семьи является Отец.

Отец имеет свойство рождать детей. И по плоти и духовно. Если отец предстательствует за детей в Боге, то Господь Сам, или через старца, открывает путь каждого из детей к Богу, и отец старается способствовать тому, чтобы дети шли этим путем. Отец знает экзистенцию и уникальность каждого из детей.

Отец – это воплощенная жертвенность и любовь. Отец в Духе – это всегда священник, сознающий во всей полноте свою молитвенную ответственность за род. Священник даже не в смысле реального посвящения, а в отношении полноты предстательства пред Богом за род. Отец – это тот, кто осознает, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода. Отец своей жизнью выпрямляет путь рода к Богу.

Отец имеет силу и власть благословлять детей именем Божиим. Отец – господин для своих близких. Отец – это и слуга для своих близких. Отец семьи отчасти распространяет свое отцовство и на жену, как и Адам был по плоти отцом для Евы.

Второе священное лицо – Сын.

Сын всегда меньше отца. Даже если он и больше отца, он все равно об этом не знает. Об этом говорит Господь в Евангелии: Ученик не выше учителя... своего ([Мф. 10, 24](#)). Сын мистически никогда не знает, что он может быть и больше отца, ибо он благоговеет пред отцом. Он не знает в полноте отца, ибо он не судья ему. Но сын знает и любит отца, ибо он любящий сын.

Существует роковой, демонический ареал в отношении отца и сына. Следуя ему до конца, сын обязательно должен или убить отца, или противопоставиться отцу. Так случилось с Кроном, отцом Зевса. Так было с Лаем, отцом Эдипа. И эту демоническую планиду психология знает под именем эдипова комплекса. Но З. Фрейд, будучи неоязычником, в своей приверженности к эллинической мифологеме, намеренно не заметил, что Сын Божий – Иисус Христос препобеждает эти роковые отношения. И являет нам это прежде всего Его молитва в Гефсиманском саду. накануне страданий, где Он молится Отцу: Отче Мой! Если возможно, да минует

Меня чаша сия; впрочем не как я хочу, но как Ты ([Мф. 26, 39](#)). И это наконец Слово Отца во время Крещения Сына Божия: Сей Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение ([Мф. 3, 17](#)).

3. Фрейд относился к греческой мифологии как психологической реальности, но не захотел отнести к реальности Иисуса Христа даже как к мифологии. И я думаю, что это не случайно для З. Фрейда²⁵. Сын – чадо послушания. Никто не может стать отцом, не пройдя искус сыновства. Послушание – это прямой путь сына к обретению отцовства.

Отношения Отца и Сына всегда иерархичны. В иерархичности нет полноты откровения. В этом их как бы недостаточность. Однако полнота откровения между отцом и сыном — достояние будущей жизни (хотя и жизнь в вечности также иерархична), достояние вечности. Тот отец, который чувствует неполноту в этой иерархичности и пытается преодолеть ее уже здесь и теперь – вместо искомого обретает либо ложную искренность, либо панибратство. Такой ложной открытости в данном случае всегда сопутствует чувство стыда. Вместо того, чтобы смириться с тем, что здесь на земле нет полноты и гармонии, а во всем есть момент несовершенства, вместо того, чтобы понять, что предощущение этой гармонии относится к вечности, – вместо этого многими горе-отцами раз за разом осуществляется попытка здесь на земле выстроить Царство Божие. А благими намерениями вымощена дорога... – известно куда. И наша социальная практика ярко свидетельствует об этом.

Подлинная иерархичность благодатна и исполнена любви, но и определенной строгости. Ибо у хорошего отца всегда есть задача приготовить сына к трудностям, скорбям этой жизни. И отец в известном смысле всегда строг. Наказанный и даже обиженный сын мистически всегда знает, что он любим отцом, ибо это так.

Мы помним библейскую историю поведения Хама, когда он увидел наготу своего отца, спящего и опьяневшего Ноя. Увидев отца – таким, Хам посмеялся над отцом перед своими братьями – Симом и Иафетом. Однако Сим и Иафет вошли в дом и, пятась, дабы не видеть наготы отца, накрыли его. И это есть нравственно-психологический образ поведения сына, который видит недостатки и падение отца (или матери). Однажды преподобному Серафиму один монах пожаловался на неблагочестие игумена. Преподобный советовал ему молиться, чтобы Господь дал бы такое устройство души, чтобы и видеть и как бы не видеть эти недостатки. Аскетологический момент у отца и сына состоит в покаянном молитвенном видении своей недостаточности как отца или как сына. В самом же покаянии нет уныния, но есть надежда на помощь Божию в деле

исправления и духовного становления.

Октябрьский переворот и последующие события деформировали у многих из нас родовое чувство. Родовое чувство, как известно, было всегда сильно, но известные исторические катаклизмы: уничтожение сословий, искусственное прерывание российской истории, осознание нашей истории после 17 года как чего-то совершенно нового («отречемся от старого мира») и, кроме того, возникшие во множестве нравственные и идеологические противоречия между отцом и детьми. не говоря уж о развале российской семейственности, – все это вкупе ослабило родовое чувство. А это вроде бы плохо, так как род – это всегда фундамент, это психо-биологический, культурный, экономический капитал для каждого сына в его становлении как отца.

Однако давайте вспомним родословную Иисуса Христа у евангелиста Луки. Иисус, начиная Свое служение, был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев... Иосиев, Симеонов... Авраамов... Еносов, Сифов, Адамов, Божий ([Лк. 3, 23–38](#)). Эта родословная и говорит нам о том, что в духовном смысле род только тогда имеет корень, когда он обожен, одухотворен. Отсутствие или снижение духовности рода ведет к снижению энергетики рода. Это выражается, скажем, буквально в том, что у нас сейчас нет ни духовных, ни физических, ни душевных сил рождать много детей. Часто это один ребенок в семье.

Но отсутствие чувства рода, «зова предков» вовсе не должно повергать нас в уныние. Духовная практика неопитов во Христе уже в наше, новейшее время, показывает, что можно и нужно черпать эту животворную энергию и духовные силы прямо в Церкви Божией. И, кроме того, подлинный род, очищенный веками, – это для нас род Христов. В одном из песнопений, прославляющих Божию Матерь, поется: Ты бо еси спасение рода христианского.

Третьим священным лицом в семье является жена, Мать.

Женское начало в семье имеет также свою антиномию. Женщина по своему происхождению – вторична. Не муж от жены, но жена от мужа – говорит апостол ([1Кор. 11, 8](#)). А по достоинству – равна мужу. Нравственная архетипическая основа женщины – целомудрие. В своей предельной полноте оно выражено в Пресвятой Деве Богородице. Как известно, тайна Божией Матери состоит в том, что она дева и родила Сына Божия. Будучи Матерью, осталась Непорочной. И это двуединство не могло не отразиться и на богородичном характере христианского благочестия у женщины христианки.

Слово в день памяти святых Мучениц Веры, Надежды, Любви и

матери их Софии

Вера, Надежда и Любовь, воспитанные своей матерью Софией в христианском благочестии, с детских лет были научены молитвам, чтению духовных книг, трудолюбию и послушанию. Церковная история относит их мученическую кончину к 137 году. Это произошло в Риме в царствование императора Адриана, известного своими гонениями Церкви Христовой.

Когда они были схвачены и приведены к епарху города, он поначалу долго уговаривал их отречься от Христа и принести жертву идолам. Но ничего не добившись от девочек, он решил на глазах у матери мучить дочерей. Старшей – Вере – было 12 лет, Надежде – 10, а Любви – 8. Мать их София вела себя, казалось бы вопреки здравому смыслу, вопреки обычной человеческой логике. Она уговаривала их терпеть все пытки и даже как бы желала их мученической смерти. И это не был, как сказали бы иные, религиозный фанатизм. Нет! Это была подлинная мудрость (а «София» в переводе с греческого – «премудрость»), та мудрость, которая простирается в вечность, а не замыкается на коротком миге земной жизни. Эта та мудрость, которая сама не ищет скорбей, но коль скоро они пришли, то принимает их как волю Божию...

Вера, Надежда и Любовь претерпели жесточайшие мучения. Их избивали железными прутьями, отрезали им сосцы, терзали тела особыми железными крючьями и, наконец, они были обезглавлены. Несчастливая мать отвезла останки дочерей на возвышенное место близ города, похоронила, и сама через три дня скончалась у их могилы. Таков печальный конец земной жизни мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Но Церковь, из года в год прославляя этих святых, радуется и ликует о Господе, воспевая их подвиги и молясь им. И этот день, 30 сентября – один из самых радостных и светлых церковных дней.

София назвала своих дочерей именами трех главных христианских добродетелей: веры, надежды и любви. И как же эти добродетели нужны сейчас каждому из нас!

Теперь мы уже можем говорить, что вера наша – это вера не в эфемерное Царствие Небесное на земле без Бога, а вера, которая никогда никого не посрамила – вера в совершенного Бога и совершенного Человека, пришедшего в этот мир ради нас и нашего ради спасения, в Господа нашего Иисуса Христа!

Мы, христиане, часто сами себя в покаянии называем маловерами. И это так! Но мы и молимся, но мы и плачем, и говорим: Господи, немощ мою Ты знаешь, но знаешь, что есть в любом из нас, в любом сердце тот,

пускай пока маленький бисер, который именуется святая вера. И этот жемчуг мы можем найти в каждом: и в изматерившемся и отупевшем русском мужике, и в интеллигенте, который поумнел и понял, что означают на самом деле слова «прогресс» и «гуманизм» без Бога.

Эта вера есть в наших женщинах, многие из которых и сохранили душу народа, а душа нашего народа – душа-христианина... И мы молимся и просим: «Господи, умножь, укрепи веру в Тебя... Даруй нам простоту и полное доверие к Тебе»...

И когда мы укрепляемся в надежде, в уповании на Бога, то отступает уныние и отчаяние... Истинного христианина можно отличить в толпе бедных, печальных, тоскливых, понурых, истомленных, отчаянных и унылых сограждан по его светлым глазам.

И чем жива Церковь Божия? Почему в годину страшного погрома люди веры не теряли надежду и всегда чувствовали сердцем и знали, что Господь близко, Он рядом. Они знали, пройдет лихолетье, сгинут, оборотятся в прах и пыль несчастные гонители, а Церковь Божия – невеста Христова – в который уже раз в истории омоется кровью своих мучеников и предстанет очищенной и обновленной.

Когда в жизни каждого из нас случается что-то тяжелое – горе, беда, болезни, давайте чаще задавать себе вопрос: почему мне послал это Господь? Ведь ничего нет случайного: ни смерти, ни болезни. И когда мы будем так размышлять, нам откроется глубочайший смысл пути нашей жизни. Мы увидим, наконец, что наша жизнь не бессмысленная вереница дней и событий, а путь, освященный Богом, и путь к Богу. Скорбь тяжела, нежеланна, но если бы не скорби – люди никогда бы не научились молиться.

Апостол Павел пишет, что любовь превыше всего. Любовность, единение, жертвенность – это ныне тот самый-самый редкий предмет, которого просто не купишь. Подойдите к доске объявлений – многие из них начинаются словами раздел, разъезд, разделение... Нет любви, и мы бежим друг от друга, каждый в свою нору, в свою тюрьму. Люди нередко сейчас живут в одной семье, и каждый из них одинок как перст. Как же прорваться через частокол недоверия, отчуждения, обид? И мы – люди, вновь пришедшие ко Христу, не знавшие Его с детства, неофиты, можем сказать как это сделать – Я вхожу в храм, и в моей душе теснитсй рой чувств: осуждение, ненависть, обида на близких. Начинаю молиться и как-то неприметно душа освящается и становится тепло. Это благодать Святого духа. Пришла благодать в душу. Ты исповедовался и причастился Святых Христовых тайн – где осуждение, где обиды?! Прихожу домой и

вижу какие чудные люди мои родные и какой любви они достойны! И мне стыдно, что я так мало бываю с ними, так мало делаю для них добра.

Местом, где только можно напитаться этой благодатью, является храм. Будем печалиться, братья и сестры, о множестве разрушенных храмов, но не будем и унывать. Апостол говорит, что сам человек – есть храм. И если храм души нашей осквернен безбожием, пьянством, отчаянием, гордыней, блудом, высокоумием, то и все – и земля и реки – будут скверны. И дети наши осквернятся через нас. Но если мы преобразим свой ум, очистим сердце покаянием, укрепим волю, то мы, народ, опять станем ставить прекрасные храмы на нашей земле, опять узнаем, что есть духовная красота.

Дом и его мистика

Если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот.

([Мк. 3, 25](#))

Главным материализующим, внешнеявленным началом семьи является Дом. Дом – это место, где в основном разворачивается и телесная, и душевная, и духовная жизнь семьи, дом имеет свое пространство и свой объем, свой запас, свое лицо, свои голоса. Всякий дом имеет типичные и в культуре множество раз отрефлектированные и опоэтизированные атрибуты. И это, во-первых, крыша. Она означена в культуре как кров, покров. Есть, скажем, замечательная поговорка: не как стройся, а как кройся. Кров как образ надежности, душевной простоты и крепости, некоей предсказуемости и узнаваемости. Далее – это фундамент. И помните евангельскую притчу: И всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое ([Мф. 7, 24–27](#)).

Это стены, как образ некоей ограды и опоры, некоей крепости, как у отца Сильвестра в «Домострое»: «Мой дом – моя крепость». Стены – это образ автономии и известных ограничений. И именно стены несут на себе функции совокупного семейного эстетического чувства, родовой памяти, соответствия с той или иной духовной реальностью. Это выражается в тех картинах, фотографиях, предметах, иконах и т.п., которые висят на стенах. В этом смысле – что на стенах, то и в душе.

Окна и двери – это возможность сообщения с миром. И опять здесь возникает множество культурологических ассоциаций, как-то: «Окно в мир», «Ломиться в открытую дверь» или «Двери моего дома всегда открыты для вас» и пр.

Знаменательно означен в ветхозаветной культуре порог. У пророка Софония есть слова: Посещу в тот день всех, которые перепрыгивают через порог, которые дом Господа своего наполняют насилием и обманом ([Соф. 1, 9](#)). Выражение «перепрыгивают через порог» большинством толкователей понимается как дерзость, отсутствие благоговения перед

святыней Храма.

Известен обычай у древних филистимлян не наступать на порог. Этот обычай вошел в употребление после того, как на порог идольского капища упала статуя Дагона в присутствии израильского Ковчега Господня. Этот обычай был усвоен и иудеями во время царствования Манасии.

Вообще в волюнтарном отношении порог – это всегда некий внутренний предел, черта, которую надо переступить, войти в некое новое пространство. Существует не примета, в скорее обычай не здороваться через порог, так как порог как бы разделяет сферы.

Символ порога открывает нам важные антропологические акции: входа, вхождения в некое пространство и, напротив, исхода, выхода, ухода. Господь будет охранять выходение твое и вхождение твое отныне и во век ([Пс. 120, 8](#)).

Какая-то особая значимость сокрыта в словах человека, который, войдя в дом, был чем-то озадачен и говорит: «Подождите, я-только-только вошел в дом».

В христианском календаре есть по крайней мере два больших праздника, которые означают это особое деяние. Это, во-первых, Вход Господень в Иерусалим. Этот праздник знаменует начало Страстей Христовых. Второй – Введение Божией Матери во храм, где Церковь празднует и вспоминает день посвящения Девы Марии Богу.

При этом вхождении Марии было одновременно и восхождение. Она должна была преодолеть 15 ступеней Иерусалимского храма. 15 ступеней Иерусалимского храма символизируют так называемых «ступенных» псалмов. Эти псалмы пели священники и левиты, входя в храм для служения.

Ступени – это часто образ восхождения «наверх». «Наверх» – это может быть и высота духовная и, скажем, карьерная.

Патриарху Иакову было откровение Божие, где духовные небеса явились ему в виде лестницы. Преподобный Иоанн написал книгу «Лестница», за что и был прозван «Лествичником».

Лестница в духовно-психологическом залоге – это образ опосредования, постепенности восхождения на духовную гору. В нашем бытовании так и говорят: «Не надо перепрыгивать через ступени». А в аскетологическом аспекте – это еще и образ терпения и ощущение протяженности времени жизни.

У [Иоанна Лествичника](#) в основании духовной лестницы лежит страх Божий. Это согласуется со словами царя и пласмопевца Давида: Начало мудрости – страх Господень ([Пс. 110, 10](#)). Вершина Лестницы – это

любовь.

Замечательно и интересно в истории архитектуры то, как строился дом: окнами во двор или окнами на улицу, как говорили «наперед». Знаменательно, что Петр I приказал при строительстве Петербурга строить дома окнами на улицу.

Расположение комнат и то, кто и каким образом в них живет, расскажут нам многое о семье: о ее сложившейся иерархической структуре, психологии отношений и многое другое. И понятно, что в наше типовое и стандартизированное время у нас в России бывают довольно скромные условия бытования. Но и все же... есть кухня. Она же часто и столовая. Про кухню многие могут написать роман. Именно на кухне происходят совместная трапеза, а значит, и задушевные разговоры. Совместное вкушение пищи всегда имело сакральный характер. Достаточно сказать, что святой [Игнатий Богоносец](#) определяет семью церковкою и говорит: вы хлеб, не мешок зерна, но хлеб, который имеет закваску. И евангельский образ Божественной трапезы являет нам Тайная вечеря Христа и апостолов накануне голгофских событий. Пища, как и вообще все в доме, должна быть освящена молитвой. Благословленная пища всегда вкусна.

Великий князь Димитрий донской, приезжал в монастырь к преподобному Сергию, любил обедать вместе с преподобным, вкушая простую постную монашескую пищу. И говорил, что вот он ест у себя дома с золота, пищу особо приготовленную, но такой вкусной пищи, как здесь в монастыре, не ел нигде.

Кроме того, есть другие комнаты или функциональные места семьи: детская, спальня, кабинет, чердак, подпол и другие. Чердак, кроме прочего, означен в культуре как место трудов и жизни начинающих художников и писателей. У Бальзака все молодые писатели живут на чердаке.

Подвал или подпол, естественно, означен как образ душевного низа или смирения. У А.С.Пушкина скупой рыцарь спускался в подвал для того, чтобы услаждаться лицезрением богатств и пр.

Кроме того, в Православной семье есть красный угол (у большевиков это звучит более ласково и трогательно: «Красный уголок»), где бывает средоточие икон. Причем есть семейные, родовые иконы. Эти родовые иконы всегда «бабушкины» или «дедушкины». Икону делает семейной и родовой, как минимум, бабушка или дедушка. Ибо при матери – это икона или «дареная» или написанная на заказ. Понятие семейной иконы существует еще применительно и к тем иконописным образам, где

изображены вместе все святые, имена которых носят члены семьи. Часто, если это возможно по планировке, красный угол повернут на восток.

Угол (или углы) в доме имеют также свою символическую нагрузку. Угол – это некий предел, стык двух пространственных и силовых линий. Ребенка наказывают и «ставят в угол», если надо «забиться» или кого-то «загнать», то обязательно в угол. Есть примета – неженатому за столом не садиться на угол. Угол – это символ тупика, конца, некой упертости, предела и пр.

Воздух дома всегда духовно наполнен. Свято место никогда не бывает пусто.

Через слово, через язык пространство дома может быть либо освящено, либо осквернено. Формой освящения дома является молитва, предельной формой осквернения дома является употребление идиоматических выражений нецензурной брани. Само слово мат духовно имеет в своей основе выражения связанные с проклятием Божией Матери и собственной матери. Мат – язык демонов.

В связи с этим в доме всегда есть духовные сожители. Сегодняшние «барабашки», «домовые» доказали это всем нам воочию. Духовные сожители имеют всегда совершенно определенный нравственный радикал. Это либо демоны, либо ангелы. При окончании строительства дома акт вхождения в дом именуется новоселием и в любой духовной традиции дом освещается. В Православии есть также чин освящения дома, в котором священник молится о духовной чистоте, любви, благоденствии и процветании дома и домочадцев. Дом окропляется святой водой и помазывается святым елеем. Ряд молитв носят закликательный, запретительный характер по отношению к бесам.

Особое эстетизированное чувство и любовь к дому выражается словом уют. Духовно-психологический уют означает гармонию и структурированность души (все вещи на своих местах). Кроме того, уют связывается с чувством покоя. Уютно – значит спокойно. Уютно – значит еще любовно и заботливо. Уют – это, как правило, мерило возвращения женщины к своей первозданной сущности, мера обретения ею себя. Уют, по сути, вообще совпадает с понятием дома и крыши. В каком-то смысле уют – это и есть дом.

Дом как некая материально-духовная совокупность может состояться, а может и не состояться. Вместо дома может быть некое ограниченное пространство, где люди едят, пьют, спят, совокупляются и пр. Каждый человек знает – есть у него дом в его подлинном значении или нет. И именно сейчас у нас много бездомных в духовном, а значит и в подлинном

смысле, людей.

И хорошо, если человек признался себе, что он бездомный и страдает и ищет Свой Дом. И я знаю точно, что если это не уныние, а страдание, то обязательно этот человек построит себе свой дом, или вернется в свой дом.

Нами была сделана попытка показать, насколько понятия дом и душа взаимно проективны и взаимно выводимы друг из друга.

В похвалу преподобного Иоанна Кушника

Образ каждого человека складывается из множества поступков и дел, слов и чувств. И когда тот или иной человек сделает или скажет нечто, мы говорим: «Вот! Я узнаю в этом моего друга. В этом он весь».

Но бывают судьбы, где лишь сама смерть сбрасывает покрывало с той неизреченной тайны, которую мы называем судьба или путь. Лишь смерть, лишь последний вздох такого человека вдруг выстраивает всю жизнь его воедино.

В V веке, в Константинополе в семье богатых и знатных родителей Евтропия и Феодоры родился третий сын Иоанн. С самого детства мальчика не прельщала светская карьера и он тайно от родителей удаляется в монастырь. Он поступил так, потому что знал, что родители все равно не отпустили бы его и стали бы уговаривать, обещая, как сейчас любят говорить, – «блестящее будущее». В монастыре юноша пробыл 6 лет. Но в последний год его пребывания он стал претерпевать тяжелейшие искушения. Мысли и чувства все чаще и чаще возвращались его в родной дом. Помыслы, вселяемые демоническими силами, толкали его бросить монастырь. Иоанн исповедовал эту мысленную брань игумену и тот, получив откровение от Бога, решается все же отпустить молодого подвижника домой. Но уходя из монастыря, Иоанн вовсе не собирался уступить в той борьбе, которую повел с ним диавол. Возвращаясь домой, он встретил нищего и поменялся с ним одеждами. Так, в рубище нищего он вошел в свой дом. Отец увидел его, но не узнал в оборванной одежде странника своего сына, по которому они с женой Феодорой пролили столько слез. Нищий попросился жить в саду, в самодельной палатке, как говорим мы на славянском – в куще. И стал жить неузнанным. Его подвиги, молитвы и духовная борьба – тайна, которая у Бога. Прошло 3 года. И однажды, в молитве Иоанну явился Христос и сказал знаменательные слова: «Радуйся Иоанне, ибо ты уподобился девственнику Иоанну Богослову». Господь открыл ему скорую кончину, а преподобный Иоанн сказал Богу лишь одно: «Помяни Владыко родителей моих!»

После явления Христа, Иоанн призывает мать и открывается ей. Он возвращает ей Евангелие, которое она давным-давно подарила ему.

Радость встречи, обретение сына буквально совпадает со смертью Иоанна. святость преподобного Иоанна Кушника была засвидетельствована многими чудесами, которые были от его мощей. На месте той кущи, где жил преподобный, был воздвигнут храм, а при нем открыт странноприимный дом.

Духовный смысл такого подвига малопонятен нам христианам «последнего времени» – так любим мы часто называть сами себя. Странная и непонятная судьба!

И действительно, говоря, якобы, «разумно» и «по-человечески» – зачем истязать себя, своих родных. И еще скажут некоторые: «Ну ходи себе в церковь, молись, никто не запрещает для чего тебе все эти сложности...» И поистине трудно вместить в сердце жизнь человека, такой подвиг. И это во многом связано с тем, что для нас людей так называемого прогресса, и цивилизации – Бог – это Тот, кто помогает в этой жизни; Тот, кто исцеляет для этой жизни; Он – Господь – некое подспорье в наших делах здешних. И когда нам говорят о Жизни Вечной, о Том Боге, который спасает нас для жизни вечной – это что-то совсем далекое и малопонятное.

Но давайте сейчас на минутку оторвемся от земли. Хотя нам это и трудно – ведь мы тяжелые, плотские – легко духовному человеку. Но и все же многие из нас люди новообращенные знают, как трудно бывает христианину, когда он в наше безбожное время вынужден претерпевать от собственных родителей или друзей – насмешки и уговоры бросить эти «глупости» и жить «нормально», и «как все». И тогда христианину приходится употреблять все мужество и всю волю, чтобы устоять под градом того невидимого, но вполне ощутимого давления мира сего. И вот в этой нелегкой борьбе, где нередко ослабляются, а порой и разрываются самые крепкие узы родства – отца с сыном, матери и дочери, старинных школьных друзей – во всем этом мы избираем Христа, избираем Истину и Вечность. И это маленький шаг к тому невидимому миру, который мы лишь иногда чувствуем в сердце. Мы чувствуем его, когда тихо и внимательно помолимся, когда причастимся Тела и Крови Господа Иисуса Христа. В эти редкие часы наша душа – само Небо. Но быстро проходят эти мгновения – ушла благодать, и мы опять на земле, опять мы здешние, «тутошные», мирские. И опять надо собираться в молитве, чтобы возвыситься до Христа и просить Его снизойти к нам.

А Иоанн Кушник, этот земной ангел и небесный человек, жил Небом. И он вовсе не пренебрег своими родителями. И помните – первая его молитва в откровении – молитва за отца и мать. И если бы мы могли сказать за него – то мы бы сказали так: «Мамочка и папочка! Милые мои,

родные. Я ушел от вас, чтобы вновь обрести вас. Эта жизнь скоротечна и преходяща. Все равно мы бы расстались и скоро. И я, монах во Христе, решил отдать себя Ему всего себя до конца, без остатка, дабы нам всем соединиться с Ним после смерти». – Вот, наверное, смысл вздохов и молений преподобного.

И еще. Люди, не имеющие молитвенного опыта, могут подумать, что Святой Иоанн, живя 3 года в этой палатке, только и делал, что страдал и терпел. Ему, мол, все время хотелось видиться с родителями, а он сдерживал себя и терзался. Наверное, эти побуждения и могли иметь место. Но не в них суть. Счастье и та невероятная радость, посещающая человека, которому открылся Христос – эта радость покрывает всякую скорбь. Открытие Бога в молитве – это познание того, что и мать, и отец, и друг – все эти великие сущности только и обретают свой подлинный смысл лишь во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

О блуде

Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазны, ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное.

(Гал. 5, 19–21)

Любая душа, так же как и любая семья, всегда подвергается испытанию и атаке со стороны сил деструктивных, разрушительных. И это разрушение идет от греха в целом, но прямой удар, направленный прямо против семьи, ее чистоты и единства – всегда ожидается со стороны страсти блуда.

Узнал я, что бес уныния предшествует бесу блуда и уготовляет ему путь, – пишет преподобный Иоанн Лествичник. И как не согласиться с этим утверждением, ибо дурное привыкание, ощущение потери новизны встречи – все это порождается, в частности, унынием. Смешным теперь уже кажутся нам увещевания в адрес человека, который бросил ради другой или другого свою семью, – увещевания типа: «Ты поступаешь непорядочно, у тебя же дети...?» Подобные моральные взывания, как правило, бессмысленны. За этого человека было бы ответить так: «Я ничего не могу с собой поделать – то, что мной владеет, сильнее меня...» И он будет прав! Надо понять, что блуд или уныние – следствие воздействия демонических сил. И проблема блуда – это вовсе не моральная проблема, а аскетологическая.

Залогом, основой целомудрия является стыд. И одно дело, когда стыд – это невроз, мучающий человека, а другое дело – стыд, скажем, у благовоспитанной девушки, где стыд – это и целомудрие, и хранение чистоты и женского достоинства, это и нравственное начало. Невроза при этом нет. Напротив, есть та твердость и известная неподатливость на «уговоры», которые и отличают истинную благовоспитанность от фальшивой.

Многие думают, что Церковь запрещает блуд просто из принципов христианской морали. Но не в этом дело. В браке муж и жена образуют особое единство, а блуд создает трещину, раскол, черную дыру. А это, в свою очередь, тяжелейшим гнетом ложится на детей.

Подводя коротко итоги о пороке блуда, можно сказать, что блуд, помимо самого хотения, а точнее по-хотения, зиждется еще и на

нескольких вполне наивных, но из века в век повторяющихся аксиомах блуда.

Блудник или прелюбодей говорит сам себе, что «никто не узнает» его походов. Но ведь сердце чувствует, что мистически это не только не сокрыто ни от кого, но об этом знают вообще все: и небо, и земля, и дети, и жена или муж. И это сначала на неосознаваемом уровне, а затем откроется воочию. Эмоциональной индикацией блуда являются чувства уныния, витальной тоски и отчаяния.

Сопутствующими страстями, которые поддерживают блуд и взаимно усиливают друг друга, являются уныние, тщеславие, объедение и пьянство.

Вторая иллюзия состоит в том, что в блуде, якобы, есть только телесное сочетание и нет духовной порочности. На это отвечает апостол Павел, который говорит: ничто не должно обладать мною... тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела... Или не знает, что совокупляющийся с блудницей становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть... всякий грех, какой Делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа ([1Кор. 6, 12–19](#)).

И в этом контексте следствием невероятной духовной и профессиональной деградации выглядят советы, увы, теперь уже многих горе-психотерапевтов о том, что если, мол, у вас половая несовместимость с мужем (женой) – найдите себе партнершу (партнера). Партнера! Эти «специалисты» вообще ничего не смыслят в науке о человеке и вполне соответствуют евангельскому образу: Они слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму ([Мф. 15, 14](#)).

Меня могут спросить, а что все же делать, если действительно несовместимость. И я отвечу. Надо разбираться в каждом конкретном случае, но твердо знать, что нравственное падение не рождает ни душевного, ни физического комфорта. Напротив, такие советы порождают еще целый ряд проблем и переживаний.

Третье заблуждение. дело в том, что половые отношения как в браке, так и в блуде в Священном Писании ассоциируются с понятием познания. Скажем, в книге Бытия говорится: Адам познал Еву, жену свою ([Быт. 4, 1](#)). Но и при описании в Книге судей изнасилования девушки говорится: Они познали ее и ругались над ней до утра (Суд. 19, 25). Познание такого рода сопряжено еще и с радостью победы и владения.

Если мы внимательно исследуем пушкинскую версию Дон Жуана, то увидим поистине жуткий исход его жизни. Конец, душевный исход блудника можно обозначить через два образа – евангельский и

святоотеческий: это мерзость запустения и окамененное нечувствие. И действительно – это всегда некое омертвление, пугающая пустота одиночества. Блудник – это образ духовного странничества. Недаром блудные дела называются похождениями. Блуд, блуждания, заблудший, потерянный, богоставленный – все это один смысловой синонимический ряд.

И сказать просто, что Дон Жуан не прав ибо в одной женщине – все женщины мира – это ничего не сказать. Надо было бы сказать о той духовной борьбе, которую все мы должны вести за полноту вхождения в это знание. Это откровение о той самой неисчерпаемости образа Божия в человеке, о том, что откровение и познание в браке не имеет предела. Но это опытно можно знать только Духом Божиим.

В Апокалипсисе Иоанна Богослова есть два полярных образа, которые задают как бы нравственную вертикаль в отношении этой страсти.

И высшим предельным образом целомудрия является Божия Матерь. Она именуется в Откровении Женой, облеченной в солнце (От. 12, 1). Бездну и низ изображает жена-блудница. С нею, – говорится в Откровении, – блудодействовали цари земные и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле... И на челе ее написано имя: тайна (От. 17. 2,5).

Как в браке есть своя тайна, тайна благочестия, Истины и Правды, так и в блуде – есть тоже тайна, но тайна беззакония и греха. Тайна благочестия не навязывает себя, а смиренно и кротко возвышается над нами, тайна же блуда – манит, заигрывает, прельщает, обманывает, липнет.

Реплика о половом воспитании

Молись Богу, и все откроется.

(Поговорка)

Ложные ориентиры задают многие психологи и сексопатологи, когда говорят об исходных причинах крайней деградации нашего общества в вопросах сексуального воспитания. В данном контексте все так же, как и в лучшие застойные времена, проходит дежурный миф об отсталости «дореволюционной России». И одни косвенно, а другие и прямо обвиняют Церковь в том, что Она, якобы, всегда была тормозом, главным препятствием в деле просветительства в вопросах полового воспитания.

Здесь, однако, надо объяснить. Русская государственность насчитывает более 1000 лет. Все эти века институт семьи набирал силу. Семьи во всех слоях общества были, как правило, многодетные. Люди, правда в разной мере, пытались жить духовной жизнью. А это, как известно, само по себе оборачивает человека к природе, делает его одновременно и хозяином, но и смиренным наблюдателем и исследователем жизни натурального Божиего мира.

Центральным же условием воспроизводства жизни всей природы является, как известно, ее способность к самотворчеству, к самооплодотворению. А вариантов и способов последнего в органическом мире несть числа.

Сама природа вводила человека в мир творческих отношений, в том числе и в половой сфере.

Кроме того, существовала неформализованная и почти всегда закрытая педагогика половых отношений. Девушкам, молодым женщинам постоянно шептали на ушко повивальные бабки, мамки, бабуши. А о русских нянях, об их дидактических успехах написано много десятков страниц.

Также, безусловно, существовало религиозно-нравственное нормирование половых отношений, которое не допускало беспорядочных связей, измен и т.п.

И, наконец, важнейшим в этом контексте является проблема владения, как сейчас модно говорить, собой: владение нервно-психическими процессами, моторно-двигательным аппаратом. Так вот: владение собой начинается с овладения словом. Вначале было Слово ([Ин. 1, 1](#)). Слово употребляется здесь не в психолингвистическом значении, а

как синоним духовности, как глагол Божий, имеющий самотворческую силу. И уже в самом естестве человеку дано и заложено многообразие способностей, призванных к реализации процессов воспроизводства. И было бы странным, если бы это было как-то по-другому, имея в виду крайнюю важность творческой акции в деле сохранения на Земле рода homo sapiens.

Но мера владения всей душевно-телесной сферой стоит в прямой зависимости от меры одухотворения человека, нации в целом. И как только человек «сползает» с духовного уровня на душевный, так начинается процесс потери власти над собой. Люди, как они сами сейчас свидетельствуют, «теряют себя». Человек не владеет своими собственными эмоционально-волевыми процессами, он теряет себя и как некое родовое существо, он теряет интимную связь с природой. Он теряет в себе и эстетическое начало, ибо красота, которая, будем надеяться, все же спасет мир, коренится в Духе Божиим. И в области половых отношений начинается процесс распада и постепенной деградации как эмоционально-волевых, так и психомоторных процессов.

И поэтому вызывает недоумение и крайний скепсис, если так можно выразиться, пропедевтика, скажем, половой техники, или популяризация психогигиены половых отношений самих по себе, вне всего контекста духовного возрождения. Эти попытки обречены, и уже сейчас ясно, насколько они убоги.

Манкурты, оставаясь рабами, все равно ничего не запомнят. А если вообразить себе, что они – манкурты, забыв, кто они и откуда они и зачем они, при этом были бы научены и, так сказать, изощрены в половой сфере! Ну чем это не сюжет для пьесы театра абсурда! Кроме того, что это трагично и страшно, это еще и смешно: духовный дебил – он же половой гигант!

Безусловно, в России и ранее существовала патология секса разного рода. Она существовала, как существовала и психопатология, и как, скажем, воровство или убийства. Но вопрос – в какой мере! Одно дело, когда горстка несчастных лечится на Канатчиковой даче, другое дело, когда Канатчикова дача – это вся страна.

Еще одно замечание культурологического типа. В Православии так называемые подробности интимных отношений всегда были сокрыты, были тайной, это – во-первых. И вместе с тем, брачные половые отношения никогда не считались греховными или постыдными – во-вторых.

И действительно, всегда было неприлично кричать: «Давай

подробности». Сейчас этот целомудренный стыд в нашей передовой и как бы даже шагнувшей сексологии почему-то называется ханжеством. А чрезмерная открытость в презентации половых отношений в массовой культуре приведет не к снятию, как думают, закомплексованности, а к увеличению различных перверзий. А. С. Пушкин свидетельствует, как это было раньше и как это должно быть. Послушаем:

Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.

Давайте и мы, несмотря на крайний дефицит кроватей из слоновой кости и кроватей вообще, послушаемся русского гения и оставим двоих наедине.

Но от того, что тема половых отношений была закрытой, вовсе не следует, что в ней отсутствовала глубина и творчество. И понятно, что она замечательным образом транслировалась от поколения к поколению. Понятно также и то, что, имея у себя ныне столь дивные родильные дома, где уже появляется радиоаппаратура, но пока еще нет в избытке простыней, и пока еще матерятся санитарки, – понятно, что невозможно теперь же сделать шаг назад, к абсолютно безграмотной, лишенной всякой прогрессивности и, так сказать научности, какой-то повивальной бабке. Это было бы шагом назад в нашем поступательном движении в бездну. Сейчас действительно не до этого. Рыба гниет с головы. Надо заняться главным. А именно – вернуться к деятельному осознанию того, что владение и власть над собой начинаются с овладения Словом.

Автор не имел в виду то, что вовсе бессмысленно заниматься проблемами полового воспитания и пр. Речь о другом. О правильном понимании исходных причин. Это же понимание дает нам, в свою очередь, возможность правильно определить стратегию и тактику исследований и практической работы.

И еще один вопрос, ответ на который остается за гранью тайны интимных супружеских отношений. Поэтому я лишь поставлю его и как бы «подвешу» в воздухе. Я хотел бы продемонстрировать два полюса отношений к сексуальной сфере. Первый описывается словами апостола Павла: Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять

будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление ([1Кор. 7. 4-7](#)).

Второй, противоположный полюс – это возведение половой сферы в некий (единый) ценностный абсолют, понимание ее как психобиологического эпифеномена. Как сочетаются эти два полюса? Могут ли они, скажем, быть разными временными тактами в жизни одного и того же человека? Все это вопросы, а ответы на них мы сможем найти лишь в собственном духовном опыте нашей семейной жизни.

Смерть отца

Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!

(Пасхальные приветствия)

Истинно, истинно говорю вам; если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода ([Ин. 12, 24](#)). Точно так же, в соответствии с этим евангельским утверждением, смерть отца является одновременно и славой и скорбью семьи. Ибо именно гроб отца являет собой полноту единения сыновей и дочерей в скорби. Слезы сыновей, их скорбь являются одновременно их рождением и посвящением в отцовство.

Смерть отца является одновременно и началом еще одной малой церкви. Гроб отца является фундаментом семейной церковной традиции и преданий. Смерть именно в таком ее понимании должна быть вожделенна и радостна для отца, ибо он идет к Богу, исполнив и завершив свою земную жизнь в полноте ее плотского, душевного, духовного смыслов. Полнота смысла в предсмертном утешении отца могла бы быть проиллюстрирована евангельскими словами Иисуса Христа, обращенными к Богу и Отцу: Да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых ты Мне дал. Я не погубил никого ([Ин. 18, 9](#)).

Смерть отца – это одновременно и отправная точка для возложения на плечи сына ушей сыновей бремени отцовства. Гроб отца – это одновременно и образ смерти, но и образ рождения новых родовых ветвей. Смерть отца, ее особенности, благословения отца – все это величайшие события и в духовной и социально-психологической жизни рода. Смерть отца, его предсмертные благословения и советы имеют статус завета роду. Мерилом высоты и духовности завещания отца является близость этого завещания с основополагающей сакральной Книгой, которая произволением Божиим, исторически, от века запечатлелась в душе народа и мистике Земли.

В Откровении Иоанна Богослова эта Книга именуется Книгой Жизни. Для нашей Земли – это Евангелие. И как мы помним, другое название Евангелия – Новый Завет.

И, наверное, лучшие слова о полноте осмысленности смерти отца были сказаны о Аврааме: И скончался Авраам, и умер в старости доброй, престарелый и насыщенный жизнью, и приложился к народу своему ([Быт. 25, 8](#)).

Насыщенный жизнью не в блуде и пороках, а жизнью в Боге, в трудах домостроительства.

Слово на смерть мальчика Ярика Фокина

Погиб наш маленький Ярик. Это была радостная, искрящаяся, всеми любимая маленькая жизнь.

Глаза священника видят много скорби, много слез. Но очень редко приходится видеть скорбь столь светлую и святую.

В основу всякой семьи, всякого вообще доброго дела должна быть положена жертва. И сегодня уходит ко Господу жизнь ангельская, безгрешная, радостная и святая.

Для человека бездуховного, внешнего смерть часто исполнена ужасом, отчаяньем и безысходностью. И тем более такая смерть. И рвется вопрос: за что? зачем? почему?

Но люди духовные, напротив, проливая слезы жалости, тем не менее благословляют такую смерть – смерть, которая очищает, смерть, которая объединяет. И все мы, во множестве собравшиеся сегодня в нашей церкви у этого гробика, как никогда едины, единодушны как никогда, мы – целое. И это дал нам милый, уходящий от нас в путь всей земли, мальчик Ярик Фокин.

Православие, как и любая многовековая вера, говорит нам, что смерть безгрешного существа – это всегда посещение Божие, посещение очищающее, объединяющее. И когда мы отпеваем младенца, то мы не молимся о прощении его грехов. Мы молимся все, чтобы Господь безболезненно принял его к Себе.

Смерть в Боге всегда одновременно является и победой над смертью. Все мы чувствуем осмысленность происходящего здесь сегодня. И именно сейчас мы понимаем слова тропаря Святой Пасхи, где поется, что Христос смертью смерть поправ, т.е. Он своей смертью победил смерть, победил грех, победил ад. Господь показал нам, что за гробом нас ждет не зияющая дыра, или Ничто, или пустота безвременья – тогда зачем вообще нужна эта краткая, исполненная страданием и скорбью жизнь. Христос дает нам Жизнь и Жизнь вечную. И в этом наша пасхальная радость. И кто может отнять эту радость у нас?! даже смерть здесь бессильна.

Все мы дорожим жизнью, благоговеем перед жизнью. Один мой друг сказал мне недавно: «Не надо никаких чудес – самое большое чудо и мое уверение в Боге – это то, что я есть, что я мыслю, страдаю, радуюсь».

Но точно такое же благоговение мы, люди веры, испытываем и перед смертью. И у нас всегда вызывают сочувствие люди, которые брезгают подходить и прощаться с покойником, вообще бывают охвачены каким-то

мистическим ужасом душа их, хотя и слышит дыхание вечности, будучи непросвященной в Боге, боится и трепещет смерти.

Но тяжелее всех сегодня матери Ярика, его «дорогой мамочке». И что может быть больше этого страдания – стоять у гроба собственного сына! Это страдание проникает во все поры и нисходит до дна души. И может быть, эта скорбь приоткроет нам хотя бы отчасти муки Божией Матери при Кресте Сына Своего. Старец Силуан говорит, если бы Божию Матерь не укреплял у Креста Господь, то Она, наверное, умерла бы от горя. Но, милая Татьяна Леонидовна, все семь Ваших деточек сегодня с Вами. И я не оговорился, потому что и Ярик здесь и он молится за всех нас сегодня.

Церковь поет распятого Господа Иисуса Христа: Не рыдай Мене Мати, ибо ты скоро увидишь Меня воскресшим, живым.

Сегодня здесь собралось много детей – сестры, братья, знакомые и соседи Ярика. И мне вспоминается сегодня другая смерть – мальчика Илюшечки из «Братьев Карамазовых». И там все дети у могилы мальчика дали торжественную клятву. И мне самому хочется вместе с Колей Красоткиным и с вами, дорогие мои, торжественно сказать те же слова и у этого святого гробика: быть благородными, любящими, честными и добрыми.

Я хочу закончить свое слово отрывком из стихотворения одной прекрасной девочки Сашеньки, которая умерла в девять лет от тяжелой и страшной болезни. Это была дочка очень близкого мне человека, профессора МГУ. Последние дни она уже не вставала и написала по-детски чистое стихотворение, отрывок из которого я вам прочитаю:

«Спи, младенец мой прекрасный, баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный в колыбель твою».

Если смерть пришла так скоро – не пугай ее.

Смерть идет, идут и годы – значит надо все.

Не расстраивай отца ты, мать не огорчай,

Жди ты смерти, жди покорно, спи, не плачь, бай-бай.

Если встать теперь не можешь – значит уже все,

Значит, никогда не встанешь – ну и что, и что?

Ляжешь ты на койку смирно, ручки сложишь в крест. Ждать ты будешь тихо ангела – ангела с небес.

Настоящая наука есть только начаток того великого здания, которое построится в будущей жизни, непременно построится! И мы поймем некогда начало всех вещей земных и небесных. Мы поймем и что такое человек, душа, разум и значение истории, и различных живых существ, и природу духов, падших и блаженных. И, что важнее всего, поймем во всем

этом разум Божий, который есть «мера и правило всех вещей»
[Ориген](#)

О христианской педагогике в России

Фундаментальное положение (основополагающий догмат), которое является для педагога одновременно мистическим и рациональным духовным законом – есть догмат о двойной природе во Христе. А именно: Божественная и человеческая природы во Христе соединены одновременно и неслитно, но и не раздельно. При этом чисто полемически необходимо сразу же отметить демагогические инсинуации расхожего атеизма о якобы косности, непрогрессивности догматического церковного мышления. Строго говоря, любая мыслительная установка догматична. Так скажем, атеистический гуманизм жестко догматичен. Современный нерелигиозный гуманизм имеет следующие догмы: 1) Бога нет; 2) человек – центр Вселенной; 3) третья догма проективная и как бы неосознаваемая, но на самом деле – главная. Она звучит с различными вариациями так: Я – центр Вселенной; 4) смерти нет, есть только жизнь; 5) молодежное сознание, молодежная субкультура более прогрессивна, чем духовный институт старчества, который существует практически во всех духовно-развитых культурах, в том числе и в Православии.

Дидактические приципы

Принцип освоения религиозного, культурно-исторического наследия родного края

Понятие родной край является одновременно и мистическим и родовым (родным). Мистическим он становится через стояние на земле Храма, как живого и конкретного места соединения Божественного и человеческого. Храм – это место воссоединения горнего и дольного. Родовым оно является через мистику земли, ибо от этой земли были взяты наши предки. Здесь их могилы и дома. Здесь нынче и мы сами. И завтра мы отправимся вслед за ними «в путь всей земли».

Родина для нас россиян имеет, как правило, два концентрических круга. Это, во-первых, конкретное место рождения или становления (город, село) и более широкое понятие – это Россия. При этом трудно представить, чтобы кто-то называл Европу Родиной, разве что со стороны американского континента доносятся периодически ностальгические вздыхания о «доброй старой Европе».

Тверь – город Святого Спаса

(В день памяти святого благоверного Великого князя Михаила Тверского)

На всех улицах его будет раздаваться: аллилуйя, – и будут славословить, говоря: благословен Бог ([Тов. 13, 18](#)). Так говорится в Библии о святом городе – городе упования и мечты любого христианина. Именно эти слова приходят на ум в день памяти великого князя и мученика, покровителя Тверской земли благоверного князя Михаила. Имя это прославляется всей Церковью и тверичанами вот уже без малого семь столетий. 22 ноября (по старому стилю) в 1318 году по велению хана Узбека был мученически убит в Орде благоверный Михаил. Какие чувства побудили его отправиться в Орду на верную гибель?

Хан Узбек был настроен против князя Михаила и со дня на день собирался отправиться походом на Тверь и непременно сжег бы и разграбил город. Предвидя это, благоверный князь Михаил решил сам идти в Орду – погибнуть самому, но спасти город. И хотя ему предлагали бежать в Литву, но он выбрал Христов путь, путь принесения себя в жертву за людей.

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих, – говорит Господь ([Ин. 15, 13](#))

И именно такой любовью, любовью к своим землякам, к родным тверичанам было объято святое сердце мученика. И эту любовь сквозь столетия сохраняет Церковь Христова. Ибо именно находясь в ограде церковной, с болью смотришь на бедный, духовно и всяко обделенный тверской люд.

В 1319 году мощи Михаила Тверского были погребены в Спасо-Преображенском соборе в Твери. И русские люди издревле называли свою родную Тверь – городом Святого Спаса. И главная идея города – идея Преображения – преобразования души каждого тверичанина, преобразования улиц, домов, соборов.

Город Святого Спаса! Что случилось с тобой?! Как мог ты так пасть! Невиданное доселе пьянство и матерщина, воровство, грабежи, блуд, уныние и отчаяние, самоубийства, – вот теперь твое лицо! Как ты мог так легко поверить, что Бог и Спаситель, который множество раз спасал тебя, не приходил в мир. И как ты мог забыть гору Фавор, где Христос преобразился, чтобы явить славу Свою и проложить всем (и тебе) путь к покаянию, к очищению, к просвещению, к Свету. Но ты не захотел Света, ты выбрал тьму! Я мечтаю об исполненных достоинства мысли и светлой радости на лицах горожан, таких или почти таких, как на иконах тверской школы. Ведь те, кто мог писать такие лики – имели сами чистое и любящее сердце.

Я мечтаю, чтобы первого сентября, в День знаний, директор на пороге школы сказал бы первоклассникам: «Дети! Вы ступаете в дом знаний, где вас буду учить математике, физике и истории. Но кроме этого есть самое главное знание, наука из наук, которая заключена только в нескольких словах – наука любить Бога и ближнего, наука любить Церковь Божию. И чтобы ни случилось в вашей жизни, не теряйте веры – главное сокровище ваше. Будьте мудрее своих несчастных и обманутых отцов и дедов.»

Я мечтаю о чистом воздухе, о незамутненной Волге, изобилующей рыбой, как было некогда в нашей древней Твери.

Я мечтаю, чтобы городские начальники приходили в Храм и молились бы за свой город и народ, вверенный им здесь на земле Богом.

Но эти мечты совсем несхожи с ложными надеждами тех, которые не так давно хотели построить Царствие Божие на земле без Бога, да еще и насильно.

Я мечтаю обо всем лучшем для города, но нет иного пути для этого, как пути личного спасения и личного покаяния. Скопом, гуртом, коллективом можно только падать в бездну греха. Но возрождаться, приближаться к Богу можно только каждому в отдельности. спасение

всегда лично, хотя и в церковной соборности. Ты говоришь, что в церкви много недостатков. Войди в нее, стань не чужим, но своим Богу. И яви свое благочестие и праведность. И мы взирая на тебя, будем сами становиться лучше, чище.

Давайте же еще вспомним сегодня эти дивные слова: Город Святого Спаса! Когда-то так называлась наша Тверь. Вспомним со слезами припадем к тому, кто крови своей не пожалел за нас и от сердца возопим ему: Благоверный княже Михаиле, моли Бога о нас грешных!

Принцип меры

На этот принцип указывают практически все великие педагоги. В образной и красивой форме он сформирован еще в IV в. Антонием Великим. Египетский патерик повествует: «Пришел некто в пустыню поохотиться на диких зверей застал Антония, когда тот говорил братии речи шуточные, и подумал о нем не хорошо. А старец, желая изъяснить ему, что иногда братии должно быть оказано снисхождение, говорит ему:

– Положи-ка стрелу на лук твой и напрягай тетиву.

Тот сделал по слову его. Старец опять говорит:

– Еще напрягай!

Тот напрягает вовсю; а старец снова за свое:

– Напрягай!

Отвечает ему охотник:

– Знаешь, если напрягну чересчур, тетива порвется.

И тут молвит старец:

– Вот так-то и с делом Божьим. Если беседуя с братьями, напрягать тетиву превыше данной им меры, они скоро сорвутся. Вот и нужно в кои-то веки явить им чуточку снисхождения.

И охотник, получив многую пользу душевную, удалился; и братья, утешаясь от шутки, отошли восвояси²⁶.

Принцип меры имеет и свой аскетический аспект. Мы говорим об этом, когда касаемся молитвенной нагрузки наших детей. Она должна быть дозирована – не больше и не меньше. Молитва имеет момент трудничества, но для ребенка она должна быть преимущественно в радость.

Принцип меры имеет также психофизиологический или клинический аспект. Он необходим нам, когда мы строим различные образовательные программы (особенно альтернативного типа), часто без учета уровней утомляемости и истощаемости современных детей. Надо, в частности, задуматься в связи с этим – а нужно ли сегодня нашим детям гимназии изучение греческого и латинского языков. Не есть ли это просто слепой,

механистический, реставрационный подход. Но в XIX веке и воздух, и вода, и продукты были другого качества! Все эти проблемы, которые ныне требуют самого серьезного исследования, в том числе и клинического. Что касается самого качества и содержания образовательных и религиозных программ, то я полностью солидаризируюсь с позицией [митрополита Сурожского Антония](#) (Блума). Он пишет: «Детям нужна не осведомленность, а живой контакт, который может взволновать душу, вдохновить, нужна не просто история...» Родители должны...«не превращать опытное знание (ребенка – Б. Н.) в мозговой катехизис». Я думаю, что если дети говорят, что отец Иван или отец Петр «рассказывает интересно», то цель во многом достигнута и семена веры, надежды и любви будут посеяны.

На Рождество Христово²⁷

Я рад приветствовать Вас всех в этом прекрасном, старинном здании Центрального детского театра.

Сегодня мы будет смотреть спектакль по мотивам дивной сказки Андерсена «Снежная королева», но я ни в коем случае не собираюсь пересказывать вам ее содержание. Я хотел бы только напомнить начало этой сказки. Там говорится, что на свете жил злющий-презлющий тролль. Он бросил на землю зеркало. Зеркало разбилось, осколки попадали в сердца людей, и люди сразу менялись. Попал такой осколок и мальчику Каю. И он стал не только злой – это полбеды. Он совсем забыл – откуда он родом, забыл всех своих близких. Но нашлась девочка Герда, которая решила спасти Кая. И не даром именно эта девочка взялась за это трудное дело. Ведь «Герда» в переводе на русский язык – значит «защитница». Удалось ли ей это, вы увидите сегодня...

В наших сердцах тоже, к несчастью, есть, может быть и небольшой, но противный «осколочек» того зеркала. Мы бываем злые, нахальные, ленивые, бывает, и врем. Мы также иногда не слушаемся своих маму и папу. А многие взрослые ходят сейчас с унылыми лицами, они что-то потеряли, страшно важное и как Кай забыли что-то самое главное.

И хотя в мое сердце тоже время от времени попадает этот осколок, я все же попытаюсь напомнить вам, что мы потеряли.

Это было давным-давно, 1993 года назад. Тогда Римской Империей правил император Август. Он решил узнать, сколько у него людей в империи и велел всем переписываться в книги, чтобы потом подсчитать, кто жил тогда в его огромной империи.

И вот в Палестинский город Вифлеем пришел записаться сам и записать свою семью некто Иосиф, которого в истории Церкви именует

Обручником. Он и привел Ту, Которая и родила потом мальчика Иисуса – Пресвятую Богородицу, деву Марию. Пришло время родить Марии, и она родила Сына и назвала его Иисус. Еще задолго до этого события деве Марии явился Архангел Гавриил и объявил ей о том, что она родит Сына от Духа Святого и нарекут ему имя Иисус, что в переводе значит Спаситель. И в это же время, в далекой Халдее на небе появилась необыкновенная звезда и звездочеты (их звали волхвы) пришли по этой звезде в Вифлеем и поклонились Богомладенцу Христу. И, кстати, после этого можно уже не гадать по звездам. Потому что под каким бы созвездием ты не родился – не бойся свой судьбы. Молись Богу, и Оно откроет тебе твой путь, и ты будешь не рабом созвездия Пегас или Рыбы, под которым ты родился, но другом Божиим.

Пришли поклониться ко Христу не только мудрые волхвы, но и простые пастухи. Они пасли скот и вдруг услышали ангельское пение.

Пройдет 30 лет, и мир будет удивлен и изумлен величайшими чудесами этого человека. Люди будут тысячами ходить за Ним, чтобы услышать слова Правды о том, как надо правильно жить на этой земле. как нам любить Бога и своих маму, папу, бабушку и сестренку. И когда они молились, то в их сердцах было тепло-тепло, радостно-радостно. И там не было даже маленького стеклышка.

Но все же у Иисуса нашлись враги, он был убит и распят на Кресте, и все уже стали думать, что скоро опять все будет по-прежнему – уныло, тоскливо и плохо. Но вот прошло 3 дня со смерти, и Он воскрес. Сотни людей видели Его, касались Его, чтобы убедиться – правда ли, что это Он! Иисус объявил, что человек умирает телом, но душа его отправляется в вечность. И еще Он оставил нам Церковь, где теперь уже всегда невидимо (а для многих святых и видимо) присутствует Он Сам.

Но, мои милые, было ужасное время у нас в России, и это было совсем недавно, когда многие люди стали гордыми и подумали, что им не нужен Тот Младенец, им не нужен Бог, им не нужна и Церковь. Эти люди поклялись, что построят огромный большой дом и будут жить там без Иисуса. Им казалось, что они строят этот дом, не подозревая, что на самом деле все это время они рыли днем и ночью ужасную черную яму. Сатана (а он вовсе не сказочный тролль) тем временем заползал в их сердца. И они стали унывать, злиться, и главное – почти перестали любить. Так же, как и Кай, забыли своих дедушек, прадедушек, прабабушек. Они сделали даже большее зло: прокляли культуру и веру своих предков. Они забыли, как жили люди на этой же земле 200–300 лет назад. Но на нашей земле все же осталось совсем немного людей, которые жили рядом с ними и молча

ждали – когда же придут те дни, когда можно будет сказать этим несчастным хотя бы словечко. И вот такой день наступил. И это был день, когда яму прорыли до дыры, и тогда все остановились и ужаснулись. И тогда горстка людей, их зовут христиане, стали говорить всем вокруг что Иисус в Вашем сердце, Вы просто забыли его. Позовите Его и вы сами почувствуете – как сначала будет больно колоть сердце, а потом тепло постепенно разольется в Вашей душе. И мы ощутим то, что называется прекрасным словом Благодать.

И тогда мы вдруг увидим, что перед нами наша милая мама, или наш друг. И мы вспомним, что мы люди разных национальностей – великий народ, что мы все вместе, а не поодиночке. И вот тогда возвратится самая главная радость на свете, что я знаю и люблю Бога. Что Сам Бог есть любовь. Аминь.

Принцип единства мистического и рационального

Принцип здорового, трезвенного вхождения в духовную жизнь является основой православной аскезы. Глубина веры всегда должна сочетаться с безвидной молитвой, т.е. это значит, что во время молитвы не нужно ничего себе представлять. Отцы Церкви говорят, что если молодой подвижник полез на Небо, тащи его оттуда за ноги. Поэтому, скажем, в монашеской жизни очень много вполне конкретного, физического труда. Высшие же ступени духовной жизни доверяются только тем, которые прошли так называемый монашеский искуc. В этом великая мудрость, это и есть охранительная функция Церкви. Эта древняя практика постепенного вхождения в духовную сферу предохраняет от психических расстройств и заболеваний.

Используя различие мистического и рационального, можно видеть что сектантские группировки уклонились от трезвения и мистифицировали свой духовный строй. В этих сектах преобладает дух жажды постоянных видений, откровений. Это, скажем, тают религиозные объединения, как секта пятидесятников и богородичный центр.

Другие религиозные направления, напротив, отрицают таинства Церкви, рационализируют и крайне упрощают и сокращают богослужения, делают упор на помощь больным, социальной работе и пр²⁸. Это прежде всего объединения баптистского и протестантского толка. Крайней же формой рационализма является атеизм, но, впрочем, он лишь на короткий срок (несколько десятилетий) оставался посясторонним. Всегда на почве неверия как сорная трава произрастают суеверия и оккультизм. Что мы и наблюдаем ныне в нашем общественном сознании. Скажем, астрологические прогнозы подаются у нас как нечто

само собой разумеющееся. Обыватель или забыл, или не знает, что астрология – это древняя оккультная, демонологическая дисциплина, которая проклята Богом. В Библии пророк Исайя, говоря о Страшном Суде, предрекает страшную кончину блудницам, пишет о них: Ты (блудница – Б. Н.) утомлена множеством советов твоих; пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и скажут тебе от того, что должно приключиться тебе. Вот они, как солома: огонь сожжет их, – не избавили души своей от пламени... никто не спасет тебя ([Ис.47, 13-15](#)). «Никто не спасет тебя» – эти слова очень и очень важны сегодня.

Невероятно точно высказывается об образе сегодняшнего атеиста-ученого в своей знаменитой книге «Письма Баламута» К. С. Льюис. Старший бес, дядя Баламут, поучает своего племяншу Гнусика – как наиболее удачно искушать людей. И, в частности, он пишет ему: «Если нам когда-либо удастся создать изделие (современного человека – Б. Н.) высшего качества – мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и расплывчато именуется «силами», отрицая при этом невидимый мир, мы будем близки к победному концу... «Черти» – комические персонажи для современных людей, и это поможет тебе...²⁹

Принцип соподчинения духовного, душевного и телесного в структуре личности

Евангелие говорит нам, что есть люди плотские. Это те, как говорит апостол Петр, которые идут вслед скверных похотей плоти. Есть люди душевные, а есть духовные. Одновременно и о тех и о других точно говорит апостол Иаков: Мудр ли и разумен кто из вас, докажи это на самом деле Добрым поведением и мудростью. Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, и не хвалитесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, там неустройство и все худое. Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и не лицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир. ([Иак. 3, 13–18](#)).

Безусловно-пока человек жив, границы духовного, душевного и телесного остаются преодолемыми. Путь же вверх к духовному – путь покаяния в Боге. Путь вниз – путь грехопадения. Это аскетический аспект этой триады. Но есть и другой – это сфера социальной активности. И если духовному могут соответствовать религиозные потребности и соответствующая им деятельность (скажем, литургическая), то душевным потребностям может соответствовать сфера искусства, увлечений и т.п.

Телесной же соответствует сфера спорта, физического труда. Так духовный человек – это тот, кто пытается с помощью Божией не уничтожить, а подчинить сферу душевную и телесную духовным основаниям своей жизнедеятельности.

В этом собственно и состоит принцип, на котором можно строить дидактические программы. Задача не в том, чтобы задавить душевное и телесное ради духовного задача в том, чтобы сбалансировать все три сферы.

Что такое Жизнь

(Слово на выпускном школьном вечере)

На выпускных вечерах во всех школах часто повторяется: «Ребята, вы выходите в жизнь», «У вас начинается самостоятельная жизнь».

В связи с этим мне вспоминается беседа оптинского старца Варсонофия. Он рассказывал об одном простом малообразованном монахе, который пришел приветствовать выпускников Санкт-Петербургской Духовной академии. Перед ним сидели богословски образованные, знающие и древние, и новые языки молодые люди. Многие из них уже приняли священный сан. И он обратился к ним: «Я хочу задать вам только один вопрос. Скажите: что такое жизнь?» И зал затих в замешательстве.

Одни из вас ответят: жизнь – это борьба. И будут правы. Борьба – это залог нашего развития, движения. Ибо на нашем пути встретится много препятствий. Вы будете бороться за свое существование, вы будете вынуждены утверждать себя, свою позицию на производстве, в семье. Вы будете бороться, если желаете, и с собой – со своими недостатками, несовершенствами.

Но если жизнь – только борьба, то в этом так много жестокости, бесконечных и изнуряющих усилий. В борьбе самой по себе много озлобленности и мало добра.

Иные скажут, что жизнь – это игра, театр. Но неужели мир – просто балаган, а все мы марионетки с раз и навсегда выученными ролями?! Любой человек предчувствует, что жизнь глубже, шире рамок только игры, театра...

Так вот что ответил старец. Он произнес слово, не привычное для светских ушей, забытое суетливым миром. Он сказал: «Жизнь – это блаженство».

Многие отмахнутся: где же блаженство в нашей сегодняшней жизни? И я отвечу. Если вы никогда не переживали и чувства радости, благодати, тишины и благоговения перед святыней, если вам неведомо все это, то вы обездолены, вы окрадены.

Блаженство – такое состояние души, которое совсем не зависит от вашего внешнего благополучия, успешности, карьеры.

В вашей жизни, ребята, обязательно будут часы, месяцы, годы, когда жизнь окрасится в серые тона, будет однообразной, бесцветной. И вы потеряете как бы само ощущение жизни, не будете чувствовать ее, дыхания. Скука, уныние, никчемность, цинизм, крайняя немощь, апатия – все это знаки того, что человек исчерпал свои собственные жизненные силы. Но нужно, обязательно нужно найти благодатный Источник энергии, который обновит душу.

Вы молоды, и вам кажется неоригинальным взять и просто пойти молиться в русскую церковь.

Но я как человек, тоже искавший некогда на этой земле подлинную жизнь, свидетельствую вам, что на нашей русской земле уже давным-давно есть место Великой жизни, Великого обновления и вечной молодой души. Это – Церковь Христова!

И еще один последний совет, пусть он не покажется вам банальным, – любите Россию. Всегда знайте, что Богом вам дано жить в великой стране. Наша земля сегодня поругана, унижена, но не убита. Не ищите виновных. Это лишит вас благодати Христовой. Скажите лишь: я и сам не без греха, и начинайте трудиться.

Да благословит вас Господь наш Иисус Христос. Дай Бог, чтобы ваши жизненные пути были прямыми, радостными и глубокими.

Центром духовной жизни православного христианина является литургия. Она так или иначе охватывает все главные временные циклы: годовой, недельный, дневной. К литургии тяготеют все православные таинства. В литургии мистически воссоединяется все церковное искусство: пение, архитектура, иконы и духовная поэзия. В литургии приносится бескровная Жертва. И, наконец, в литургии и через литургию достигается подлинная соборность, – единение прихожан (в том числе и детей) в таинстве святого причащения Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Данные представления должны быть развернуты подробно, но сейчас ограничимся лишь утверждением, констатацией.

Основополагающие или базисные нравственные чувства

В этом разделе нам стоит если не во всем, то во многом солидаризироваться с позицией В. Соловьева («Оправдание добра»), где он выделяет три основополагающих чувства, характеризующих нравственное начало личности. Это: чувства стыда, жалости и благоговения перед святыней. Заметим, что речь здесь идет не об эмоциях и чувствах в их традиционном понимании. Это скорее эмоциональные нравственные

установки, пронизывающие все сферы личности, в том числе и бессознательную сферу.

Стыд – надо понимать как установку на целомудрие и душевную чистоту. При этом надо различать патологическую стыдливость, которую мы видим в рамках невротозов и эндогений, и стыд, как неуступчивость пошлости, как стояние чистоте. Идеалом целомудрия и чистоты для нас является образ Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии.

Жалость тождественна любви. В Православном сознании жалость – это то, что покрывает мир. Православному человеку всех жалко. Ибо знаем, – говорит апостол Павел, – что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего ([Рим.8, 22–23](#)).

Благоговение перед духовной святыней – это чувство, с одной стороны, совершенно понятное с другой стороны – плохо поддается описанию. Один подвижник говорил, что благоговение – это соединение страха Божия и радости о Боге и Спасителе. Видимо, оно (благоговение) связано с устроением души, которая, приближаясь к некоторым предметам, чувствует соприсутствие Божие. Нужно при этом нечто совершить и внешнее и внутреннее. Как Моисею было сказано Богом, когда он увидел куст («неопалимую купину»), который горел не сгорая: Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая ([Исх. 3, 5](#)).

Но без веры в Бога – нет благоговения – а есть лишь уважение к святыне. Без благоговения, на мой взгляд, духовное образование бессмысленно. Это есть лишь образование, информационный подход: сведения об Аврааме, преподобном Сергии и т.д. Но, как говорит апостол, такое знание надмевает, а любовь назидает ([1Кор.8, 1](#)).

Соборное начало церкви как доминанта формирования детских и юношеских братств

В православном богословии и философии существует большая традиция по описанию того – что есть церковная общность. Она описывается труднопереводимым словом соборность, соборное сознание.

Каждый приход – есть семья. В этой семье всегда бывают трудности, напряжения и проблемы. Но идеалом, эталоном для христианина остается тот дух единения, который имеет место в первенствующей, апостольской Церкви. Автор Деяний святых апостолов пишет: Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно

пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви. ([Деян.2, 44–47](#)).

Дух, сама атмосфера апостольской соборности – является всегда образом и для нас. Этот образ является поводом для нашего покаяния, молитвы и трудов для того, чтобы и у нас было также, или близко к этому.

Соборность и церковность предусматривает наличие иерархии. В приходе есть настоятель – он глава прихода и в этом смысле образ Христа. Но начальствование настоятеля всегда сочетается с его готовностью послужить всякому и каждому на приходе. Как и Христос омыл ноги своим ученикам. Именно такая иерархия является благодатной. В основе благосостояния и процветания прихода не может быть не положена жертва любви. Во-первых, это Жертва самого Христа, во-вторых, предков и усопших праведников этого прихода, в-третьих, ныне здравствующих настоятеля, священников и прихожан.

Детское и юношеское православное братство может и должно формироваться на трех базисных видах жизнедеятельности: совместная молитва, совместный труд и учение, совместный отдых (в широком смысле: общение, развлечения и пр.).

Поэтому православное братство предлагает наличие двух начал: духовного отца, вокруг которого растут и развиваются (духовно, душевно и телесно) дети, и Храма, как общего Дома братства.

Дидактические антиномии

Как отмечалось многими мыслителями и богословами, Православное мышление антиномично. В данном случае антиномия – есть некое таинство, где встречаются и объединяются в Святом Духе две противоположности. Мы предлагаем несколько таких антиномий и даем себе слово и впредь набирать банк таких оппозиций и описывать их.

Антиномия – это инструментарий, который задает некое семантическое, смысловое поле для рефлексии и описания жизнедеятельности братства.

Антиномия свободы и послушания.

Вроде бы послушание – это ограничение свободы. И даже Господь накануне своих страданий говорил Богу и Отцу: да минует Меня чаша сия ([Мф.26, 39](#)). Но несмотря на это, Он по словам апостола: смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной ([Фил.2, 8](#)). О церковной строгости и послушании есть много рассказов в житиях святых и патериках. Именно дисциплина, твердость и послушание помогли Церкви выстоять перед наглостью и зверствами большевизма³⁰.

И вместе с тем Христос пришел, как пишет евангелист Лука, отпустить измученных на свободу ([Лк. 4,18](#)). Апостол Павел прямо призывает в Послании к галатам: стойте в свободе ([Гал. 5, 1](#)). Он же говорит в другом послании: где Дух Господень, там свобода ([1Кор.3, 17](#)). Вместе с тем он же и предупреждает:.. К свободе призваны вы, братья, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. ([Гал. 5, 13](#)).

Антиномия вселенского и местного

Эта антиномия снимает уклонения в крайности. А это, во-первых, бесосновный космополитизм, ущербность которого заключается в отсутствии чувства Родины, нормального патриотизма, отсутствие понятия служения Родине и пр. Внешняя и в каком-то смысле и внутренняя скомпенсированность и успешность таких людей достигается как правило, за счет состояния у них духовного нечувствия, которое есть предвестник деградации личности. При этом, естественно, не имеются ввиду эмиграционные процессы, мотивация которых может быть самая разная.

Другой полярной крайностью является национализм. Это есть абсолютизация значимости своей земли и народа. Сопровождается, как правило, оппозиционностью к мировому сообществу, духовной мнительностью, подозрительностью, поисками врага, отсутствием покаянного духа.

В главе «Мистика земли» мы подробно говорили о пути духовной индукции, который является нормальным и цивилизованным ходом. А именно: от освоения духовного и культурно-исторического наследия своей земли – к освоению вселенского духовного опыта.

3. Антиномия традиционного и прогрессивного

Она также очевидна. В. Соловьев рассказывает замечательную притчу, которая поясняет это различие. Пришел в мир Учитель (Иисус Христос), построил фундамент здания (начатки Церкви), оставил проект (Евангелие) – как строить дальше и ушел. Пришли одни люди и сказали: проект не ясен, будем консервировать основание. Другие сказали: основание устарело – будем строить на новом месте. Третьи же сказали: вспомним – что сказал Учитель: Он сказал – стройте на установленном основании.

В этом смысле одинаково вредны как старообрядские (консервативные), так и протестанские (модернистские) мотивы.

Прогнозы и результаты

Очень коротко стоит сказать о том, что считать успехом в работе – о

результатах и прогнозах.

Личность ребенка, как и взрослого, является тайной. У всех есть периоды спадов и подъемов. Это точно так и для духовной сферы. Мы видим, что детский возраст до полового созревания, как правило, имеет большие потенции для вхождения в духовные сферы. Подростковый и юношеский возраст характеризуется спадом, а после 20–25 лет вновь намечается рост интереса к духовной стороне жизни.

Вполне возможно, что те из детей, которые были воспитаны в христианских семьях, в воскресных школах, могут в дальнейшем вообще отпасть от Церкви и от Бога. Но даже если перед смертью этот человек принесет искреннее покаяние, исповедуется и причастится святых Христовых Таин – даже это можно будет считать великой удачей в работе воскресной школы.

А эмпирически очевидная удачная работа воскресной школы или гимназии – эта та, где постоянно, из года в год поддерживается дух соборности, дух особого единения и любви.

Свобода духовника состоит в том, что он должен лишь сеять, сеять умело, а почву – плодородную или каменистую выбирать не нам. Это соответствует словам апостола Павла, которыми мы и завершим скромный труд:

Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, через которых вы уверовали, и притом поскольку каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, все Бог возвращающий. Насаждающий и поливающий суть одно: но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива, Божие строение (1 Кор. 3, 6–9).

Воспитание мальчика-христианина

(Полевое исследование)

Воспитание мальчиков в любой стране являет собой краеугольный камень педагогики. Какие воспитываются нынче у нас мальчики – от этого будет зависеть вся судьба державы нашей.

Мальчик как будущий воин

Наивно полагать что все же наступят такие времена, когда люди перестанут воевать. Это наивная и к тому же вредная утопия. Поэтому воинское воспитание мальчика, формирующее мужество прежде всего – фундамент характера мальчика. Американский проповедник К. С. Льюис пишет: «Целомудрие, честность и милосердие без мужества – добродетели с оговорками. Пилат был милосерден до тех пор, пока это не стало рискованным». Формы обучения, где есть элементы воинского воспитания, могут быть различны, – начиная от спортивных секций и кончая летними трудовыми лагерями и пр. Дисциплинированность, собранность, умение терпеть и преодолевать трудности (холод, усталость, неудобства и т.п.). Характерным свойством русского воинства всегда был его оборонительный, неагрессивный характер. Это пошло со времен равноапостольного князя Владимира, который завещал никогда не нападать первыми.

Традиционно русское воинство было христианским. И поэтому к мужеству всегда добавлялось еще одно важнейшее личностное качество – это жертвенность. Нет большей той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих, – говорит Господь.

Презрение смерти, стояние до конца за свой народ – вот признаки русского воинства.

Немаловажным здесь же является воспитание дисциплинированности, послушания и забвения себя, без которых немислимы ни армия, ни Церковь.

Недаром формированием русского мужчины в России исторически всегда занимались монастырь и армия. Более того, армейская дисциплина, где послушание всегда было без ослушания, в своих дисциплинарных нормах всегда калькировала монастырь.

Осуществление этой части воспитательной работы сопряжено еще и с идеалами отечественных героев-воинов: святым благоверным князем Александром Невским, А. В. Суворовым, М. И. Кутузовым и другими.

В Детском Православном Центре «Новая Корчева» в Конакове данная задача реализуется в детских трудовых летних школах, в работе капеллы мальчиков, в группе мальчиков-алтарников в храме. Сейчас разворачивается сотрудничество с детской школой борьбы, где установка на готовность и дисциплину общеизвестна.

Важнейшим моментом является сходство общностей в Православии и в русской армии. И то и другое можно без оговорок назвать братством.

А это – есть альтернатива, с одной стороны, «кампашкам» и групповщине; стремлению к индивидуализации и отчуждению – с другой.

Принципиальная особенность братства состоит в том, что оно совмещает в себе дисциплинированность и послушание со свободой и сохранением себя и своей автономии. Российское воинство исторически имело еще два неотъемлемых свойства. Оно, во-первых, было христоролюбивым, т.е. любящим Христа и Господа, а во-вторых, добропобедным. Победы, которые, доставляла русская армия своему народу – это были победы добра над злом. В то же время русские воины в своем великодушии восходили до жалости к врагам. Нам могут привести много примеров, которые противоречат вышесказанному. И с этим надо будет обязательно согласиться для того, чтобы восстановить прекрасный идеал русского воинства.

Мальчик как российский интеллигент

В это понятие включаем сразу несколько составляющих.

Первым является патриотизм, любовь к Родине. Патриотизм – это прежде всего осознание русской земли как своей, это осознание себя ответственным за эту землю, за ее благосостояние, это осознание себя в диалоге с живой историей земли. Это, наконец, и осознание себя в ряду поколений, населявших эту землю. Уточняя последнее, можно говорить о формировании ответственности за прямое наследование хозяйствования на земле. Это, наконец, формирование готовности простить (не осудить) ошибки отцам и дедам и искупить их своей жизнью. Последнее можно назвать выпрямлением пути рода (семьи) и народа в целом.

Нормальный, цивилизованный патриотизм не базируется на ненависти к другим каким бы то ни было народам.

Интеллигентность включает также и близость с природой, чувство своей природы, любовь к ней – как созерцательную, так и деятельную.

Вместе с тем понятно, что интеллигентность – это вовлечение и освоение европейской и мировой культуры в целом. Путь к этому лежит в том числе через хорошее знание языка, туризм, знание мировой музыкальной культуры, литературы и истории мировых религий.

Особенность русского интеллигента часто связывают с разного рода сомнениями. Это нормально! И это не потому что он безосновен и не потому, что он сделал сомнение способом жизни. А потому, что сомнение для него – это повод обретения Истины. Он сомневается потому, что пока не видит Истины в полноте. Однако если сомнение стало способом мышления, то это приводит неизбежно к вырождению личности. А именно: к цинизму, унынию и отчаянию.

Юноша как будущий отец и мать

Отцовство, как известно, предполагает чувство ответственности, жертвенности, строгости, великодушия и трудолюбия.

Кроме того отец молитвенно предстательствует за свою семью перед Богом и понимает очень хорошо, что надо трудиться ради семьи, но хранится она Господом. Он помнит слова Священного Писания: дом незаконных разорится (Пр. 14, 11).

Внутренний мир юноши и его формирование

Как известно есть внешнее и внутреннее благочестие. Внешнее благочестие включает в себя известные нормированные типы поведения, принятые в обществе. Однако большая опасность здесь заключается в абсолютизации ценности внешнего, т.е. в эстетстве. В то время как внешнее не существует без внутреннего. Внешнее вообще лишь некая оболочка внутреннего. Мы часто повторяем с чувством словосочетание «внутренний мир человека». А между тем ни современная психология, ни этика не знают законов духовной жизни человека.

Есть два момента, относящихся к основам духовной жизни. Первый момент – структурный. Второй – динамический.

Основополагающим духовным чувством, которое является верным знаком благочестия (или по крайней мере борьбы за него) является страх Божий, как у юноши, так и у девушки. Начало мудрости – страх Господень, – говорит псалом.

Чтобы снять расхожие атеистические суждения, что-де нельзя, мол, строить воспитание на страхе и трепете, – таим мы ответим, что страх – это, как говорит псалом, лишь начало мудрости, но еще не сама мудрость³¹.

У мальчика должна появиться с детства некая способность «глядения в себя». И это не просто самонаблюдение, а это самонаблюдение в Боге, которое, с одной стороны, склоняет к покаянию, а с другой – не дает унывать, но дает благодать, радость и покой.

В своих воспоминаниях детства протоиерей Сергей Булгаков пишет, что в детстве у него было, по сути, одно откровение, живая память о

котором возвратила его много позже на путь спасения. Будучи мальчиком, он после рождественского ночного богослужения вышел на улицу. И его посетила невыразимая благодать радости, покоя и близости Божией.

Вот такой положительный опыт богообщения должен быть у каждого православного ребенка.

Не будем касаться еще многого того прекрасного и высокого, которое должно быть содержанием внутреннего мира ребенка. Скажем лишь еще об одном важном обстоятельстве.

Дело в том, что одним из пороков современного нерелигиозного гуманизма является абсолютизация так называемой молодежной культуры. Говоря определеннее, культура нерелигиозного гуманизма вообще не знает института старчества, духовничества. А это, мягко говоря, не очень хорошо. Все духовно развитые цивилизации почтительно относились к старцам, именуя их мудрецами, духовниками, аксакалами, гуру и пр. В России культура старчества взяла свое начало от преподобного Сергия, игумена Радонежского. Далее мы можем говорить о таких столпах православного наставничества, как преподобный Серафим Саровский, праведный Иоанн Кронштадтский, оптинские старцы...

Разговоры о том, что «сейчас уже нет старцев» ведутся по меньшей мере 1000 лет. Так, в одной из работ [Симеон Новый Богослов](#) пишет примерно следующее. Вот, мол, ходят монахи по нашему монастырю и говорят, что истинных старцев больше не будет. Преподобный Симеон жил в десятом веке. Преподобный Сергий еще не родился. Тот же автор пишет по этому поводу так, что лучше иметь духовником просто благочестивого монаха или приходского священника, чем жить самочинно, вне благословения и совета.

Русский мальчик должен с детства привыкнуть исповедоваться и советоваться с духовником³². Это нормальное духовное отправление. Как семейный врач, зная с детства того рти иного мальчика, позже легко и быстро определяет, почему у него, скажем, болит голова. (Потому что это, к примеру, остаточное явление после травмы и т.п.) Точно также и духовник, зная много лет особенности душевного устройства мальчика (позже юноши), быстро и правильно может распознать историю того или иного порока, духовного кризиса и т.д.

В заключение перечислю важные нравственные качества и психологические способности, которые, на мой взгляд, особенно актуальны в воспитании сегодняшних наших мальчиков.

Это – патриотизм, мужество, понятие о грехе, опыт покаяния в Боге; опыт благодати, радости и покоя после искренней молитвы, близость с

природой, жертвенность, чувство стыда и жалости, терпимость к любой мировоззренческой позиции на фоне спокойного и глубокого осознания своей.

Отрицательные социально-психологические типы современных мальчиков и юношей

Описанные ниже характерологические особенности современных детей не являются калькой психофизиологических характеристик того или иного типа мальчиков и юношей. Это собирательные образы сегодняшних детей. И дай Бог, если автора обвинят в том, что он сгущает краски. Это тогда еще слава Богу!..

Асфальтовый мальчик

Жизнь города – жизнь, удаленная от природы, накладывает на ребенка свою особую печать. Это нередко формирует некую грациозность, утонченность, женственность, а также отсутствие простоты и мужества.

Кроме того, такой мальчик нередко воспитывается либо в неполной семье, либо в семье, где он – единственный ребенок. И это тоже довольно часто порождает эгоизм, тщеславие, одиночество, трудности в общении со сверстниками, депрессию, витальную тоску и уныние.

Город осознается при этом нередко как нечто узкое, то, что сковывает, как «каменный мешок».

Если мальчик делает успехи по музыке, то своеобразная музыкантская утонченность также нередко ведет к депрессивности, нервности, истеричности, тщеславию, капризности, возникает своеобразный феномен «кумира семьи».

Упования родителей на то, что «великая музыка» сама по себе сможет облагородить душу – все эти упования, как правило, оказываются тщетными. Ибо великое искусство развивает лишь душевность личности. А начитанность, многознание и осведомленность таких детей не рождает, к сожалению, светлого ума. Начитанность и осведомленность, не подкрепленные духовностью, рождают все те же высокоумие, надменность и нередко цинизм.

Собственно же одухотворение приходит через веру и религиозность. Кстати, именно поэтому композиторы писали как религиозную, так и светскую музыку.

Не надо понимать автора в том смысле, что он пренебрегает искусством. Отнюдь! Религиозное искусство и светское многим обязаны друг другу. Речь идет здесь просто о разных уровнях: воспитание душевности и воспитание духовности.

Отсутствие духовного воспитания рождает праздность души.

Праздность, пустота, неостребованность души возникает даже и при формальной загруженности детей в различных школах, секциях и кружках. Но свято место никогда не бывает пусто. Чисто энергетически душа ребенка постепенно заполняется энергиями, имеющими безблагодатную, а часто и откровенно демоническую природу.

С этим связаны излишняя мечтательность и романтизм, сопряженные нередко с частичной потерей чувства реальности. Глубина депрессивности у многих сегодняшних детей все чаще сочетается с суицидальными тенденциями.

Описанные отрицательные характеристики социального «верха» детского общества, увы, не делает его верхом в подлинном смысле этого слова. И причин главных здесь две: отсутствие мужества и праздность. И нам, священникам, приходится очень часто выслушивать горькую исповедь матери о той или иной трагедии в жизни сына и восклицания типа: «За что, ведь я все ему дала».

Социально-психологический тип уличного жлобства

О социальном низе современного детского и подросткового сообщества сказано немало. Но в основном это лишь описание жутких картин подростковой наркомании, ранней проституции, невероятной жестокости и садизма детей и т.д. Однако мало сегодня работ, которые открывали бы подлинные причины появления у нас невиданного до сих пор нравственного падения детей и подростков.

Важнейшим психолингвистическим феноменом всего социального низа, всей сегодняшней российской улицы является матерщина³³.

И очень наивно понимать это как просто моральный недостаток. Употребление матерных слов – это каждый раз нравственный проступок, который имеет не только рациональную, но и духовную природу.

Дело в том, что человек-единственный из всего живущего на земле, – является обладателем слова. Человек, по определению многих философов, – это словесное животное.

Апостол Иоанн Богослов начинает свое Евангелие с известных слов: В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог ([Ин.1, 1](#)).

Этим подчеркивается творческая сила слова. Сам Бог именуется Словом. И первые, зарождающиеся сокровенные, глубинные (главные) чувства и откровения у ребенка, подростка и юноши он должен поименовать, т.е. назвать своим именем. У каждой вещи, каждого чувства, любого города или села есть свое имя. И если вещь, чувство или город переименовывают, то, скажем, вещи начинают портиться, ибо с ними, неправильно поименовав, начинают неправильно обращаться. Город также

оскверняется. Так как люди, переименовав город, подменяют потом и очень многое. Лгут! Так и с чувством. Высокая, чистая любовь, названная матерно, оборачивается постепенно простой похотью. Юноша обязательно должен первую любовь к девушке назвать (пусть про себя) любовью. Это слово должно быть знакомо ему. Оно должно быть его словом. Он должен сказать (опять же пусть про себя), что наш русский лес осенью невероятно красив. Если он видит красоту, но не говорит об этом вслух (или про себя), то он слепнет и перестает видеть красоту. Он должен ощутить уже очно рано тихую, благодатную радость от утренней молитвы. И сказать об этом. Разделить свою радость с мамой и папой.

И вот все эти нарождающиеся чувства зреют у подростка и ждут своего поименования. Но нет! Среда, дворовая компашка, табуирует, запрещает это, глумится не только над словами любовь, красота, благодать, она пресекает даже возможность открытого чистого взгляда. Она опускает подростка.

Цинизм убивает универсальное святое чувство, которым можно описать все лучшее, что есть в наших детях по естеству, т.е. что дано от рождения. Это – благоговение. Но этого мало. Матерщина не просто лжет на эти святые чувства, она оскверняет. А ребенок – ведь он прост и, как правило, вынужден становиться конформным. А затем он и сам интериоризует эти ложные поименования, т.е. сам начинает лгать на себя, на свой внутренний мир. И этим убивает, выжигает святыню души. Все же это приводит к совершенно особому, внутриличностному феномену – бессловесности души. И это не просто «скудный запас слов». Слов как бы вообще нет. Такой человек стыдится слова. Он опущенный. У него остались обрывки каких-то глагольных форм, фрагментарно представлены некоторые из прилагательных и т.п.

В Евангелии от Матфея Господь Иисус Христос рассказывает притчу о званых на вечерю. Царский пир в этой притче символически обозначает встречу людей с Богом. И вот когда, говорится в притче, брачный пир наполнился возлежащими, Царь, вошедши посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. ([Мф.22, 10–12](#)).

Брачная одежда – символ чистоты души, нажитых духовным трудом добродетелей. И как уместно было бы сказать этому человеку: «Господи! Прости меня, Сам дай мне эту одежду». Но грех нераскаянный рождает некое запирающее искреннего слова. Возникает ложный, греховный стыд

сказать искреннее слово. (Отец [Павел Флоренский](#) писал, что грех рождает закрытость души.)

Кроме того матерщина – это оскорбление Божией матери и своей собственной матери. И если Церковь постоянно прославляет Пресвятую Богородицу и учит чтить свою мать, то демоническое начало подвигает оскорблять эти Святыни.

Вот это – начало, основание нашего социального низа. Отними у него скверное слово, вся структура низа развалится, как карточный домик.

И без обиняков надо признать, что нецензурная брань энергетически гораздо сильнее и бытового и литературного языка. Но наша секулярная педагогика, не имеющая подлинного нравственного корня, – что она может противопоставить осквернению через слово. Ведь она не знает источника высшей энергичности – Бога.

Ибо подлинный русский язык, язык А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского – этот язык родом из Евангелия. И когда выбивают основу и оставляют только верхушки, т.е. «великую русскую литературу» вне ее основной Жизни, Энергетики и Фундамента, то человек не устаивает в чистоте, даже и посвящаясь в классику.

И ведь посмотрим, что происходит. Сегодня медленно, но верно матерщиной заражаются все более широкие слои общества. Незаметно появилось убеждение, что в этом нет ничего страшного, что это вроде даже как бы и нормально. Что мол и интеллигентные люди ругаются.

Но спросим, что же может быть стражем на пути засилья и осквернения? Только одно – страх Божий. Он сначала оградит от этих слов. А благодать откроет нам наши чувства и поименует их дивными русскими словами. А затем не будет для этой грязи и места в душе, которая наполнена высоким и чистым содержанием.

Описывая «верх» социального слоя российского детского общества, мы говорили о двух главных пороках: праздность и малодушие. Когда же мы переходим к «низу», то здесь также не видно мужества. Хотя социальный низ ближе стоит к мужеству. Но мужество – это облагороженная дерзость. Благородная дерзость – уже не дерзость, а дерзновение, мужество. Но все же чаще мы имеем дело не с мужеством, а с жестокостью.

Воспитание девочки-христианки

Как в воспитании мальчиков, так и девочек существуют общие принципы, подходы и общие проблемы. Так принцип освоения культурно-исторического и религиозного отечественного наследия остается общепедагогическим. Кроме этого общим является и способ жизнедеятельности детей. Это – братство. (В случае реализации однополового принципа у девочек – это будет сестричество.)

У современных девочек так же, как и у мальчиков есть общий нравственный порок праздность души. И просто механическая занятость в кружках и секциях, к сожалению, лишь отчасти решает проблему праздности, т.е. некоей пустоты души.

Сегодня чрезвычайно важным является восстановление подлинных идеалов русской девушки. Сегодня это сфера смещена и доведена до абсурда.

Идеалы, которые культивирует общественное сознание сегодня следующие. Первый расхожий идеал – девушка как фотомоделль. Требуются хорошие внешность и фигура, белозубость, внешняя нахвтанность и пр. Вообще, как бы исходной точкой всего является не сердце или ум, а бедро. Все должно быть от бедра и не выше бедра, и мысли, и желания, и чувства.

Второй идеал, который завоевывает сегодня огромную популярность, несмотря на очевидную его безнравственность – девушка как блудница. Само это занятие все менее и менее порицается в обществе. О печальных последствиях этого стиля жизни говорить не приходится. Любому педагогу и психологу они очевидны. И прежде всего – это потеря первоосновы, того главного, зачем девочка появляется на Свет Божий.

Речь не идет об анафематствовании, о проклятии этих несчастных. Напротив, среди них попадаются натуры искренне страдающие и глубокие. И в Евангелии мы видим образы кающихся блудниц. А пример преподобной Марии Египетской – сначала блудницы, а затем великой святой, – лег в основу христианской нравственности как пример одновременно и милости Божией, и огромных возможностей человеческого духа, стремящегося к возрождению.

Однако жалея таких девушек и женщин, мы не можем не порицать причины, которые приводят к этим аномалиям. В первую очередь – это широкая пропаганда порнографии и насилия, распущенности и блуда,

которые, ведут сегодня средства массовой информации.

Основополагающим и положительным нравственным идеалом для русской девушки должен быть идеал добропорядочной жены и заботливой матери.

Безусловно, путь всякого человека полон тайн. И девушка может не выйти замуж или, будучи в замужестве, не иметь детей. Но по вере каждого человека Господь даст и сил понести свой крест.

Это не меняет главного направления нашей заботы. Именно такая, совсем непопулярная сегодня и старая, как мир, установка на замужество и рождение детей и есть одновременно и подлинно государственный и нравственно осмысленный подход в деле воспитания девочки.

В связи с этим главным охранительным нравственным чувством, которое всегда формировало облик русской девушки, было (и есть сегодня и будет всегда) – целомудрие.

Образом сегодняшнего массового сознания является девушка, у которой все просто и легко – просто вступить в связь, просто разорвать ее. А по сути дела, к 25–30 годам такая женщина не может не чувствовать ничего другого, кроме опустошения, одиночества и тоски. И хотя путь возрождения ей не закрыт, но он должен начаться с горького признания того, что до сего времени она была ничем другим, как сточной канавой для разных мужчин.

Дело в том, что за 1000 лет существования на Руси Православной Церкви в народе, говоря механистично, сложилось огромное количество благодатных энергетических ресурсов. И эта энергия безусловно имеет свою инерцию и не вдруг уничтожается, но бесконечно паразитировать на этом нельзя. А общество, в котором мы живем, за последние десятилетия не нажило положительной энергии. Ибо у многих наших и первых и «последних» безбожников был заложен некий фундамент позитивного психобиологического потенциала. Но сегодня об этом запасе не может быть и речи. Он сгинул безвозвратно, вместе с золотым запасом. И лишь у духовных людей, по мере их открытости и искренности перед Богом, сохраняется и приумножается энергия Света, благодати и радости. И верным и вечным таким источником является Церковь.

Целомудрие девушки – это хранение своего тела и души в чистоте и целостности для Бога и мужа.

Понятно и ясно, что чистой по естеству, но нерелигиозной девушке практически невозможно сегодня устоять в целомудрии. Так как при яркой экспансии разврата, буквально отовсюду, стыдливость будет восприниматься ею как невроз, закомплексованность и глупость.

И лишь христианское братство успешно противостоит этому напору. Наш четырехлетний опыт работы в Воскресной школе в Конакове лишнее доказательство тому. Нам радостно отметить сегодня, что девушки и парни, воспитанные Церковью, способны на чистую, романтическую любовь, у них сохранились стыдливость и стойкость по отношению к агрессивному и блудливому миру³⁴. Сейчас они пишут стихи о любви, влюбляются,

придет время и, даст Бог, будут вступать в браки.

Кроме главного и фундаментального нравственного чувства у девочек – целомудрия, можно говорить и о других. Это – терпеливость, жалость и милосердие. Это и хозяйственность, т.е. особая домашность девушки – будущей жены и хозяйки. Не углубляясь в многообразие характеров и типов, надо отметить, что одной из характернейших отрицательных черт сегодняшней женщины является психологическая бездомность. Сразу надо серьезно оговориться, что исключений здесь много. Известны женщины, которые любят, чувствуют и ведут свой дом. Ибо, женщина и уют – это синонимы!

Итак, речь здесь видимо идет о таинстве устроения самой души той или иной девушки или женщины. Та женщина, которая «сама не в себе» – именно она и не может по-видимому иметь дома. И обретение дома для женщины приходит параллельно с возвращением к себе, к святыне своей души.

Вместе с тем не стоит возлагать всю ответственность за дом на женщину, так как хозяин и муж тоже не всегда бывает сегодня в должной форме. А иногда даже и до такой степени, что у всякой хозяйки руки опускаются.

В Евангелии от Луки есть замечательный рассказ о Марфе и Марии: В продолжении пути их, пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово его. Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогала мне. Иисус сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется от нее ([Лк. 10, 38–42](#)).

Данное место не стоит толковать как оппозицию мирского и монашеского образа жизни или умонастроения.

Марфа заботилась, как сказано, о «большом» угощении, т.е. речь здесь идет о заботах об излишествах и пустой суетливости, которые

бывают характерны для женщин.

Много глупостей было сказано в адрес Церкви, когда речь шла о равенстве женщин в период, так сказать, «стирания граней» между городом и деревней, русским и украинцем, мужчиной и женщиной и пр. И, увы, процесс этот продолжается и сегодня.

А ведь проблема решается предельно ясно в первых же главах Библии: мужчина и женщина равны по достоинству, но не равны по происхождению. По плоти Адам и муж Еве и отец одновременно. Мистика этих отношений и отражает сущность христианского брака.

Равенство «по достоинству» означает равенство природ мужчин и женщины: вечной души, свободной воли и разума.

Православная Церковь является кладезем великих примеров и идеалов для подражания. И для наших сегодняшних девочек и девушек таковым прежде всего является житие Самой Божией Матери. Ибо Пречистая Дева и есть Кладезь целомудрия и чистоты. Это также и святые образы жеммироносиц, святых мучениц и преподобных. Назидает девушку-христианку и жизнь и подвиг той святой, именем которой она наречена во святом крещении. Для христианок Тверского края непреходящим примером жертвенности, верности своему мужу, христианского благочестия и чистоты является великая княгиня, а затем и инокиня Анна Кашинская.

С верой в возрождение этих святых для русского сердца идеалов в среде наших российских девочек, девушек и женщин сегодня мы и заканчиваем наш разговор о воспитании русской девочки.

Те, кто хотят доказательств для своей веры, – на ложном пути. Вера – свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое, даже от самого себя, желание доказательств, – нет веры. Знаки Богоявления не надо принимать как «доказательства» – этим мы снижаем, перечеркивая, подвиг веры.

Свящ. [А. Ельчанинов](#)

Бог, мир и я. Мысли после вечерней молитвы

Нравственный кризис, ныне постигший нас, – есть прежде всего кризис возрожденческого, нерелигиозного гуманизма. Говоря о нерелигиозном гуманизме, речь идет не о гуманности как качестве души, т.е. человеколюбии. В данном случае говорится об онтологии гуманизма, т.е. о том, что тот гуманизм, который ставит в центр человека, и порождает в личной жизни эгоизм и самоистуканство, а в общественной – идолопоклонство (актеры, поэты и проч.) и культ личности (Ленин, Сталин и др.).

Ранний Ренессанс хотел видеть во Христе человеческое – душевное и плотское начало. Поздний – совсем забыл живого Христа.

Современный гибкий светский гуманизм уже теперь, наспех желал бы «включить» в свои схемы и системы Иисуса Христа, но опять же не как Жизнь, но лишь как символ, абстракцию как «часть культуры».

И беда, и вина, и истоки кризиса нерелигиозной антропологии состоят в том, что она понимает и исследует человека: то как психобиологическое, то как психосоциальное, то как историческое, то как деятельное существо, т.е. всегда посюсторонне, временно, суетно, здешне. И никогда: духовно, абсолютно, как данное для вечности, как образ Божий.

Многотысячелетний подвиг ветхозаветных и новозаветных аскетов, пророков, преподобных, святых и праведников состоит в выявлении, избличении и борьбе против диавола, дабы препобедив его стою Духа Святаго и прославить в душе своей Бога.

Центром и сущностью христианской онтологии является и не Бог, и не человек, а Иисус Христос – Богочеловек, неслитно соединивший в одном Лице два естества.

Верующему во Христа человеку не совсем понятна «порядочность» ради самой порядочности. Осмысленна же порядочность Христа ради. Тем более, что и в самой порядочности удержаться, как правило, не удастся. Все сделаешь что-нибудь гаденькое и подленькое. Другие, может, и не видят, но сам-то знаешь, совесть начнет обличать. Здесь бы в самый раз бы и покаяться, и поплакать пред Господом. Но если Бога нет в душе, тогда вместо покаяния самоедство и уныние. Уныние же рождается еще и от мысли, что «все кругом» подлые и непорядочные. И бывает обидно за собственную порядочность («не могу иначе»). Здесь-то к унынию

присоединяется еще и цинизм. И вот поэтому-то безбожная российская интеллигенция от века, во-первых, «порядочна», во-вторых – уныла.

Зигмунд Фрейд исследовал отношения отца и сына – Эдипа и Лая (эдипов комплекс), хотя это и миф, но он не «заметил» евангельских отношений Отца и Сына, хотя это и реальность. И не захотел отнестись к этой реальности даже как к мифу. А жаль, ибо любовь Отца и послушание и жертва Сына в Духе Святом снимает, в частности, эдипов комплекс. Но этого не может знать психоанализ.

Групповая психотерапия в современной психологии – это подмена подлинной соборности и единения в жертвенной любви иллюзорной, мнимой любовью (принятием другого), чуждой духовного подвига, любовью безосновной.

Аутогенная тренировка – это поглаживание тигра (т.е. внутренней гневливости, раздражительности, обидчивости и пр.). Но тигру нужна настоящая управа, а это – молитва и пост.

Гипноз – это прогулка спящей, расслабленной души в ад. Духовному сну святые отцы противопоставляют трезвение и бодрствование. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить, – говорит апостол ([1Петр. 5, 8](#)).

Психология, не имеющая нравственной основы, умеет опасность стать служакой любой социальной силы.

Психология, понимающая, скажем, раздражительность либо как моральный недостаток, либо как невротический симптом (болезнь), либо как следствие быта («среда заела»), но не как личный грех – такая психология лишена всякой духовности и всякой способности возродить падшую душу.

Священники, педагоги, психологи, сами не подвигающиеся в препобеждении ненависти, уныния, раздражительности, гордыни и пр., – не могут помочь ни одному человеку. Блаженной памяти старец Тавриан говорил: «Учить сейчас никого не надо – все нынче ученые. Надо показывать». Психолог, изучающий личность и так или иначе игнорирующий личность Христа, занимается исследованием не личности, а личины. Обожженная Христом человеческая природа являет теперь собой нравственную сущность и тяготеет либо к Лику, либо к личине, свободно избирая либо путь греха, либо добродетели.

Психологам надо бы обучать не общению, а учить любви. Любовь же сама научит всему; но для этого надо самим быть сосудом любви, а не порока. Не надо пугать любовь с нашим всегдашним, интеллигентским ласкательством.

Советская психология до сих пор совершенно игнорировала и продолжает не замечать весь духовно-психологический многовековой опыт Православной Церкви. Это «незамечание» понятно. Ибо открой любую святоотеческую книгу и сразу увидишь отличие между знанием, добытым кровью, подвигом и борьбой духа, и знанием вне-опытным, безличным.

Не надо путать стыд как духовное, религиозное чувство и стыд как невроз. Задача психотерапии состоит вовсе не в том, чтобы победить якобы «ложный» стыд и сделать человека «свободным», как думают иные душеведы, а в том, чтобы стыд стал бы чувством религиозным. Попрание же стыда никогда не рождало и не будет рождать душевное здоровье. Оно рождает лишь кощунство, подлость, грех, нечувствие ко греху, есть лишь имитация психического здоровья. В основе его лежит ячество и гордыня.

Синонимом же стыда духовного, т.е. его позитивного начала, является благоговение перед Святыней. Святыней для духовного человека является: храм, икона, крест и пр. Но благоговение не нужно путать с сентиментальностью.

В одном из номеров «Советской культуры» руководитель лаборатории, изучающей так называемые аномальные явления («тарелки» и пр.), в своем отчете приходит к выводу, что помимо биологической жизни существует еще и, как он выразился, «эфирная» жизнь. А говоря проще – духовная жизнь, т.е. существуют реальности духовного мира. И это совершенно верно. Нам остается только добавить, что «эфирная» жизнь не только разумна, как пишет автор статьи, но имеет и нравственный радикал, т.е. допускается существование и демонического мира. Об этом-то и говорит много веков Православная Церковь. Это не только учение Церкви, но и Ее многовековой опыт.

Даже в самой идеальной семье во Христе все же всегда есть место тихой, светлой печали и скорби. Печаль и скорбь происходят от того, что душа знает, что скоро расставаться с милым сердцу человеком. Скоро, ибо как бы ни были пока молоды и здоровы супруги, они чувствуют и знают, что человек, как трава, которая утром вырастает, днем цветет и зеленеет, вечером подсекается и засыхает ([Пс.39,6](#)). Но скорбь светла. За расставанием видится и встреча. Но это знает опытно лишь верующий, ибо человек рождается в вечность, а не ради 70–80 лет земной жизни.

Мать отпевает своего ребенка, и ропщет, и говорит священнику: «За что Господь наказал меня?!»

Муж отпевает свою жену, ей 55 лет, ропщет и говорит священнику: «За что Бог отнял у меня ее, не было ближе человека...»

Сестры (им по 60 лет) отпевают свою 80-летнюю мать и в недовольстве говорят мне: «Батюшка, как хотите – а теперь сироты! Она могла бы еще пожить...»

Преподобный Феофан-затворник в одном письме своей духовной дочери пишет примерно следующее: будем плакать и горевать о своих ушедших сродниках, но будем делать это как христиане. Если нет иного измерения, иного бытия, тогда у нас могут быть только наши земные мерки счастья и несчастья, «безвременной кончины» и пр.

А у Господа свой Суд и свой Промысел. У него нет безвременной кончины. И здешняя скорбь имеет свою оборотную сторону. В Апокалипсисе пророк говорит тем, кто страдал Христа ради: Агнец, который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод: и отрет Бог всякую слезу с очей их. (Ап.8, 17).

Когда убивают христианина за его веру, мы душевно плачем (жалко по-человечески), а духовно радуемся, ибо еще одного молитвенника за нашу землю Господь дал нам. И в этом смысле кровь, пролитая за Церковь и Христа в последние 70 лет, – это и наша скорбь, но и наша слава, слава Церкви.

Христиане, как в древности, так и теперь, опытно знают – что действие благодати Святаго Духа. Видимым свидетельством в наши дни неотмирности этого Духа является любовь супругов. Муж и жена любят во Христе друг друга с каждым годом все больше и больше. Сие совсем неведомо (кроме приятных исключений) людям мира сего. У них привыкание порождает досаду от одного только вида супруга (супруги). Держатся еще на какой-то доброй ноте уважения нерелигиозные супруги пожилые. Они многое наследовали от своих верующих порядочных мам и пап. А молодежь уже во множестве либо разводится, либо прелюбодействует, либо живет «ради детей» или что-то в этом духе. Влюбленность у многих так и не претворяется в любовь.

Тайна супружеской любви во Христе состоит в том, что супругам в таинстве брака Господь открывает, дает видеть образ Божий в супруге – ту святыню души, которая есть в любом человеке.

Причем это не просто «хорошие моральные качества», а именно образ Божий. Это неизреченно! Это величайшее диво!

Как это в совершенно обычном человеке живет Бог?!

Если я оставляю молитву и жизнь в Боге, то уходит и подлинное видение образа Божия, и я вижу перед собой только кухню, только халат, немытую посуду и – главное, что завтра будет то же, – и это ужасно! И напротив, по мере одухотворенности супруги видят эту святыню души все

чаще, а потом и всегда. Каждый супруг знает, что он познан другим. И это есть откровение. Особое и сакральное значение имеет и встреча супругов. Она никогда не бывает случайной. И лучше, если эта встреча благословляется духовником. Люди мира сего прельщаются, когда думают, что выбор супруга (супруги) – это дело их активности. И хотя это внешне и так, но сводит-то Господь. Поэтому нам, христианам, смешно смотреть на все эти брачные конторы с картотеками: «Любите ли вы Шопена?» – «А я люблю бифштекс».

Господь соединяет несоединимое.

Это, впрочем, не значит, что в браке намеренно надо игнорировать образовательный уровень, обстоятельств жизни и пр. Но бесспорный эмпирический факт состою в том, что множество супружеских пар, которые готовы были уже, как сейчас говорят, «разбежаться», но, встав на духовный путь, придя к вере, были поражены вскоре новой любовью друг к другу. И это чудо, которое никто не сможет отнять у нас, людей веры.

Все это видел сам автор этих строк. Но все эти осознания и откровения совершаются не как-то «отдельно», а в потоке житейской суеты и дел, в которые мы, христиане, включены вместе со всеми.

Народ, перестающий жить духовной жизнью, теряет владения. Он не владеет землей (земля не кормит), не владеет собственной душой (гнев, раздражительность и т.п.), не владеет и телом. Теряются и всякие умения: оскудевают ремесла. Апостол Павел во 2-ом послании к Тимофею пишет, что такой народ всегда будет учиться и никогда не придет в познание истины (2тим.3, 7). И действительно, мы учимся всему. Везде курсы повышения квалификации, но, увы, именно последняя-то год от года оскудевает.

Стали нас учить и «подробностям» полового акта. Это уже полное непонимание природы человека. Надежды же, что это обучение «укрепит семью» – очередной фантом иллюзорного спасения.

Таким образом наших детей просто хотят лишит последних остатков целомудрия. Слово, кстати, совсем забытое и неведомое ныне многим.

Подробностям половой жизни никого учить не надо. Любовь научит всему.

Господь говорит в Евангелии: Царствие Божие внутри вас есть ([Лк. 17, 21](#)).

Человеку уже даны многие умения, и дарования. Надо просто открыть эти дарования. Ключом же к этому является вера и жизнь в Боге. Не надо понимать весь этот пассаж в том смысле, что автор против вообще всякого учения. Сказано лишь то, что сказано. Частый показ и демонстрация

обнаженного тела в разных формах ведет, как думают иные, «к снятию напряжения». Это ложь. Это ведет не к снятию напряжения, а к пресыщению и последующим поискам извращений нравственно растлившейся души.

Святые отцы говорят о триединстве человека: дух, душа и тело. Если общество перестает жить духовной жизнью, то поначалу какое-то время оно еще держится на инерции «пережитков прошлого», а затем – «плотнянет», т.е. впереди идут уже грубые плотские пороки: блуд, пьянство, убийства и самоубийства, воровство, матерщина, цинизм, уныние, отчаянье.

Одно дело, когда деспотичный отец не пускает свою дочь вместе со всеми подростками в субботу на дискотеку («воспитывает»), а иное дело, когда отец идет с дочерью в субботу ко всенощной. В первом случае рождается злоба, невроз («почему все пошли, а я нет»), а во втором является радость, спокойствие духа от общей соборной молитвы в Церкви. И когда кто-то хочет запретить дискотеки, продажу водки или еще что-то в этом роде, но не говорит, чем же должно заполнить образовавшуюся пустоту душевную – такому человеку я не верю. Такой человек сам еще не определился духовно.

Многочасовое глаzenie в телевизор – это стояние на берегу жизни, проживание чужих жизней и ситуаций, забвение своей собственной судьбы, мираж. По многу часов телевизор часто смотрят малодушные, боящиеся самих себя люди. Чем больше смотришь, тем больше мужества требуется, чтобы оторваться и вернуться к себе, к своим духовным и жизненно важным проблемам.

Боязнь тишины – знамение времени.

Экстрасенсы часто употребляют выражение «энергия космоса» и подобные этому, но надо знать, что такая энергия всегда персонифицирована – т.е. она имеет своим источником либо Бога, либо сатану. духовная энергия не бывает безлунна. Стяжать же Божественную энергийность (благодать) можно лишь многолетним духовным подвигом покаяния, причащением и соборной церковной молитвой. Желание быстрого учительства и быстрого обладания «силами» даже с благими целями («помочь людям») ведет к прельщению и происходит от гордости. Сатана, действуя через такого человека, может оказывать даже временное, видимое улучшение телесное и душевное. Обман происходит от незнания аскетики и подвигов святых отцов, которые накопили колоссальный опыт борьбы с демоническими кознями.

При этом они искали не «сил» для исцеления – прежде всего они

боролись с внутренними грехами, а главное – с гордостью и тщеславием. и когда Господь через много лет подвижнических трудов давал этот дар, дар исцелять недуги и болезни, то они принимали его с великим смирением и полной убежденностью, что они исцеляют не своей силой, не своим благочестием, а являются всего лишь проводниками Божией благодати. Некоторые экстрасенсы ссылаются также и на то, что они тоже иногда молятся и иногда причащаются. Но подлинное покаяние все же для них остается неведомым. Это они делают скорее для подтверждения истинности собственной деятельности. Покаяние – это многолетний подвиг очищения, и он не может совмещаться с врачевательством.

Если родители прелюбодействуют, то грех ложится на детей и искривляет их жизненный путь. Это опыт многих поколений.

Добрачные связи стали у нас нормой. Без каких либо уступок можно сказать только одно – это тяжкий грех, лишаящий будущих супругов целомудрия и чистоты.

Греховная жизнь лишает человека его природы и в половом отношении. Поэтому-то сейчас часто говорят о бисексуалах, феминизации мужчин и т.п. и, напротив, духовная жизнь возвращает человека к его природе (см. притчу о блудном сыне [Лк. 15, 11–32](#)). Мужчина обретает мужественность в подлинном смысле этого слова, а женщина – женственность, а это есть: кротость, смирение, миротворчество (вспомним жен-мироносец), целомудрие, чистота, стыдливость.

Душа любого человека мистически, таинственно ищет благодати, отдохновения, покоя, высвобождения от пут внутренней душевной тяготы, греха. Но принципиальное отличие христианина от обывателя состоит в том, что мы ищем благодати сознательно и знаем, что ее возможно стяжать только через духовный подвиг и труд. Это для нас прежде всего: соборная и домашняя молитва, покаяние, чтение духовной литературы, беседы с духовником, пост, полнота участия в Божественной литургии в воскресные и праздничные дни.

Наш же обыватель вообще не знает и не чувствует этой жизни и надеется прийти к полноте познания и благодати только через клубную (в широком смысле) жизнь: лекции, общение с интересными людьми, чтение хороших книг, участие в различных обществах, туризм, просмотр интересных передач по телевизору, бег трусцой, писание стихов, хобби и пр. Все это, взятое отдельно, само по себе не несет ничего дурного. И христианин не должен быть чужд всех этих занятий и увлечений. Но в данном случае я говорю о способе существования – собственно церковном и клубном. Второй путь проверен многими и совершенно безнадежен для

подлинно духовного возрождения. Первый – также проверен многими. И пусть нам будут свидетелями сотни тысяч святых, которые пошли нелицемерно за Христом до конца и не постыдились.

Преподобный Серафим Саровский пишет, что целью жизни христианина является стяжание благодати Духа Святаго. Насколько же сам он был облагодатствован Богом – узнаете, прочитав его житие.

Прочитал об английском клубе здорового питания. Создатель клуба подчеркивает, что она предлагает не новую диету, а иной способ жизни. Надо встречаться в клубе и обсуждать, с каким маслом кто и как перемешивал лук и что чувствовал, когда поел с таким луком котлетку, и насколько похудел – в течение недели, месяца, года. Подобная клубная жизнь – это подмена духовной жизни, жизни соборной, церковной. Вместо того, чтобы возрождать душу и готовить ее к вечности, эти люди служат собственной плоти. Совершенно необходимо умеренно и правильно питаться, но это ужасно, если собственная плоть становится идиолом.

• Каждый должен испытать себя, вспомнив вторую заповедь Божию: Не сотвори себе кумира... Апостол Павел так говорит об этом: Все мне позволительно, но не все полезно; все позволительно, но ничто не должно обладать мною. Пища для чрева, чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. Бог воскресил Господа, воскресит и нас силою своею ([1Кор. 1, 12–14](#)).

Апостол Павел говорит: Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание ([Гал. 5, 22–23](#)).

И напротив, дела греха это: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, соблазн, ереси, ненависть, убийства, пьянства, бесчинства и тому подобное ([Гал.5, 19–21](#)).

Сейчас мы часто говорим о том, что грехи наших отцов и дедов легли на нас. Это говорится хотя и не без пафоса, но все же вполне отвлеченно. Грехи легли вполне реально и зримо, и именно на наши души. Как же можно увидеть или почувствовать это? Это можно увидеть и почувствовать через меру своего личного грехопадения. Кто не видит своего греха – тот слеп. И в моем грехе – грех моего деда, прадеда, народа в целом, но и теперь уже не они грешат, а я принял этот грех, соединился с ним и грешу по своей воле. Поэтому не будем больше устраивать судилище палачам прошлого. Открой лучше свой грех Богу и тогда увидишь, что в сердце твоём наряду с добрыми пожеланиями, есть место и палачу, и убийце, и прелюбодею, и садисту. Вот именно поэтому Великим

постом и читается дивная молитва иже во святых Отца нашего преподобного [Ефрема Сирина](#): Господи и Владыка живота моего, дух праздности, уныния и любоначалия, и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу твоему. Ей, Господи, Царю даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Конец и Богу слава!

Вместо заключения

Трагедия современной жизни в том, что из-под ног человека выбиты твердые основы нравственности и духовности. «Не плоть, а дух растлился в наши дни, и человек отчаянно тоскует», – блестяще сказано поэтом Ф. Тютчевым о состоянии современного человека. Тоска – безверие по потерянному Небу, Вере, неутвержденность человека на земле (отречение от традиционных культурных основ), – все это становится предметом пристального внимания священника-пастыря, стремящегося привести стадо словесных овец на цветущие обильные пастбища.

Книга бесед, проповедей протоиерея Бориса Ничипорова отражает собой поиск духовных основ возрождения личности. Они – как данное в веках – наличествуют в таинствах христианской веры и жизни Православной Церкви.

Протоиерей Борис, совмещая в своем служении небесный дар пастырства с высшим образованием психолога, стремится найти тот оптимальный уровень духовного состояния, с которого естественнее и доступнее вести диалог-проповедь с людьми, обратившимися к Церкви Христовой или каким-либо образом соприкасающимися с Ней. А последних сейчас много больше, чем верных чад Матери-Церкви. О них чуткое сердце пастыря объято Духовной тревогой.

Благослови Господи! Чтобы начатки «путей Твоих», явленных в синтезе научных и Духовных знаний споспешествовали всем читающим и слушающим слово проповедника обрести прямые и твердые пути ко Спасению.

Протоиерей Георгий Бреев

Толкование некоторых базовых духовных понятий

Благовест – один из видов церковного звона. Под благовестом разумеется звон в один колокол, которым церковь призывает верующих к богослужению. Благовест имеет также образное, метафорическое значение, как призыв проснуться от духовного сна, от летаргии безбожия последних десятилетий.

Благодать – проявление силы Божией. Благодатные дарования Святого духа перечислены апостолом Павлом. Это: любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание ([Гал.5, 22](#)). Существенный признак благодати, есть то, что она изливается на человека как дар Божий независимо от каких-либо его заслуг. Современный человек часто ищет благодати в суррогатах массовой культуры, а также в наркотиках, пьянстве и пр. По словам преп. Серафима Саровского смысл христианской жизни состоит в стяжании благодати Святого Духа. Благодать – это сугубо опытное переживание.

Благоговение – переживание близости духовной святости. Противоположное качество – цинизм. В современной жизни цинизм как форма нравственного уродства присутствует под видом ложной образованности, «цивилизованности». Вл. Соловьев в «Оправдании добра» выделял три нравственных чувства, характеризующих полноту человеческой личности: стыд, жалость, благоговение.

Братство (Христианское) – особое единение людей во Христе на почве общих религиозных, экономических, военных, культурных задач. Как правило – это мужское объединение. Историческим аналогом братства является Христианская община после Пятидесятницы. О ней говорится в Деяниях Апостолов: «Был же страх на всякой душе: и много чудес и знамений совершилось чрез Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в Храме и, преломляя по домам хлеб (совершая литургию, – Б. Н.), принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» ([Деян.2, 43–47](#)). Главной помехой препятствующей созданию братства, являются грехи – гордость, тщеславие и властолюбие. Свойство Христианского братства –

возможность самореализации каждой личности и ощущение общности в совместной жизнедеятельности. Братство противопоставляется одновременно и коллективизму и индивидуализму.

Грех – ап. Иаков говорит: «Всяк творит грех и беззаконие творит: и грех есть беззаконие». Ап. Павел считает грех Адама «непослушанием воле Божией». Человек всегда таинственно знает, что он совершил грех.

Дух, духовность – выделяют два вида духовности – сопряженность человека в своих высших стремлениях с Богом или сопряженность – с демоническими силами. Не бывает духовности «вообще». Нерелигиозный гуманизм подменяет духовность эстетикой, искусством, «культурой». Искусство является формой душевности в человеческой деятельности.

Душа – человек, согласно Святому Писанию, состоит из тела и души. Без души тело – прах. Душа – творение Божие. Свойство души человека – бессмертие, разумность, свобода, дар слова.

Литургия – важнейшее христианское богослужение. Литургия установлена самим Иисусом Христом в Тайной вечере. В настоящее время в Русской Православной Церкви совершается три вида литургии: Иоанна Златоуста, литургия преждеосвященных даров (в Великий пост), литургия [Василия Великого](#) (десять раз в году). Главная ценность хранения таинства литургии в Православии состоит в соединении символического и реального. Христианин в таинстве святого причастия приобщается Самого Тела и Самой Крови Христа.

Мистика – вера в божественное, в таинственный, сверхъестественный мир; нечто загадочное, необъяснимое.

Молитва – изначально присущая человеку потребность обращения к Богу. Молитва – дыхание души. Молитва бывает внутренняя, но может иметь и внешнее выражение. Центральная молитва Христианства – «Отче наш». Есть молитвы покаянные, хвалебные, молитвы-славословия. В реальной жизни христианина существует большое разнообразие обращений к Богу.

Покаяние – одно из основных таинств, установленное Самим Иисусом Христом. Христианин, искренне и сердечно раскаиваясь в своих грехах и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и с надеждою на Его Милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему грехи. Священник является посредником между Богом и человеком.

Для понимания смысла посредничества Иисуса Христа необходимо сравнить два высказывания – одно ветхозаветное, другое – новозаветное. «Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих

нас» ([Иов. 9, 33](#)). «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос» ([1Тим. 2, 5](#)). Необходимость посредничества обозначена Самим Иисусом Христом в его воплощении.

Покаяние имеет древнейшую историю – это реализация нормальной человеческой потребности в очищении души. Отличается от раскаяния, где нет обращения к Богу. Покаяние имеет и более широкий смысл. Покаяние духовное – это сам строй жизни христианина. Плоды покаяния – мир души, радость, переживание чистоты и легкости. Это состояние исключительное опытное.

Прельщение – вид духовного обмана со стороны демонических сил. Заключается в различного рода явлениях или ложных «откровениях» демонических сил под видом Божественного и Святого. Весь аскетический опыт Церкви строится на искусстве различения Божественного и сатанинского в духовной жизни. Практически невозможно обрести этот опыт вне длительного общения с опытным духовником или старцем. Аскет это тот, кто освоил науку разделения добра и зла. Мерилом этого различения является Иисус Христос.

Путь (жизненный) складывается из двух составляющих – Божией воли (промысла) об этом человеке и свободного волеизъявления самого человека. Божья воля о всяком человеке всегда благая (добрая) и совершенная. При этом человек может «нести крест» в жизни. Желание сбросить «крест свой», избежать страданий, всегда является предательством Промысла Божия о человеке и самообманом. Своим произволом, в гордыне человек может искривить свой путь и погубить себя. Формой возвращения на свой жизненный путь является исповедь и покаяние. Духовник, молясь за свое духовное чадо, через советы и молитвы возвращает и удерживает его на собственном пум. Христианство отвергает предопределение (судьбу) вне свободы и активности самого человека. Крайней формой абсолютизации судьбы является астрология, которая ставит человека в полную зависимость от расположения звезд и от времени (месяца) рождения. Роковое предопределение пути человека отвергает его свободную волю и является по сути демоническим наваждением. Другой крайностью является нерелигиозный гуманизм. Он абсолютизирует свободу и самодостаточность человека. Нерелигиозный гуманизм утверждая антропоцентристские представления о человеке с необходимостью приводит к идолопоклонству и к «творению кумиров».

Святость – облагодатствованная в Боге душа верующего человека, который имел в своей жизни особую ревность,

дерзновение и мужество в решимости следовать заповедям Бога.

Молитвы Церкви и поклонение тому или иному святому не являются формой идолопоклонства или подмены Бога. Бог – неизмеримо выше любого человека. Церковь молится святым в связи с их особой близостью к Богу, как «угодникам Божиим», а не им, как таковым, вне Бога. Неверие в силу молитв святых является серьезным недостатком многих религиозных христианских объединений. За этим стоит неверие в сами возможности человеческого духа. Господь Иисус Христос призвал всех к совершенству: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» ([Мф. 5, 48](#))

Соборность. Сугубо церковная, православная форма человеческого единения в любви к Богу и друг другу. Основывается на совместном участии в Божественной литургии. Духовный опыт соборности – переживания реальной близости всех верующих во Христа людей, независимо от их национальности, местожительства, возраста и пр. Соборность – это опытное духовное чувство – знание.

Совесть – внутренний голос Бога, указующий на правильность (или ошибочность) наших мыслей, чувств, поступков. По слову премудрого Сираха: Бог положил око свое на сердца людей. Голос совести человек может «слышать» непосредственно. Известны «муки», «суд» совести. Человеку несовершенному часто трудно отделить «голос» совести, от «крика» собственных страстей. В связи с этим в Церкви с древних времен существует институт духовничества или старчества, где человек, умея здоровое недоверие к себе, советуется со старцем, относительно подлинности того или иного выбора, как в поступках, так и в помыслах. Как известно огромная часть времени и сил многими расходуется на то, чтобы «убежать» от мук совести. При этом диапазон «используемых возможностей» невероятно широк – от пьянства до внезапного «увлечения» рыбалкой, филателией и др. (хотя в последних, самих по себе, нет ничего предосудительного). Важен мотив – почему (!) «вдруг» он (она) так увлеклись этим делом. Единственным способом восстановления внутреннего мира и согласия с совестью является покаяние в Боге (отличается от простого раскаяния).

Спасение – совокупность благодатных действий Бога как Спасителя людей от греха, проклятия и смерти называется Божественным домостроительством человеческого спасения. Человеческое спасение осуществлялось и осуществляется теперь через воплощение Сына Божия от святого Духа и Марии Девы Господа нашего Иисуса Христа; его искупление нашего греха на Кресте на Голгофе во времена правления Понтия Пилата; его воскресение и вознесение. И дальнейшее нисхождение Святого Духа, который благоизволил через апостолов и святых людей

устроить Церковь. Церковь не может быть побеждена силами зла «Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» ([Мф. 16, 18](#)) – говорит Господь. Церковь является одновременно местом нашего спасения и школой духовного возрождения.

Таинство – имеет широкий смысл – как обозначение всего сокровенного, как Божественная тайна, непостижимая даже для ангелов. Таинство имеет и узкий смысл – как церковные таинства, как священное действие, через которое тайным образом действует на человека благодать Святого Духа. Существуют таинства и демонического характера. В познании, например, это обнаруживается в двух извращенных формах – рационализме и мистицизме. В первом вообще отрицается наличие тайны мироздания, ключевым понятием здесь является проблема. Во втором, напротив, – предельная абсолютизация тайны, приводящая к крайнему агностицизму. Архиепископ [Григорий Палама](#) (XIV век) показал в полемике с мистиками, что Бог непознаваем в своем существе, но познаваем через Свои энергии. Именно таким образом Церковь преодолевает крайности рационализма и мистицизма. И именно через одновременное принятие тайны и проблемы мироздания лежит путь истинного познания, в том числе – и в современной психологии.

Христианская антропология – христианское учение о человеке, исходящее из евангельского и святоотеческого наследия. В противоположность антропоцентризму Христианская антропология основывается на христоцентризме, т.е. на учении о нераздельности и одновременно неслиянности двух природ во Христе – Божественной и человеческой.

Примечания

Шпрангер Э. Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 289.

Там же. С. 295.

Дух // Философская энциклопедия. Т. 2. С. 82.

Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т.1. С. 95 (курсив автора –*В.С.*).

Там же. С. 52 (выделено автором – *В. С.*).

[Франк С. Л.](#) Соч. М., 1990. С. 408 (выделено автором –*В.С.*)

Там же. С. 409 (выделено автором – В. С.).

Там же. С. 414 (выделено автором – *В. С.*).

Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990.

Непомнящий В. Поэзия и судьба. М., 1983.

Мамардашвили М./Театр. 1991. № 3.

Розенталь Д. Э. Русский язык. М., 1988

Л о с е в А. Ф. Философия. Мицүология. Культура. М., 1991.

Непомнящий В. Поэзия и судьба. М., 1983.

Ильин И. За национальную Россию // Слово. 1992. М 5–7. (выделено автором – Б. Н.).

И л ь ин И. За национальную Россию // Слово. 1992. М 5–7.

Первое известное произведение русской литературы – это Слово митрополита Киевского Иллариона «О законе и благодати». Благодать – дар Святого духа. И это сочетается со словами Священного Писания: где *Дух Господень, там свобода* (2, Кор. 3, 17).

Читай прекрасную книгу на этот счет: Булгаковский Д. Г. Явления умерших из загробного мира. От глубокой древности до наших дней. СПб., 1900.

Многополезные сказания об Авве Филимоне // Добротолюбие.
Т. 3. М., 1900.

Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

История русской философии. М., 1991.

Образ Божий не надо путать с понятием самость, принятом в современной психологии самосознания.

В этом смысле так отчаянно-безысходны похороны наших соотечественников, потерявших веру в вечность, в Бога. Для веры в вечность нужна вовсе не богатая фантазия, а мужество ощутить топику, глубину собственной души, перестать унывать и не бежать от страданий, как, впрочем, и не напрашиваться на них. Так откроется вечность.

Представляется, что одним из неосознаваемых мотивов гения психологии бессознательного был богоборческий мотив. Достаточно хотя бы взглянуть на последнюю страницу его «Тотем и табу» и вчитаться в последние строки этой по-своему замечательной книги, и мы обнаружим следующий текст: «Вначале было дело».

Египетский патерик // Восток-Запад. М., 1985. С.25–27.

Слово, произнесенное в Центральном Детском Театре в Москве, 5 января 1991 года на Рождественском вечере Воскресной школы города Конаково и актива ЦДТ

В последнем, впрочем, нет, естественно, ничего плохого.

Льюис К. С. Письма Баламута. М., 1991. С. 40.

Безусловно, это не единственная причина победы Церкви над силами зла.

На мой взгляд, совершенная любовь и есть та самая вожденная «сознательность», которой мы все время так жаждали, т.е. когда добро совершается не «страха ради», а из-за любви к Богу и ближнему.

Два слова о главном в духовничестве. Видимо самым важным и самым трудным делом для духовника является его прозрачность для Бога. Чтобы собою не загораживать для своего духовного сына свет благодати Божией. Это первое. А второе – мистически почувствовать особенности жизненного пути этого человека. Понятно, что здесь нет трафаретных путей. Каждый путь ко Христу уникален.

Удивляет вкрадчивость нашей социально-психологической науки. Она целомудренно называет это «идеоматическими высказываниями»

Вместе с тем опасаясь изоляционизма, мы стараемся выстраивать свою работу не по сценарию жесткого противопоставления миру. Это неизбежно привело бы к дезадаптации и невротичности детей. Напротив, мы пытаемся делать барьеры мягкими и пластичными. Две крайности, которыми грешат сегодня Воскресные школы – это либо стремление к жесткой оппозиционности к миру, либо, напротив, излишняя секуляризация. Найти этот самый трудный средний и одновременно узкий путь – задача христианских педагогов.